

НОВЫЙ БЕСПОНТОВЫЙ ФАНФИК

Александр Гарин

S-T-I-K-S

Черный заповедник

Засыпая в набитом пригородном автобусе, Яна понятия не имела, что проснется совсем в другом мире. Мире, где выживание — результат маловероятного везения, все пожирают всех, а человек — далеко не на вершине пищевой цепи... Книга для конкурса «Вселенная S-T-I-K-S».

Александр Гарин

S-T-I-K-S. Черный заповедник

Автобус шел, как и полагалось идти по проселочной дороге любому транспорту — подпрыгивая на ухабах, взрывая и обреченно дребезжа. Из-за этого Яна то и дело билась лбом о стекло, к которому отворачивалась, чтобы хоть как-то избежать вездесущего запаха перегара. Сидение рядом с ней прочно оккупировал теткин сосед Михалыч — личность, широко известная даже в их поселке алконавтов. Судьба подкинула ей этот сюрприз перед самой отправкой, когда Яна как раз уже было окончательно обрадовалась, что какая-то часть дороги пройдет без сюрпризов.

Впрочем, в данный исторический момент Михалыч был если и поддат, то самую малость. Хотя перегар об этом явно не знал. Подкрепляемый испарениями от давно не стиранный робы, он волнами расходился по салону. Ввиду близости к источнику, Яне перепадало больше всех, но пересесть было некуда. Поэтому, теткин сосед раздражал неимоверно, но еще больше злила нужда переться к самой тетке за двести километров и убивать выходные на ее брюзжание.

Не ехать тоже было нельзя. Тетка оставалась единственной живой родственницей и, скрепя сердце, Яна моталась к ней из города не реже раза в месяц.

... Наверное, она все-таки задремала. Потому что, когда девушка открыла глаза, Михалыча рядом с ней уже не было. Зато солнце заметно сместилось к западу. Должно быть, пока она спала, прошло не меньше двух, а то и трех часов.

Автобус стоял, накренившись на одну сторону и вперед. В салоне кроме самой Яны оказалось еще несколько женщин. Подсев поближе друг к другу, они громко и с вполне понятными эмоциями обсуждали безрукого водилу, который «нашел-таки яму посреди ровной дороги». Причем, судя по всему, эту тему тетки мусолили уже не по первому разу и давно.

Не поленившись выбраться из автобуса, Яна сумела лично оценить весь масштаб проблемы. Автобус, действительно, «нашел яму». И, похоже, этим не ограничился. Скорее всего, под колеса попало что-то серьезнее простой колдобины. Корпус транспорта в районе снятого колеса сильно покорежило, как будто имел место наезд, как минимум, на бревно.

Яна некоторое время наблюдала, как незадачливый водила воюет с домкратами, а весь мужской контингент автобуса, столпившись вокруг, даёт ему ценные советы. Потом вытащила мобильник. То, что тетка не принялась названивать, не встретив племянницу в положенное время, само по себе казалось необычным. Такая несвойственная родственнице сдержанность настораживала, и Яна даже слегка встревожилась за теткино здоровье.

Впрочем, объяснение нашлось быстро — несмотря на то, что перед выездом батарея мобильника была предусмотрительно заряжена под завязку, связь на этом пяточке географии отсутствовала напрочь. Некоторое время Яна пыталась победить технические неполадки всеми известными ей способами. А именно — для начала потрясла трубкой в воздухе. Потом, встав на носки, что добавило ее полутора метрам еще с пяток сантиметров, как можно выше задрала руку вверх. Она не раз видела в кино, как некоторым людям таким нехитрым способом удавалось поймать заветное самое мизерное деление, хотя бы ненадолго.

Однако, в ее случае такой номер не прошел. Вожделенный сигнал не появлялся.

— Зря стараетесь. Связь пропала как раз перед аварией. Я сам не могу позвонить уже четвертый час.

Заговоривший с ней мужик выглядел неважно. Похоже ему нездоровилось — об этом можно было судить по заметной бледности и запавшим глазам. Впрочем, большинство пассажиров выглядели не лучше. Долгая дорога и долгое ожидание незапланированной остановки никому не добавляли бодрости. Яна подавила желание вытащить зеркало и полюбоваться на собственную щекастую физиономию. Наверняка, такую мятую и одутловатую после автобусного сна, что болезненный мужик на ее фоне еще красавец.

— Так что случилось-то? — воспользовавшись моментом, уточнила она. — Прокол?

Мужик пожал плечами и сунул в губы сигарету.

— Да кто его знает. Вроде как что-то лежало поперек дороги. Удар был ощутимый, хотя ничего, что могло бы подвернуться под колеса и погнуть мост, на обочине не валяется. Перед этим еще сильно громынуло. Мотор заглох. Мистика.

Он умолк, чиркая зажигалкой и затягиваясь. Яна еще раз проверила мобильник, и сунула его обратно в карман.

Как ни крути, пассажир был не прав — то, во что они вляпались, называлось не «мистика», а совсем другим словом. Если поломки не сумели устранить толпой рукастых мужиков за целых четыре часа, они относились к категории серьезных. А это значит — автобус застрял надолго. Особенно с учетом того, что в медвежий угол, где располагался теткин пгт, ходил только этот транспорт — и то раз в сутки. Что до прочих средств передвижения — за весь день здесь вполне реально никого не встретить вообще. А ввиду отсутствия связи, тягач пришлют в лучшем случае — завтра, в худшем — послезавтра. И то, только для автобуса.

Яна оценивающе огляделась по сторонам. Местность была знакомой. Примерно километрах в двух дальше перелесок заканчивался, и начинались кукурузно-помидорные поля. Там дорога раздваивалась. Правая часть развилки вела дальше, к группке из нескольких пгт, среди которых затерялось обиталище тетки. Левая уходила к какому-то хутору. В общей сложности, по прикидкам девушки, до конечной цели назначения оставалось не больше семи-восьми километров. Даже с рюкзаком, который был набит ежемесячными городскими «подарками» для пожилой родственницы, весь путь пешком не должен занять больше двух-трехчасов. К тому же, если плестись быстрее черепахи, можно запросто успеть еще до темноты.

Идти пешком Яне не хотелось. Места, хотя совсем не страшные, были и не особенно людными. Здесь еще встречались лисы, или хуже того — одичавшие собаки. Правда, целые стаи по три-пять морд держались дальше от дорог, ближе к соляным лиманам, но перспектива нарваться даже на одну такую тварь радовать не могла. Как и необходимость отшагать с десятков километров с грузом на плечах для коротконогой коротышки, у которой и собственного веса было больше, чем просто много.

Подавив раздраженный вздох, девушка сходила за рюкзаком. Успела она вовремя, потому что отчаявшийся совладать с неисправным домкратом водила уже гнал из салона огрызавшихся теток. Тетки, которые были раздражены и утомлены не меньше водилы, распалялись все сильнее. К скандалу стали подключаться мужики, и Яна окончательно приняла решение. Поддернув лямки и проверив в чехле отцовский армейский нож, который для морального успокоения всегда носила при себе по городу и за городом, она в последний раз оглянулась на бурлящий автобус. И решительно зашагала вперед.

Первые несколько сотен метров девушка боролась с желанием вставить наушники, и отключиться от реальности. Но по здравому измышлению, решила этого не делать. Хотя бы затем, чтобы услышать, если какая-нибудь зверюга все-таки захочет искать гастрономического сближения. Палку она подобрала почти сразу. О том, что в городе палками на собак лучше не махать, не знали только самые мелкие. Но Яна махать не собиралась. Опыт подсказывал ей, что при встрече с одичавшей собакой дубинка для самозащиты была куда вернее ножа.

Меж тем окрестности чем дальше, тем нравились ей все меньше. По прикидкам девушки, лесу давно пора было бы начать редеть, а дороге — становиться наезженной из-за приближения к населенным пунктам.

Однако, этого не происходило. Напротив, лес становился гуще, вплотную подступая к дороге. Да и сама дорога из проселочной превратилась в едва заметные колеи. Яна ездила к тетке каждый месяц, и по пути знала каждое дерево. Те, что смыкали над ней свои кроны сейчас, были точно незнакомы. Как и тропа, в которую в конце концов превратилась дорога.

Она заблудилась. Должно быть, задумавшись, незаметно сошла с дороги на какое-то левое ответвление. Иного объяснения тому, что Яна стояла теперь в густом буреломе, каких сроду не могло произрастать в их степях, и где не проехал бы не то, что автобус, но и даже велосипедист, быть не могло.

Выругавшись, девушка повернула обратно. Яна уже успела устать, но теперь из-за потерянного времени идти пришлось еще быстрее. Радовало, что собираясь за город, она оделась соответственно — в то, что было не особо жалко. Видавшая виды куртка, камуфляжные штаны и удобные ботинки на толстой подошве оставались еще с тех времен, когда отец таскал ее на охоту. Уже потом Яна приспособила практичный камуфляж для загородных поездок.

Постепенно тропа снова разошлась до привычной проселочной ширины. Приунывшая было девушка приободрилась. Она даже ускорила шаг, предвкушая скорое возвращение на правильный путь. В приободренном настроении, Яна прошагала еще пару десятков метров, ожидая, что вот-вот из-за поворота покажется основная, наезженная дорога. А, если особенно повезет — и какой-нибудь движущийся, исправный транспорт...

Чувство опасности пришло мгновенно.

Яна замерла, стиснув пальцы на подобранной палке. Предупреждающая тревога стучала в висках, поднимая откуда-то изнутри волну мутного страха. Как и всегда в таких случаях, девушка не была в курсе, в чем тут дело. Единственное, что она могла знать точно — за поворотом что-то было. Что-то такое, чего по идее лучше избежать.

Избежать — значит, вернуться в те же заросли, из которых она только что вышла. Или — идти напролом через лес, с треском и хрустом, которые наверняка будут разноситься далеко вокруг.

Поколебавшись какое-то время, она решилась. Еще раз беззвучно помянув чью-то мать, Яна двинулась вперед, осторожно выступая из-за желтеющей листвы и веток, за которыми виднелся выход на знакомую проселочную дорогу.

Источник звука она увидела сразу.

Прямо посреди дороги крупная, большеголовая собака пожирала другую. До слуха

девушки донеслись сопение и чавканье, перемежаемое негромким утробным урчанием. Собака была самой здоровой из тех, что доводилось видеть раньше, не исключая даже сенбернаров. И самой уродливой. Яна успела рассмотреть огромную широкую челюсть, узкий лоб и раздутый кожистый затылок, когда пес поднял измазанную кровью морду. На незваную гостью взглянули мутные темные глаза.

Медленно, преодолевая холод, что разливался по телу от сжавшегося желудка, девушка присела, спуская с плеча рюкзак. Левую руку она оставила упертой в землю, а правую до боли стиснула на тяжелой палке, которую она все-таки не зря так долго таскала за собой. В голову ткнулась очень своевременная мысль о том, что стоило все-таки прислушаться к никогда не подводившему чутью и свернуть прямо в заросли — авось бы пронесло...

Яна едва не пропустила миг, когда тварь решила напасть. Она моргнула — а в следующее мгновение огромная зверюга оказалась рядом с ней, неведь как за долю секунды преодолев около полутора десятков метров. Девушка успела только отшатнуться, швыряя в оскаленную морду пылью. И, немислимым образом увернувшись от жамкнувших рядом челюстей, что было сил врезала палкой по открывшемуся собачьему носу.

Удар был страшен. Яна знала об этом заранее и сильно рассчитывала на него. Ее расчет оправдался — утробно взвизгнув, собака припала на передние лапы, и затрясла головой, вымаргивая запорошивший глаза песок. Воспользовавшись этой секундной заминкой, девушка отбросила остатки переломившейся дубинки и выхватила из кармана нож. Собака, которая, судя по дерганью морды, так и не проморгалась до конца, неуверенно дернулась в ее сторону — но промахнулась. Миг спустя крепкая, закаленная сталь с размаху воткнулась в ее уродливый затылок.

Пес уркнул и пал на подкосившиеся передние лапы. Отклячченный широкий зад шлепнулся вниз почему-то на несколько мгновений позже. Яна перехватила нож обеими руками, и ударила снова, потом еще... Широкая кожистая нашлепка на затылке собаки лопнула после первого удара, но только к третьему девушка сообразила, что что-то не так.

Вместо ожидаемой кровищи нож раз за разом погружался в вязкое переплетение каких-то черных нитей.

Она остановилась, тяжело дыша. Переждав несколько мгновений, окинула взглядом поле боя. Зверюга дохлой тушей лежала у ее ног. Яна уже два года не была на охоте, еще дольше — в спортзале, и понимала, что случившееся оказалось колоссальным везением. Тем более, с учетом размеров собаки, и того, что дело обошлось без единого укуса.

С трудом уняв колотившее ее возбуждение пополам с запоздалым испугом, девушка присела над убитой тварью. Теперь, когда она могла рассмотреть ее поближе, Яна видела, что зверюга была похожа на собаку только отчасти. Хотя несомненно, это была именно собака, но довольно странная. Размером гораздо больше обычных, диких, и даже откормленных, домашних бойцовских пород. Толстая шкура напоминала бычью. Необычайно развитая широкая челюсть с увеличенными клыками, сходилась едва не на затылке. На самом затылке твари вздувался уродливый темный кожанный мешок, который Яна пробила, защищаясь от нападения.

Для чистоты эксперимента девушка сходила к окровавленной тушке, которую пожирала тварь-мутант. От разъеденных ошметков мало что осталось. Но, все-таки, по ним можно было разглядеть, что как раз вот это была обычная тощая собака средних размеров, ничем не отличавшаяся от других своих собратьев. Ничего лишнего или необычного на ней не росло.

Яна снова вернулась к трофею. В нем было что-то, не дававшее ей покоя. Необычная

зверюга могла быть переносчиком какой-то заразы и, возможно, следовало бы поостеречься. Однако Яна уже так замаралась в непонятном содержимом затылка собаки-мутанта в процессе схватки, что если зараза существовала и передавалась воздушно-капельным способом, метаться было поздно. Поэтому, после колебания, она вновь присела над зарезанной тварью. Покопавшись в рюкзаке, выудила резиновые перчатки, которые везла по просьбе тетки. И, помогая себе ножом, взяла образец материала, упаковав его в резиновую тару и наглухо перевязав.

Делая надрез, девушка почувствовала, как лезвие ножа едва заметно царапнуло обо что-то твердое. Она заколебалась снова. Но, бросив взгляд на изгвазданные руки, мысленно плюнула и позволила профессиональному любопытству взять свое.

Спустя какое-то время неумная исследовательница-энтузиастка выпрямилась, с недоумением разглядывая небольшой твердый камешек в виде горошины, который лежал у нее на ладони. Горошина нашлась среди переплетения непонятных черных нитей в затылочной части твари, и о ее назначении Яне оставалось только догадываться.

Чувствуя себя на пороге открытия не то нового вида млекопитающих, не то его мутации, Яна упаковала горошину во вторую перчатку, и спрятала в рюкзак. После чего, отфотографировав с разных ракурсов тварь, оттащила ее в кусты и закидала ветками.

— Сначала — образцы в лабораторию. Потом... можно ученым или статью для медпрессы, — сама не особо веря в успех своего предприятия, пробормотала она. — На крайняк, к Кириллу. Он вечно рад подобной дряни. И свои связи в НИИ у него есть.

Кирилл Стеценко был младшим следяком, который работал в отделе немногим меньше самой Яны, но с самого начала успел прославиться неумной страстью ко всему совершенно-секретному-инопланетному. Сотрудники подозревали, что неугомонный сержант и в институт МВД поступал исключительно с целью «покопаться в х-файлах», а не обнаружив таковых, писал заявление в органы ГБ. В ГБ его не взяли, но от неудач воля к исследованиям всего паранормального у Стеценко расцветала только пышнее. Горошина, взятые образцы ткани и фотки могли бы стать для увлеченного сержанта источником неизбежного счастья. Яна была уверена, что сотрудник примчится на место, как только увидит ее добычу, дабы самому воочию лицезреть загадочного мутанта.

Яна тщательно вымыла руки средством для мытья ванн, которое везла для нужд тетки, после чего до блеска протерла их влажными салфетками. И, почесывая раздраженную кожу, двинулась по дороге дальше, в сторону развилки к хуторам.

Однако через несколько сотен шагов ее поджидал еще один сюрприз.

Дорога, которая, по памяти девушки, именно на этом участке абсолютно точно должна была раздваиваться, не раздваивалась. Больше того — проселочные колеи с кусками асфальта, кое-где оставшимися на них еще с советских времен, просто-напросто упирались в густой бурелом.

Некоторое время Яна простояла, тупо глядя перед собой. Потом недоверчиво и осторожно подошла к самому краю дороги, которая выглядела так, будто была отрезана большим ножом. И, помедлив, потрогала его носком ботинка. С тем же недоумением, сошла, как со ступеньки, в прелую листву, и уже рукой пощупала стоящий тут древесный ствол.

Ствол, как и другие вокруг, и могучий кустарник, выглядели давними и многолетними. Да еще в массе своей хвойными. Едва ли кто-то мог притащить такое множество елей и кедров, и укоренить их прямо посреди дороги просто шутки ради.

Все еще не веря, Яна попыталась пройти заросли насквозь. Углубляясь в чащу, она все

время держала отрезанный край дороги в поле зрения. Наконец, тот скрылся за деревьями, а конца лесопосадки не намечалось.

Спустя еще несколько шагов Яна остановилась снова. Теперь, если бы она точно не знала, что находится в своей родной, южно-степной области, то могла бы поклясться, что стоит посреди сибирской тайги.

И, судя по виду, эта тайга тянулась на долгие километры вокруг.

— Чертовщина какая-то, — вслух проговорила девушка. И задрала голову.

Однако, затерявшиеся где-то высоко верхушки хвойной растительности ничего нового ей не рассказали.

Обычно Яна соображала быстро. Но появление огромного хвойного леса на месте кукурузного поля, которое она наблюдала, когда проезжала здесь месяц назад, ввело ее во временный ступор.

Впрочем, ненадолго. Жизнь и специфическая профессия приучили Яну к практичности. Убедившись в том, что прямо сейчас анализ ситуации и местонахождения не возможны, она приняла единственно правильное в ее ситуации решение. Идти в незнакомый, неведь откуда взявшийся лес напролом было бы глупостью и прямой дорогой к тому, чтобы заблудиться.

Девушка повернула назад. Вопреки опасениям, непонятный хвойный лес отпустил ее легко. Скоро она вновь шагала по знакомой проселочной дороге, отгоняя от себя нехорошие мысли о пространственно-временных континуумах, которые упорно лезли в голову в результате просмотров огромного числа ужастиков. Проходя мимо кустов, где она спрятала тушу собаки, Яна не удержалась и проверила — мертвая зверюга оставалась на месте, и воздухе не растворилась. Задранный ею псина тоже лежала там же, где и раньше. По падали ползали сонные осенние мухи.

Несмотря на то, что за сегодня она уже смертельно устала, набоялась и вымоталась, Яна ускорила шаг. Происходящее чем дальше, тем нравилось ей все меньше. Чувство опасности, сгинувшее было после победы над собакой, возвращалось. Она привыкла доверять своему чутью, которое не раз выручало и помогало ей в работе. Сейчас чутье вопило о том, что с дороги нужно уходить — и как можно дальше.

Но откуда именно исходила опасность, понять было сложно. Если верить пульсировавшему в неясной тревоге рассудку — угроза исходила уже повсюду.

Дорога к ближайшим наспунктам по какой-то причине оказалась перекрыта неведь откуда взявшейся тайгой. В окрестностях рыскал неизвестный биологии хищник, а до города оставалось около двухсот километров. Единственно разумным среди всего этого сумасшедшего бардака казалось вернуться к пассажирам автобуса и вместе с ними пытаться добраться до города, любого доступного населенного пункта или хотя бы поста ГАИ.

Это Яна и делала.

Мысли о том, что из-за той же аномальщины, дорога в город тоже может оказаться недоступной, девушка старательно отгоняла.

Впрочем, уже очень скоро ей представилась возможность убедиться, что полного объема проблемы она себе не представляла и близко.

Жидкий перелесок кончился. Яна, которая последний километр вышагивала, преодолевая свинцовую тяжесть в ногах, при виде открывшейся перед ней картины встала как вкопанная. Замерев с выпученными глазами, она не сразу нашла в себе силы, чтобы шелохнуться или хотя бы сделать вдох.

Автобус, который она запомнила стоящим на обочине на фоне засеянного поля, теперь валялся на боку в смятых и выдернутых с корнем подсолнухах. Обшивка выглядела так, как будто только что пережила нападение озверелых гопников с цепями и битами. Широкий и неровный кровавый след, который тянулся вдоль корпуса из одного из разбитых окон, был виден издали.

Но эти подробности застывшая Яна отметила только мельком. Ее внимание было приковано к мечущимся по дороге и в зарослях пассажирам. Заполошно орущих, беспорядочно разбегавшихся людей преследовали человекоподобные, нечеловечески стремительные твари.

Из того, что могла мельком разглядеть девушка, сходство с человеком у тварей казалось примерно таким же, как у зарезанного ею монстрас обычными собаками. Быстрые, подвижные и, должно быть, очень сильные, твари набрасывались на обезумевших от ужаса пассажиров, как зверье, и тут же вырывали целые куски мяса. У некоторых, по-видимому, не хватало сил, и они пытались повалить добычу, чтобы, насев тяжелой тушей, без помех сожрать уже на земле.

Тварей казалось много — почти втрое больше, чем обреченных людей. Хотя, впечатление могло быть ложным из-за того, что передвигались монстры очень быстро.

Для Яны это уже не имело значения. Она видела, что возле автобуса группа из зажатых со всех сторон мужиков пыталась чем-то отмахиваться от монстров. Но едва ли она могла им помочь. Нужно было спастись самой — пока объективно это было возможно. Отчего-то не возникало сомнений в том, что у человекообразных тварей хороший нюх. И учуять новую жертву было для них вопросом времени.

Очень короткого времени.

Яна уже ныряла под защиту жидкого перелеска, когда со стороны погибавшего автобуса до нее донесся новый, и гораздо более тревожный звук.

Очевидно, кому-то из пассажиров удалось прорваться через чудовищную орду. Как именно это могло случиться, девушка не видела. Однако, как по закону подлости, теперь этот кто-то, отчаянно визжа и ломая подсолнухи, прямой наводкой мчался в сторону ее кустов.

— Твою мать.

Яна пробормотала это спокойно, даже отрешенно, глядя на быстро приближавшуюся расхристанную девчонку с безумными глазами, что летела сквозь подсолнухи не разбирая дороги. На вид той было не больше двадцати. За девчонкой, стремительно сокращая расстояние, неслась одна из человекоподобных тварей. Ростом выше самого высокого мужика, переплетенная непонятными, мокрыми жилами, которые кое-где прикрывали костяные пляшки, тварь казалась выходцем из кошмарного сна. Только хорошо слышимые крики обреченной жертвы и странное, с засасывающим придыханием, урканье зверя свидетельствовали о том, что все происходило взаправду.

— Твою мать, — повторила Яна, поддрагивающей рукой вытаскивая нож.

Она уже понимала, что не успеет убежать так далеко, чтобы тварь, бросив девушку, не переключилась на нее. К тому же, с учетом того, что Яна была куда ниже и тяжелее, ее шансы уйти от монстра стремились к нулю. И даже выходили в минус.

— Ну, давай, — тиская пальцы на рукояти ножа, почти умоляюще бормотала она, смещаясь с предположительной траектории пути жертвы и ее преследователя. — Давай, с... котина. Давай!

Девушка вырвалась из подсолнухового поля и, спотыкаясь о прорытые борозды, из последних сил вломилась в заросли чуть левее обнимавшей дерево Яны.

Монстр прыгнул следом всего на две или три секунды позже. Миг — и он кинулся на плечи жертве, завалив ее в прелую листву и замаскированные под ней обломки веток.

Девушка завизжала так, что заложило уши. Этот последний вопль еще звенел в Яниной голове смесью запредельного, животного ужаса и обреченности, когда она, оттолкнувшись от ствола, дернулась вперед.

Яна оказалась рядом с чудищем не ловко и не грациозно, но достаточно быстро. Его жертва еще кричала, выпучив глаза, и бессмысленно молотя по страшной морде рукой. В другую ее руку, вцепились растущие вкривь и вкось, крепкие, почти в палец длиной, зубы твари. Одна передняя когтистая лапа монстра раздирала рубашку на плече и груди жертвы, второй тот упирался в землю.

На затылке твари безобразным черным бугром пульсировал знакомый пузырь.

Яна ударила туда — расчётливо и хладнокровно. Странный пузырь был уязвимым местом здоровенной, быстрой и сильной твари — смертельно уязвимым. Яна уже успела покопаться в голове похожего урода и знала это абсолютно точно. Думала, что знала.

О том, что будет в случае ошибки, она подумать не успела.

Тварь выпустило порванную руку жертвы и взуркнула, резко дёрнувшись. Яна отпрыгнула в сторону, выставив перед собой нож. Монстр обратил к ней страшную, гнилую морду. И начал подниматься — медленно и неуклюже...

Решение пришло мгновенно. Яна подхватила из-под ног валявшуюся тут корягу. И — с силой врезала по раздутой костяной башке.

Будь монстр здоров, едва ли такой удар мог сильно ему навредить. Однако, проколотый затылок сделал свое дело — уркнув, тварь завалилась на бок. Не мешкая, Яна подскочила к уроду и обрушила ему на затылок ту же корягу, окончательно разрывая пузырь и превращая в черную кашу то, что было под ним.

Спасенная жертва корчилась на земле, окровавленными пальцами тиская свисавшие с ее кисти куски разорванного мяса. Яна бросила корягу и, дохромав до девчонки, бегло осмотрела пострадавшую руку.

— Не знаю, как так получилось, но артерия не задета, — она невольно оглянулась через плечо, на поле, откуда продолжали доноситься приглушенные вопли и уханье. — Ну? Чего разлеглась? Пошли давай отсюда!

И, видя, что реакции на ее слова у шокированной девчонки почти не последовало, окончательно взбеленилась.

— Пошли, говорю! Или ну тебя к еб... нафиг, а я сваливаю, пока меня не унюхали эти черти!

Перед глазами взмыленной, хрипящей Яны уже плавали радужные медузы, когда на стыке покрытых редкими низкими деревцами холмов, наконец, замаячили развалины какого-то древнего хозяйства. К этому времени Яна давно уже ни черта не соображала, и почти ничего не видела и не слышала. Все ее силы уходили на то, чтобы передвигать ноги, таща на себе рюкзак и все ту же спасенную девчонку. Последняя, по счастью, хоть и не твердо, но все же частично шла своими ногами, не наваливаясь на Яну всем весом. Впрочем, мешала тоже не меньше. И наверняка, запах ее крови надолго задерживался в стоячем воздухе, приманивая оголтелое зверье. Плюс ко всему, девчонка то и дело припадала то на левую, то на правую сторону и норовила закатить глаза. За время этой дороги — одной из самых тяжелых в ее жизни, Яна множество раз прокляла все и вся, и особенно — собственное решение эти выходные посвятить въедливой тетке.

Впрочем, краем сознания Яна не исключала тот факт, что случившееся с ними непойми что охватило площадь гораздо большую, чем пару полей и участок леса вокруг автобуса. А это значит, в городе могло теперь твориться то же самое.

... Развалины какого-то хутора появились в пределах видимости очень кстати. Как раз мигом раньше Яна было решила, что сделать еще хоть с десятков шагов для нее гораздо страшнее, чем быть заживо сожранной клыкастой тварью. Поэтому вид хоть какого-то, но укрытия, сумел поддержать ее настолько, что Яна сумела добраться до остатков гнилого забора и даже дотащить дотуда стонущую девчонку.

— П-посиди, — сбросив ношу у стены, и шатаясь, как пьяная, прохрипела она, вытирая потную щеку и лоб рукавом. — Я п-посмотрю, не засела там еще к-какая-нибудь св-волочь...

Она не особенно ожидала ответа, поскольку до сих пор ничего членораздельного от ее обременительной спутницы не исходило. Однако, очевидно, расслышав, что остается одна, та с неожиданной цепкостью ухватилась за Янину штанину, марая ее кровью еще и в этом месте.

— Н-не уходи! Н-не уххх...ххх...

— Тихо ты! — Яна тяжело оперлась о забор, который доходил ей до груди. Тяжело отдуваясь, она, как могла, внимательно осмотрела окрестности. — Я быстро вернусь! Ясно?

Не дожидаясь ответа она выдрала штанину из скрюченных пальцев девушки. И, с трудом подтянувшись, мешком перевалилась через забор на другую сторону.

Несмотря на небольшую высоту, Яна упала неловко, ударившись филейной частью и локтем. С усилием поднялась, хватаясь за ограду. И, придерживая ноющую поясницу, зашагала к постройкам, стараясь не обращать внимания на реальность, которая из-за прилагаемых усилий все норовила поплыть перед глазами.

Спасенная девчонка наблюдала за ней из-за забора, прижавшись лбом к одной из его досок. У нее на глазах Яна крадучись добралась до отстоявшего отдельно полуразрушенного сарая и, помедлив, заглянула внутрь.

Потом, так, видимо, никого не обнаружив, направилась к дому.

Возле дома ей пришлось покружить, держа наготове нож. Дом, хотя и полуразрушенный, был достаточно большим, и с улицы насквозь не просматривался. Яна сомневалась и примеривалась, то приближаясь к заброшенному жилью, то вновь уходя кругами. И, наконец, вошла в дом через один из проломов в стене.

Ее не было долго. Оставшаяся у забора подруга по несчастью успела передумать обо всем и даже большем, забыв о собственной ране, которая продолжала сочиться кровью.

Наконец, Яна выбралась наружу.

— Эй, — негромко позвала она, продолжая, на всякий случай, оглядываться после каждого слова. — Тут, походу, никого. Иди сюда! Сможешь сама, или помочь?

Найденная свеча, на удивление, оказалась не парафиновой, а из самого настоящего, монокристаллического воска. Она оплывала неспешно, а света давала больше иной керосиновой лампы.

Лежа под грудой тряпья, которое обнаружилось там же, где и свечка, Яна бездумно глядела в огонь. В голову лезли мысли о том, что иногда для счастья человеку нужно совсем мало. Найти в кухне развалюхи подвал с проржавевшей, но достаточно тяжелой железной крышкой, которая могла запирается изнутри. Натаскать из дома брошенные там матрацы и еще какое-то невообразимое тряпье, каким в другое время побрезговал бы бомж. Принести из колодца воды, которую пришлось набирать кружкой, привязанной к связанному в жгуты тряпью — благо, воду давно не вычерпывали, и она стояла почти по уровню земли. Кое-как устроить в подвале перевязанную бинтами из древней аптечки раненую. И, самое приятное, — впервые за долгий, чудовищно сложный день наконец-то вытянуться на сыром вонючем матраце возле слабого огонька свечи.

— Все-таки хорошо, что ты захватила с собой бутерброды. Мне вдруг очень захотелось есть.

Спасенную звали Викой. Студентка пединститута то ли предпоследнего, то ли последнего курса, она возвращалась на выходные домой, в родной поселок, в котором проживала и тетка Яны. Когда внезапно случилось то, что случилось.

Яна с усилием заставила себя отвести взгляд от свечи и попыталась пошутить.

— К тетке нужно со своими харчами. Иначе выходные просидишь зубы на полку. Всё твердит о похудении. Любит устраивать мне разгрузочные дни, пока я у нее в гостях.

Вика сочувственно покивала.

— У некоторых людей такая комплекция...

Яна махнула рукой и устало усмехнулась.

— У меня нет. Я просто люблю поесть.

Они помолчали. Потом Яна села, протягивая руки к свече.

— Может, все-таки опишешь, как произошло нападение? — после паузы, негромко попросила она. — Или даже давай так. Расскажи про дорогу с того момента, как мы свернули с трассы. Я тогда заснула, и проспала аварию. Почему остановился автобус?

Будущая учительница долго молчала, потирая длинные, худые руки. Теперь, когда Яна могла рассмотреть ее как следует, стало понятно, что Вика старше, чем казалось раньше. Девушке было не меньше, а явно больше двадцати. Впрочем, едва ли это имело какое-то особое значение в их обстоятельствах.

... Девчонка приходила в себя не сразу. Яна успела перевязать и спустить ее в обнаруженный подвал для хранения закруток, на скорую руку смести мусор и плесень в один угол, принести тряпья и воды прежде, чем уложенная ее стараниями на матрац раненая начала постепенно отходить от шока. К чести девчонки, этот процесс затянулся у нее всего на несколько часов. Это время Яна потратила на то, чтобы привести в порядок собственные мысли. И справиться со страхом после пережитого, который накрыл ее очень вовремя — гораздо позже того, когда сумел бы навредить.

— Тогда было странно, — наконец, проговорила Вика, вновь взявшись тереть пострадавшую руку выше плеча. Под ее глазами залегли глубокие тени. — Ты помнишь, в

дороге светило солнце, все время? А затем вдруг, ни с того, ни с сего, налетел шквал. Загрохотало, и молнии... Молний было много. Потом удар — и мотор заглох.

Яна приподняла бровь.

— Гроза? Да еще такая громкая? Странно, что я не проснулась.

— Я заметила, как ты уходила, — Вика поморщилась, хватаясь за горло. — Прости, после еды почему-то тошнит... и знобит как-то. Ну так вот, видела, и слышала, как наши, поселковые, обсуждали — мол, куда поперлась. А другие собрались следом. Тут не так далеко, конечно, за несколько часов можно дойти.

— Там не дойти, — прервала Яна, убирая руку от свечи. — Дороги нет.

Будущая учительница осторожно передвинула забинтованную руку и подняла удивленный взгляд.

— Ты хочешь сказать, что дорогу завалило?

— Не завалило. Ее просто нет, — Яна вытащила нож и принялась в который раз протирать его от несуществующей грязи. — Я дошла до развилки. Помнишь, та, которая к хуторам? Так вот нет там больше никакой развилки. Дорога просто упирается в лес.

Вика даже приподнялась на локте, натягивая на плечи тряпье перебинтованной рукой. Ее красивое худое лицо отразило недоумение — и тревогу.

— Что ты такое говоришь? Тебе не показалось?

Вместо ответа Яна вытащила мобильник и, найдя нужный снимок, протянула студентке. Некоторое время Вика молча смотрела на довольно четкое изображение обрезанного пути к ее дому. Отраженный свет дисплея красил ее черты в голубоватые тона, из-за чего лицо казалось мертвенно-бледным, будто неживым.

— Неужели, это правда?

Голос ее — тихий и надтреснутый, не понравился Яне категорически. Но сама Яна сейчас пребывала не в том состоянии, чтобы работать психологом. Ей тоже требовались утешители, и едва ли меньше, чем огорошенной новой информацией студентке.

— Я там была. Трогала, щупала. Даже пыталась идти дальше, через лес. Но там — только лес.

Она пожала плечами.

— Может быть, за лесом есть что-то еще, но я не стала заходить далеко. На меня напали, — Яна неопределенно мотнула подбородком, но студентка поняла. — Повезло отбиться, но я испугалась и решила вернуться к автобусу. Откуда мне было знать, что у вас там тоже целый выводок?

Вика вздрогнула. Ее все еще трясло при всяком упоминании о том, что случилось. Но, к облегчению Яны, которая по роду профессии иногда могла наблюдать последствия стресса у менее стойких граждан, нервы будущей деревенской учительницы сумели переварить появление жутких монстров без видимого вреда для ее психики.

— Они появились неожиданно, — тише прежнего проговорила студентка. — Помню, дядя Костя... Константин Михайлович, сказал. Мол, смотрите, в подсолнухах что-то шуршит. А потом...

Она умолкла. Яна молчала тоже, перекатывая во рту несуществующую соломинку. Больше всего ей хотелось сейчас, чтобы происходящее оказалось дурным сном. Или не менее дурацким розыгрышем сотрудников. Она была бы согласна даже на глюки, вызванные обмороком или алкоголем, хотя ничего подобного с ней раньше не случалось.

— Ян, — студентка вновь попыталась улыбнуться, но только дернула уголок рта. — Я

хотела сказать... Ты... Тогда в лесу. Спасла меня. Я думала об этом... Сама бы я... я бы ни за что не сунулась к такой... такому ужасу. Я бы убежала. А ты... я тебе так благодарна! Но я не знаю, как тебя отблагодарить...

— Да не надо меня благодарить, — Яна поморщилась, приглушая голос. — Не шуми, говори тише. Не благодари. Могла помочь, и помогла. Любой человек сделал бы то же самое.

Вика снова дернула ртом.

— Не любой, — еле слышно пробормотала она.

— Я сказала — человек.

Студентка шумно вздохнула. Потом, еще раз взглянув на изображение, протянула мобильник хозяйке.

— Знаешь, на что это похоже? — вновь зарываясь поглубже в тряпье, проговорила она.

— Что?

— Ну, это всё. То, что с нами... короче, всё?

Яна посмотрела вопросительно.

— Ну?

— Если это, конечно, правда. И нам не мерещится. И... не снится... В общем... Как будто кусок земли... со всеми нами, вдруг вырвали из нашего мира и... вклеили, что ли, в другой. Ну, как марку в альбом. Тебе не кажется?

Нахмурившись, Яна еще раз внимательно посмотрела на фото. Некоторое время она рассматривала обрыв своей обыденной реальности, будто отрезанный ножом, потом задумчиво-философски подняла обе брови.

— Похоже на то, — нехотя признала она, выключая мобильник, батарея которого была уже наполовину пустой. — Дурь, конечно, полная. Но вполне себе правдоподобная вер... гипотеза. Тогда эти... молнии — это был переход. Когда нашу «марку»... — она помедлила, — вырывали. А удар, от которого сорвало ось у автобуса... и заглох мотор — это, наверное, «вклеивание». Потом, твари. И сотовой связи нет.

— Сигнал пропал сразу после грозы. Я пыталась позвонить маме, — голос студентки дрогнул, но она сделала над собой усилие и не расплакалась. — Брат мог приехать и забрать меня на машине. У него «Лада»... Яна, что нам теперь делать? Если с нами правда это случилось... Ведь другого объяснения нет! Ты же видела этих тварей! Что нам теперь делать? Что...?

— Да тихо ты! Тихо!

Студентка зажала себе рот рукой. Яна привстала с ножом в руке, сразу почувствовав всю тяжесть прошлого дня в каждой ноющей мышце и кости.

Звук, который заставил девушек мигом вспомнить все, произошедшее с ними на краю подсолнухового поля, шел со двора.

— Быстро! Свеча!

Перед тем, как расположиться на ночь в подвале, Яна как могла замаскировала крышку люка, ведущего в подвал. Едва ли сверху можно было увидеть свет, исходивший из-под земли.

Но можно было учуять запах дыма.

Тяжелые, но быстрые шаги, словно кто-то, как ищейка, бегал недалеко от подвала, дробно раздавались по земле. Яна сама затушила свечу пальцами, боясь, что фуканье будет слышано снаружи. Вика замерла под своим тряпьем, не отнимая рук ото рта. Она, как и

Яна, боялась сделать лишний вдох.

Они не знали, сколько так просидели в темноте. Кто бы ни рыскал во дворе, уже давно ушел, а две молодые женщины под землей смогли перевести дыхание только спустя очень долгое время.

Чиркнув зажигалкой, Яна снова зажгла свечу. Поймав стеклянный взгляд студентки, качнула головой.

— Без света еще страшнее. Поставим ее у стены, заслоним тазом. Вроде как ночник.

Вика, наконец, отняла руки ото рта. Но это было единственным движением, которое она себе позволила. Скованная ужасом, девушка до сих пор боялась шевельнуться.

— Они ушли, — поняла ее состояние Яна, отставляя свечку за древний таз с дырявым боком. — Не тискай так конечности. Покусы свои растревожишь.

Упоминание о ране заставило студентку отчасти прийти в себя. Дрожащими пальцами она потрогала пострадавшую руку.

— Она уже не кровит. И не болит совсем. Это... странно?

— Странно, — согласилась Яна, стараясь поудобнее улечься на неровном матрасе, который вонял сыростью и кислой тряпкой. — Завтра посмотрим, что там у тебя под перевязкой. Если не тревожит — нет смысла дергать ее сейчас. Все равно обрабатывать нечем.

Она прикрыла глаза. Несмотря на пережитое, непривычная для ее полусидячего образа жизни усталость почти сразу взяла свое. Едва коснувшись головой тряпья, Яна начала проваливаться в сон.

Однако, Вике, похоже, не спалось. Несмотря на то, что будущая учительница тоже прилегла, сон к ней не шел. Она лежала молча, и не ворочалась. Но когда Яна совсем уже было погрузилась в небытие, студентка решила еще раз подать голос.

— Ты... прости пожалуйста. Но ведь мы так и не решили, что делать дальше. Мы же... не можем сидеть вечно в этом подвале.

Яна, которую переживания студентки вырвали из сонной нирваны, с силой зажмурилась, проводя по лицу ладонью.

— Если т... ебя это так волнует, — невнятно проговорила она, борясь с сонной одурью. — Завтра я попробую сходить на разведку. Я н-не решила, куда. Мож-жет, стоит вернуться к тому месту, где обрывается дорога. И обойти нашу «марку» по кромке. Чтобы узнать, насколько большой участок... был перенесен... Если, конечно, это все не полный бред, и мы друг другу не снимся...

Она снова протерла лицо и уронила руку на грудь.

— Сх... лушай, Вика, давай завтра и решим, а? — прищурился один глаз, потому что тот отказывался открываться напрочь, с тоскливой надеждой предложила она. — Сейчас голова ну вообще не соображает. А ты, если не спишься, посторожи тут... И разбуди меня... обязательно... Если... если что...

Наверное, студентка ей что-то ответила. Но Яна этого не услышала. Вытянувшись на гнилом матрасе, она непробудно спала.

Несмотря на то, что сон Яны был закономерным и крепким, видения ей достались тяжелые. Пульсация странного полубреда выдавала в ее воспаленный мозг картины, как в покадровом кино. Перед мысленным взором вспыхивали и гасли чудовищные, невероятные молнии, куски обломанной асфальтовой дороги и обрезки каких-то труб, размазанные в пустоте пятна крови и фиолетово-черные колбасы чьих-то кишок, оскаленные зубы, не то хитин, не то чешуя какого-то гигантского когтистого человекокраба, темный провал колодца, из глубины которого к поверхности стремилось что-то дико страшное и необычайно мерзкое, сухая, колкая чернота... И на фоне всего этого — монументальная, монолитная стена чудовищного улья, поверхность которого была испещрена тысячами, миллионами и миллиардами разноформенных, разноразмерных и разнонаправленных сотов.

Это единственное и последнее напугало Яну до унижительного, истерического ужаса. Ужаса, который она раз и навсегда изжила в себе в далеком детстве, поклявшись, что ничего подобного с ней не случится ни за что и никогда...

Яна вскинулась, распахивая глаза. Она не смогла сообразить сразу, что заставило ее так резко вынырнуть из засасывающего омота сновидений. Но причина была, и исходила она из физического, реального мира. Того, который теперь был для нее реальностью.

Сквозь люк подвала пробивались две неровные полосы света — по-видимому, ночь была ветреной, и часть мусора, который Яна нагребла на крышку для маскировки, сдуло даже несмотря на остатки стен. Однако, внутри подвала по-прежнему оставалось темно. Должно быть, оставленная с вечера свеча выгорела до основания.

Яна несколько раз с силой зажмурила и открыла глаза, потом энергично потерла переносицу. Нащупав в кармане зажигалку, чиркнула, выбивая слабый огонек.

И отшатнулась в мгновенном испуге, роняя зажигалку в тряпье. Вспыхнувший свет на секунду высветил в метре от нее чье-то бледное, худое лицо с бездумными глазами и застывшим на нем мучительным оскалом.

— Вика, блин!

Окончательно проснувшись Яна зашарила вокруг себя в поисках утерянной зажигалки. Вслед за испугом пришло раздражение.

— За такие шутки...

В ответ раздалось горловое урчание.

Яна застыла, таращась в темноту. Испуг накрыл ее мгновенно — как широкое, шерстяное покрывало. Мигом позже она вспомнила — именно этот звук вырвал ее из ошметков сна.

— Вика...

Что-то темное, оказавшееся невероятно тяжелым, упало на Яну сверху, прижимая к матрасу и заслоняя свет. Цепкие холодные пальцы зашарили по телу ошалевшей от перепуга девушки, словно желая сцарапать с нее одежду. Урчание, в котором теперь словно сквозило нетерпение, надвинулось вплотную, едва ли не к самому уху...

— Вика! Чтоб тебя!

Яна машинально вскинула руку, защищая лицо — и заорала от неожиданности и боли, когда в ее выставленную пятерню вонзились крепкие зубы.

Окончательно ошалеv от страха, Яна забилась изо всех сил, и все-таки сумела сбросить

навалившееся на нее тело.

В этот миг она не думала ни о чем. Она видела перед собой полосу света — и рванулась к нему. То, что раньше было Викой, попыталось ухватить ее за ногу — но, должно быть, оно было слишком слабо. Вырвавшись, Яна мгновенно взлетела по каменным ступенькам, отодвинула засов и выскочила наружу.

Яркое утреннее солнце на несколько мгновений ослепило девушку, которая привыкла к долгой темноте подвала. Несмотря на то, что осень уже постепенно вступала в свои права, уходящего лета еще оставалось в загатнике несколько теплых дней, и этот был из их числа.

Протирая слезящиеся глаза, Яна, вслепую нашарила крышку люка. И успела хлопнуть ее до того, как из след за ней из проема показалась всклокоченная голова той, которая раньше была Викой.

— Твою мать...

Внешняя петля на крышке люка оказалась сломана. Яна заметила это еще вчера, но не придавала особого значения. Гораздо больше ее интересовал засов с внутренней стороны — а тот был в порядке. Теперь же, стоя на люке, чтобы озверелая студентка не могла выбраться наружу, она оказалась в крайне невыгодном положении.

Вика, или уже не Вика, чуюла ее и продолжала долбиться в люк — не сильно, но ощутимо. Яниного веса хватало, чтобы не выпустить ненормальную наружу. Но и отойти она не могла тоже. Кроме того, рюкзак с остатками печенья, набором моющих средств и прочей мелочью, остался в подвале. И хуже всего — в подвале осталась зажигалка, которую Яна так и не успела нашарить в темноте.

В крышку снова ударили — похоже даже, что головой. На несколько мгновений все было тихо.

Потом запертая тварь заурчала. Яна вздрогнула и, закусив губу, заставила себя посмотреть на правую руку — ту самую, в которую вцепились зубы студентки, прокусывая до крови.

Яна никогда не любила фильмов про зомбей. Но периодически смотрела их, когда ей совсем было нечего делать, или, когда настроение жаждало трэша. О том, что заражение происходило через укусы, не знали только те, кто совсем был не в теме.

Вика не притворялась. Слушая утробное урчание и бессистемный стук головой вперемешку с царапаньем, Яна понимала это с абсолютной ясностью. Должно быть, студентка была инфицирована через укусы.

А значит, и обе твари из леса, похожие на собак, и те, кто напал на пассажиров, и походил на людей — на самом деле когда-то были собаками и людьми. А потом просто скопом заразились.

Вика снова ударила в люк. На этот раз удар получился таким сильным, что Яну едва не сбросило в сторону. Она стиснула зубы, вытаскивая нож, который, по счастью, оставался у нее в кармане. Прокушенная ладонь, в которую привычно легла рукоять, отозвалась тупой, ноющей болью. Яна еще раз подняла ладонь на уровень лица и болезненно поморщилась.

Кожа кровоточила в нескольких местах, и эти проколы успели набухнуть опухолью. Наверняка неизвестный вирус, делающий из людей жрущих мутантов, уже всю разносился и по организму Яны вместе с кровью.

Инкубационный период у студентки длился меньше суток. С такими исходниками, скорректированными на вес Яны, который превышал Викин почти в два раза, в запасе оставалось около полутора — а если повезет, и двух дней.

Если повезет.

Все домыслы Яны были не больше, чем теорией. Однако, домыслы строились на фактах. А факты говорили о том, что внезапная катастрофа забросила ее в непонятное, абсолютно незнакомое место. Других людей на ее глазах заживо сожрала стая зомбяков-людоедов, а единственный выживший зараженный человек всего через несколько часов обратился в такого же зомби.

И, с вероятностью в девяносто девять процентов, заразил и ее...

Яна просидела на крышке долго — не меньше часа. Большую часть этого времени она употребила на разглядывание пострадавшей ладони и жалость к себе. К ее удивлению, воспаление на месте укуса не прогрессировало — наоборот, оно постепенно сходило на нет. Однако, вялая радость тут же утихла, когда Яна вспомнила о том, что у зараженной Вики раны затягивались так же быстро.

Настроение упало ниже. К тому же со временем Яне сильно захотелось пить. И, в целом, надоело тратить остаток отмеренных часов на то, чтобы придерживать задницей крышку в подвал с запертой там сумасшедшей.

Яна переложила нож в правую руку и медленно выпрямилась на крышке люка. За последние десять-пятнадцать минут Вика как будто бы притихла, заявляя о себе только слабым поскребыванием и звуками, которые больше напоминали не урчание, а стоны. Яна же успела успокоиться, окончательно прийти в себя и все обдумать.

Некоторое время она еще простояла неподвижно, прислушиваясь к тому, что происходило под ней.

Потом сошла на землю и откинула крышку.

Вика заурчала опять — увереннее и громче. Яна наблюдала за тем, как она выбирается наружу, со смесью брезгливости и жалости. Против ожиданий, у Вики не отросло уродливого черного пузыря, какой довелось увидеть у других местных тварей. Яна смутно догадывалась, что, возможно, для этого прошло еще недостаточно времени. Скорее всего, пузырь отрастет не раньше, чем через несколько дней, а то и позже. Если, конечно, она не ошиблась, и пузырь вообще полагался после укуса.

Тем временем, Вика выбралась из подвала. Теперь, на свету, было окончательно понятно, что несчастная не просто сошла с ума. Лицо одичавшей студентки приобрело нездоровый, землистый оттенок. Белки глаз набрякли нездоровой желтизной. Пальцы крючились на манер когтей, хотя самих когтей на них пока не наблюдалось. В целом вид несостоявшейся учительницы был настолько жалким и диким, что Яну вновь пробрало до костей. Стиснув нож, она двинулась по кругу от Вики, которая шла прямо на нее, но — медленно, будто бездумное тело не управлялось из головы, а следовало одним только рефлексам.

Твари с черными мешками, выросшими на затылки, казались стремительными и сильными. Но, как уже смогла убедиться Яна, повреждение мешков приводило к быстрому летальному исходу. У Вики мешка не было, но сама она двигалась, как сломанная кукла. Наверняка ее можно было остановить так же, как обычного человека — используя нож.

Яне, несмотря на всю специфику ее сложной профессии, еще не приходилось убивать себе подобных. И, тем более, с помощью ножа.

Вика с урчанием надвигалась на нее, протягивая крючившиеся руки. Яна старалась держаться от сумасшедшей на достаточном расстоянии, кружила вокруг дома и колодца, спотыкаясь об давно заровненные грядки. Она прикидывала так и эдак, и все равно не могла решиться. Несмотря на то, что перед ней уже был не человек, она по-прежнему не могла заставить себя всадить нож в тощую Викину грудь.

Можно было бы попытаться подрезать сухожилия — но она не была уверена, что студентка даст ей такую возможность. Или, обойдя дом, закрыться в подвале. Но тогда Вика

царапалась бы уже снаружи. Едва ли несостоявшейся учительнице хватит мозгов пойти поискать мяса в другом месте. А вот другое зверье она привлечет запросто. И тогда Яне точно несдобровать.

А сдобровать ли ей теперь, когда время ограничено одними сутками?

Или, все-таки, каким-то чудом удастся протянуть подольше?

Яна вновь обошла колодец, не выпуская из поля зрения тащившуюся за ней и урчащую Вику. Ненормальная так же спотыкалась о грядки и разбросанный то тут, то там хозяйственный мусор. Но вставала и упорно двигалась дальше — к вожденной добыче.

— Кушать хочешь? — сквозь зубы уточнила у нее Яна, спиной вперед пятясь к торчавшему в дальнем конце двора сараю. — Ну, тогда иди сюда. Цыпа-цыпа-цыпа...

В отличие от дома, который некогда был сложен из глиняных кирпичей, деревянный сарай все еще упирался разрушительному воздействию стихий. Яна вошла через покосившуюся дверь и, перебравшись через заграждения для скота, отодвинулась к самой дальней стене.

Вика появилась на пороге несколькими мгновениями позже. Некоторое время она урчала, натываясь на деревянные заграждения, и не понимая, как проникнуть в стойла. Наконец, перекладина не выдержала ее напора, и одичавшая студентка вместе с ней в очередной раз зарыла носом в землю — а точнее, в наваленный здесь прелый навоз.

Яна как ужаленная проскочила мимо нее в открывшийся проход и через несколько мгновений уже закладывала проржавелым засовом хлипкие двери. Она не была уверена, насколько хватит ресурсов гнилого сарая, а потому торопилась.

... Когда спустя короткое время она покидала подворье с рюкзаком за плечами, из сарая все еще доносилось копошение и глухие стуки. Яна в последний раз оглянулась на чужое жилье, которое дало ей укрытие на эту ночь.

Потом, сжав зубы и стиснув в кулак прокушенную ладонь, зашагала прочь — в ту сторону, где, в другой, прошлой реальности, по ее прикидкам мог находиться город.

Яна торопилась, как могла, но ей удалось выйти на дорогу только ближе к полудню. Она сделала широкую дугу, не желая возвращаться на страшное поле и опасаясь, что твари могли находиться где-то поблизости. Здравый смысл подсказывал ей, что они могут быть где угодно, и их число не обязательно ограничивалось тем, которое схарчило несчастных пассажиров.

Но в любом случае, держаться от места крушения автобуса следовало подальше. Руководствуясь этими соображениями, Яна долго пробиралась полями, стараясь придерживаться редких посадок. Поэтому, только отмахав большой кусок пути по бездорожью, ей, наконец, удалось выбраться на знакомую проселочную колею.

Это место, на стыке полей и холмов, Яне было известно. Отсюда до скрытой за холмом трассы оставалось не больше двух-трех километров.

Трассе надежда встретить там какой-нибудь лояльный транспорт — это было кстати. Последние час-полтора Яна прошла с натужным усилием. У нее начались головокружения, которые усиливались с каждым новым разом, а тошнота подкатывала к самому горлу. Некоторое время девушка предпочитала списывать это на усталость, голод и нервы. Однако, когда судороги, которые давно уже сводили конечности, окрепли и добрались до нутра, Яна вынуждена была догадаться.

Зараза все-таки проникла в организм. И, по-видимому, теперь он яростно боролся, заставляя девушку то и дело приостанавливаться, хватаясь за горло и растирая ноги и руки. Яна надеялась на свой иммунитет изо всех сил. Но понимала — если в ближайшее время она не окажется в больнице, закончит так же, как несчастная Вика.

Хотя, ни одна больница не даст никаких гарантий. Это она понимала тоже.

... Некоторое время Яна простояла в перелеске, который покрывал большую часть холма. Ей очень хотелось передохнуть, однако девушка не решалась присесть, подозревая, что в этом случае она может уже не подняться.

Пересилив себя, Яна вновь двинулась вперед. Онемение и судороги тут же вернулись с удвоенной силой. Яна оступалась, шаталась и с силой протирала лицо. Попутно ей думалось о монстрах, и о том, что в таком состоянии она едва ли могла бы даже попытаться от кого-то защититься.

Несмотря на то, что она сейчас являла для них более чем удобоваримую добычу, монстры, однако, к ней не торопились. Не попадались даже простые птицы. Не желая думать о причинах этого, Яна продолжала мучительно идти.

Правда, когда из-за холма стала проявляться расположенная там реальность, Яна на некоторое время забыла о недомоганиях, голоде и даже о монстрах.

Проселочная дорога, которой она придерживалась, обрывалась прямо за холмом. Вместо возделенной трассы, которая петляла бы между засеянных полей и другого привычного деревенского пейзажа, перед Яной простиралась грандиозная равнина с текущей через нее широкой и абсолютно незнакомой рекой. Редкие пролески кучковались на каменистой почве, не имевшей ничего общего с привычными черноземами. И, по-видимому, чтобы окончательно добить и без того обалделую девушку, — далеко впереди в небо уходили голубоватые то ли гигантские холмы, то ли карликовые горы.

Ничего подобного в той части географии, где ранее обитала Яна, быть не могло.

— О-бал-деть...

Яна пробормотала это еле слышно, машинально оглядывая простиравшийся величественный пейзаж. Именно эта невозможная картина окончательно и бесповоротно заставила ее поверить в то, что возврат домой, или даже поход в больницу откладывается на неопределенное время. А учитывая фактор укуса и зомбивируса, может быть, и навсегда.

— Блин, — опустив рюкзак на землю, Яна присела рядом, уже не заботясь о том, как будет вставать и идти дальше. Идти ей теперь было попросту некуда. Незнакомая равнина оказалась последней соломинкой, которая сломала спину верблюду и выбила почву из-под ног. — Что за... что это такое? Гре... параллельный мир? Другая планета? Что вообще происходит??

Обычно разговоры с самой собой помогали ей восстановить цепочку событий и удобоварить информацию. Но в этот раз номер не прошел. Яна попросту не могла увязать то, что она видела, с обычной логикой вещей.

До поворота за холм у нее была цель — всеми силами добраться до города и больницы. Теперь же она абсолютно точно не знала, что делать и куда идти.

А еще на повестке дня по-прежнему оставались монстры.

Яну накрыло чувством бессилия и обиды. Она знала, что раскисать в ее ситуации было подобно смерти, но ничего поделать с собой не могла. Глаза набрякли мокротой. Яна всхлипнула, размазывая первые предвестники истерики по щекам. Навалившаяся апатия заставила наплевать на то, что она сидит на вершине холма, на лысом пяточке, и не увидит ее даже издали получится только у самого старого и слепого монстра...

И тут она услышала звук мотора.

На миг ей почудилось, будто она бредит. Однако, звук нарастал, становясь ближе. Вскочившая Яна, напрягая глаза, смогла рассмотреть далеко внизу неспешно ползущий как будто бы грузовик. Поскольку, в долине не было даже намека на дорогу, транспорт на самом деле полз медленно, объезжая деревца и особенно крупные камни. Судя по направлению его движения, водитель грузовика стремился как можно скорее миновать неудобные рощицы и выехать на травяное полотно, которое на расстоянии нескольких километров ближе к горам было разбавлено только торчащими кое-где зарослями кустов. Однако, до этого удобного бездорожья ему еще предстояло преодолеть не одну и не две неудобные рощицы. А значит, шансы добежать до подножья холма и привлечь внимание водилы, пока грузовик натужно искал пути проезда, хоть небольшие, но все-таки были.

... Яна никогда не бегала так, как когда она, подхватив рюкзак, неслась с холма в сторону ползущего грузовика. Мир плясал и прыгал у нее перед глазами, под ноги то и дело подворачивались камни, норовя опрокинуть на землю. Но девушка летела, не разбирая дороги, и не обращая внимания на хлопавший по спине рюкзак и прыгающую грудь. Она поняла, что судьба только что предоставила ей единственный возможный шанс на спасение — и теперь что было сил торопилась воспользоваться им.

У Яны на бегу было не так много шансов рассмотреть вожденный грузовик. Однако из того, что она уже могла увидеть — это был довольно необычного вида транспорт. Какой-то незнакомый, длинный бронированный кузов был явно снят откуда-то, и поставлен на шасси то ли КраЗа, то ли чего-то похожего, и абсолютно точно отечественного, так как все заграничное явно не справилось бы с поставленной задачей. А задача перед грузовиком стояла монументальная — каким-то родом перемещать длинный металлический короб, с наваренными на него дополнительными защитными металлическими конструкциями и

торчащими шипами, да еще так, чтобы тот не только не опрокинулся, но и достаточно мобильно рулил по бездорожью.

Судя по маневрам невидимого пока водилы, рулить кое-как, но получалось. С мобильностью выходило сложнее. Но теперь Яне это было только на руку.

Хрипя и задыхаясь, она почти кубарем скатилась с холма и, не останавливаясь, с ходу нырнула в первую рощу. Роща состояла из чего-то листовенного, сильно поросшего низкими кустами. Эти кусты сильно затрудняли путь грузовику. Однако, теперь они мешали и Яне.

Волей-неволей, ей пришлось сбавить скорость. Тем более, что спуск с холма остался позади, и придавать ее бегу естественное ускорение стало уже нечему. Картинка перед глазами задыхавшейся девушки подернулась черным. Разогнанное быстрым бегом онемение возвращалось, и вдобавок к нему прибавились острые рези в желудке, которые отдавались в сердце и спину.

Яна все равно упорно тащилась вперед, ориентируясь только на звук мотора. Казалось, что самочувствие ухудшалось с каждым шагом. Яну сильно мучило, и от выворачивания наизнанку, по-видимому, спасало только то, что выворачиваться ей было попросту нечем. Собираясь к тетке рано утром, она в спешке так и не успела позавтракать, а припасенные бутерброды достались Вике.

Ноги заплетались сильнее. Яне делалось хуже и, пробираясь между деревьями, она то и дело теряла ориентир. Временами ей казалось, что она бредит, и сумасшедший бег ей снится, как часть тупого и безумного кошмара...

Яна не сразу уловила перемены в окружающей действительности. Меж тем, роща стала значительно реже. Сквозь просветы между деревьями виднелась та самая равнина.

И — тот самый грузовик.

Шум мотора теперь слышался гораздо отчетливее и громче. Добравшись до края рощи, Яна с силой протерла глаза рукавом и, попутно пытаясь отдышаться, уже внимательнее вгляделась в транспорт, до которого теперь оставалось не больше сотни метров.

Огромная махина все-таки угодила в яму, из которой выбиралась, напрягая силы, взрывая и расшвыривая в разные стороны ошметки земли с налипшей травой. Яна сразу поняла, как ей повезло — если бы не эта задержка, она ни за что не успела бы добраться до грузовика. К тому времени, как она достигла края рощи, чудовищная машина как раз вырুলивала на более или менее ровный грунт.

Яна сообразила — еще несколько мгновений, и все ее усилия накроются медным тазом. Грузовик медленно и осторожно сдавал назад, чтобы двинуться вперед — на этот раз, без помех. Впереди его ждало относительно прямое бездорожье — во всяком случае, до тех пор, пока он не достигнет далеких гор.

— Стойте! — изо всей сил заорала Яна. Мигом позже она сообразила, что ее пересохшее горло едва способно выдавать что-то особо громкое или членораздельное. Однако, выяснив это практическим путем, она только застаралась сильнее. — Помогите! Сюда! Стойте! Пожалуйста! Помогиииитеее!!

Предчувствие опасности пришло резко — как всегда. Яна заткнулась и завращала головой, пытаясь сквозь застывший сознание и зрение туман сообразить, откуда ей собралось не повезти на этот раз.

Долго осматриваться не пришлось. Справа из-за кустов, неслышимые из-за близкого рева мотора, на нее шли два зомбяка. Впрочем, зомбьяками их можно было бы назвать с натяжкой. Эти существа, судя по всему, уже не были людьми. Но еще не достигли стадии тех

тварей, которые на глазах у Яны уничтожили автобус. Морды их были дикими, но гладкими, точно у сытых котов. Судя по свежим кровавым разводам вокруг пастей и на остатках одежды, эти двое досыта пожрали, причем совсем недавно.

... Несколько мгновений девушка бездумно наблюдала за приближавшейся смертью, игнорируя сознанием даже ударившую в ноздри невыносимую вонь. Зомбяки приближались, не особо торопясь. Как ни тупы были их морды, они, должно быть, понимали, что жертва загнана и едва ли способна куда-то деться. Чуть поодаль за тварями затрещали ветки, и из кустов выбрался еще один человекоподобный.

Треск этот словно разбудил застывшую Яну.

Очнувшись, она бросилась бежать — так быстро, как только могла. Ей уже не думалось о том, что сбросив рюкзак, она могла бы выиграть несколько лишних секунд, что нужно кричать еще, чтобы вновь попытаться привлечь внимание водителя. Яна бежала, видя перед собой только темное пятно неблизкого грузовика. А за ней, быстро сокращая расстояние, неслись все же сорвавшиеся на бег мутанты. Их проклятое урканье догоняло девушку даже сквозь шум работавшего мотора.

— Помоги... те!.. Помоги...т...

Под ногу все-таки подвернулся проклятый корень. Яна рухнула ничком, носом в траву. Мигом позже надвинувшаяся опасность в единый миг стала всеобъемлющей...

И так же внезапно схлынула. До слуха девушки донеслись звуки нескольких выстрелов.

Опираясь на трясущиеся руки, Яны приподнялась от земли.

Первым, что она увидела, был дохлый мутант, который на полпальца не достал до нее в прыжке. В его раздутой башке зияла дыра. Двое других бесформенными кучами лежали чуть дальше. Их она уже различала с большим трудом, хотя неведомый стрелок свалил их не так далеко — всего в нескольких шагах.

Яна обернулась к грузовику, но сумела разглядеть только несколько стремительно приближавшихся теней. Она попыталась подняться, но то ли от перенапряжения, то ли от странного недомогания, не сумела сделать этого с первого раза, вновь завалившись на траву.

Потом темные силуэты надвинулись вплотную. Локоть девушки резко рвануло вверх, вздергивая ее на ноги.

— Ну, какого хрена разлеглась, корова? — с трудом сфокусировавшееся зрение выхватило из окружающей реальности среднерослого, крепкого мужика в расхристанном камуфляже. — Не видишь — зверье? Двигай давай жопой к машине! Ну? Пошла!

Неведомая и так толком и не рассмотренная машина шла довольно плавно, учитывая то конкретное бездорожье, по которому ей приходилось это делать. По-видимому, сказывалось преимущество от привода на все колеса. А может быть, и мастерство водителя.

Яна думала об этом как о чем-то тяжелом и ненужном, что теснилось в ее голове с множеством других таких же тяжелых и ненужных мыслей, но изгнать которые не получалось. Привалившись затылком к краю борта и то и дело стучаясь о него, когда машину трясло на ухабах, она пыталась прислушиваться к репликам, которые бросали друг другу вооруженные, крепкие и неопрятные мужики, оккупировавшие места возле малозаметных щелей в кузове.

В том же углу, в который без особых сантиментов забросили Яну, жались друг к другу еще четыре девушки. Трое постарше и одна совсем девчонка, лет тринадцати-четырнадцати — одежда каждой была в беспорядке, а руки связаны за спиной. Зареванные мордочки девушек покрывали грязевые разводы и, судя по их перепуганному и непонимающему выражению, эти пассажирки едва ли понимали о происходящем больше, чем сама Яна.

В голове Яны стоял туман. Ей ненадолго полегчало после того, как она отдохнула от сумасшедшего бега. Но тошнота, головокружение и судороги никуда не делись, чем дальше, тем делаясь только острее. Однако, несмотря на то, что думать Яне было сейчас тяжело, она довольно быстро поняла, что мгновенная радость от встречи с настоящими, разумными людьми оказалась сильно преждевременной. Связанные девушки и обрывки фраз спасителей были тому лучшим подтверждением.

— Что там со временем? — меж тем, уточнил один из мужиков, тот самый, который явился перед Яной первым. И которому, вероятно, она без кавычек была обязана жизнью. Этот, единственный из всех, вообще не отрывал прищуренных глаз от проплывавшего мимо пейзажа. Только вместо оружия, которое другие не выпускали из рук, время от времени прикладывал к глазам бинокль.

— Успеваем, — весело информировал его тощий и долговязый парень выбритый наголо и с пигментными пятнами на лице — настолько большими, что они были видны даже Яне в ее состоянии. — Еще почти час, а мы уже, считай, на месте.

— И под завязку, — вмещался третий, низкорослый и довольно плотный мужик, поблескивая очками, которые делали его щекастую морду благообразной. — Барахло, шлюхи, все есть. Даже одна лишняя.

Яна болезненно прищурилась. Однако, она не ошиблась — говорили не о ней. Проследив за взглядами, она с изумлением обнаружила еще одну — пятую девушку, которую не заметила сразу, приняв ту за грудку наваленных мешков.

В этом не было ничего удивительного — пленница, угрюмо нахохлившись, неподвижно сидела поодаль от других, за какими-то ящиками в самом темном углу кузова. И, хотя внезапно обнаруженная девушка оказалась гораздо габаритнее самой Яны, увидеть ее сразу можно было только точно зная, что она там.

Долговязый оценивающе оглядел уже Яну, потом еще раз оглянулся на угрюмую связанную толстуху, и поднял брови.

— Да, этот кусок говна лишний. Выкинем нахрен? Место только занимает. Каракут заказывал одну жирную, но это ж вообще пиздец. Последняя, которая из леса, хоть на бабу

похожа. Можно будет для разнообразия к ней сходить. Особенно, если со скидкой...

Наблюдающий с биноклем обернулся в его сторону. Он смотрел всего несколько мгновений, и молча. Но долговязый сник, будто увял, пряча глаза.

— По шлюхам все равно недобор, — меж тем ничем не примечательный, стриженный мужик, который сидел к Яне ближе всех, поднялся. Добравшись до зафиксированных веревками ящиков, он откинул брезент и взял связку зеленоватых бананов. Вернувшись на место, положил оружие рядом с собой и принялся счищать кожуру. — Каракут ясно сказал — чтоб искали черную. Узкоглазая есть, мелкая тоже, стандарта две единицы. Жирных на кой-то хрен тоже две. Черной нет.

— Каракут — придурок, — очкастый мужик приподнял дужку и, моргая, принялся растирать глаза. — Эти кластеры все совдепия, с юго-запада первого мира. Где там искать черномазых?

— Точно, — долговязый явно обрадовался возможности загладить шуткой не нашедшее понимания у товарищей предыдущее предложение. — Пусть одну из старых перекрасит — какая нахрен разница? Если б Каракут платил нормально за товар, можно было бы рискнуть съездить еще в два-три места. Хреново жмотство отбивает всю охоту иметь с ним дело. Увидите — развоняется, как жопа, что нету черной, и опять срежет горох — не меньше полгорсти.

— Срежет — согласился стриженный. — Еще будет пиздеть, что заказывал только одну жирную, а мы тащим ему аж двух. За это тоже может снять. Типа, заипешься их кормить, они ж жрут сильно много...

— Да хрена с два он их кормит, — очкастый дернул щекой, тоже оглядываясь на Яну, которая с трудом сдерживала тошноту. — Он потому жирных заказывает которую ходку, что жрать им почти не дает.

Долговязый удивленно хмыкнул.

— Че, правда?

Очкастый поморщился.

— Правда. У него шлюхи мрут быстрее, чем охотники, из свежих. Ну, кроме двух-трех девок, которые топы и на подтанцовке. А те, кто работают конкретно — еле ноги таскают. По-хорошему вообще б к нему не ходить. Но Пустырь, мать его!

— Да, неудобняк, когда один нормальный обитаемый стаб на такой здоровой площади.

— Еще хуже, когда в этом стабе рулят такие уроды, как Каракут и Пятнистый.

— Да ладно, че переживать — всех он заберет, — очкастый, поморгав, наконец снял очки и, завернув в тряпку, сунул в нагрудный карман. — У него ж текучка. Хоть Пустырь, а кластеры вокруг жирные, охотников, сталкеров дохуя. Клиент к нему по-любому прет, потому что больше не к кому. Шлюхи дохнут, потому что жрут плохо, а плохо жрут, потому что кормить их не выгодно — пащут, как ударники, и вид теряют быстро. Новые нужны постоянно. Короче, всех заберет. И того бегемота, и эту, последнюю. Повоняет, но заберет. Если только вторая жирдяйка раньше не откинется. Выглядит хреново.

Яне действительно стало по-настоящему «хреново» — во всех смыслах. Впервые за все время с момента осознания своего отчаянного положения, на какой-то миг ей показалось, что при такой альтернативе перевоплотиться в зараженную безмозглую тварь — не самый худший вариант предполагаемого будущего.

Разговаривать со «спасителями» было бесполезно, и она поняла это еще до того, как попыталась. Ее работа в отделе не предполагала особенного взаимодействия с

антиобщественными элементами. Но, несмотря на это, за несколько лет Яна успела насмотреться на самую разную человеческую сволочь. И, по этим разговорам, примерно представляла, чего ждать от «спасителей» в ближайшей перспективе.

К тому же чем дальше, тем ее здоровье ухудшалось сильнее. Боли в желудке и под сердцем сделались почти непрерывными, как поздние родовые схватки. Судороги превращали тело в один невыносимый спазм. Не в силах сдерживаться, Яна постанывала сквозь зубы, смаргивая катящийся градом пот. Она чувствовала, что умирает, но ничего с этим сделать не могла. Краем сознания девушка прикидывала, что после того, как она обратится, ее попросту пристрелят. И выбросят из машины, понятно, что не утрудив себя похоронами. Отчего-то это вызывало в ее мутящемся сознании особенную горечь, наряду с приближавшейся смертью...

— Эй! Подъем!

Яну, которая уже, оказывается, почти уплыла в умиротворяющую темноту, грубым рывком вырвало обратно, в реальную действительность.

Отодвинувшаяся было притупленным сознанием боль тут же вновь свирепо вцепилась в тело со всех сторон, как стая голодных мутантов. Протестуя замывав, Яна кое-как разлепила глаза. С трудом сконцентрировав зрение из-за головы, которую мотало из стороны в сторону, она увидела перед собой давешнего спасителя. Мужик с биноклем, бросив свой пост, тряс ее за плечи. И, кажется, даже пару раз двинул по лицу.

— Подъем, сука! Какого хрена ты творишь? Твою мать, нельзя было разязвить пасть, и сказать, что у тебя ломка?

Яна, до которой смысл сказанного доходил с большим трудом, сделала над собой чудовищное усилие, и приподняла правую руку.

— М... ня ук-кусил...и, — попытавшись продемонстрировать ладонь, она вновь уронила ее на дно кузова рядом с собой. — Я з-зар...а...ж...

Не дослушав, мужик махнул рукой и выпрямился, держась за борт.

— Радар, а она точно иммунная? Может, пока не поздно...

— Точно, — тот, кого назвали Радаром, еще раз сверху вниз взглянул на корчившуюся у его ног Яну. И, так же придерживаясь за ходившие ходуном стены кузова, двинулся обратно на свое место. — Иммунная, только долбанутая. Кто-нибудь дайте этой дуре плотнуть живяк. А то правда что не довезем.

Мутная бодяга, о запахе и вкусе которой нельзя было бы сказать ничего определенно хорошего, к вящему изумлению действительно помогла. После того, как в нее влили несколько капель этого лекарства, девушка, которая уже совсем было смирилась со смертью, внезапно почувствовала, что ее как будто едва-едва заметно, но попустило. Спустя еще какое-то время перекручивающие тело спазмы сошли на нет, вместе с излишней потливостью и тошнотой. С глаз будто пропала мутная пленка, и Яна с внезапно вернувшейся ясностью мысли осознала себя все еще живой. И по-прежнему лежащей на тряском полу непойми-какой машины, которая как будто бы замедляла ход.

Словно в подтверждение ее догадки, конструкция закрипела тормозами, и всех, кто был внутри, дернуло по ходу движения, заставляя хвататься за что попало и вжиматься в пол.

— Кажись, доехали, — дождавшись, пока машина окончательно остановит ход, длинный поднялся, закидывая ремень винтовки на плечо. — Я ж говорил — не опоздаем.

Радар и стриженный любитель бананов не спеша выбрались из кузова наружу. Остальные продолжали наблюдать за невидимым для пленниц происходящим из окон.

— Первые прибыли, — снова вытащив очки и нацепив их на нос, пробормотал очкастый знаток местных нравов. — Никого не вижу, кроме нас и Каракута. Не помню, чтоб когда такое было. Обычно в базарный день тут народищу собирается — уйма...

— И охраны много. Там, там... и вон там еще, смотри. Блин, что у них опять случилось?

— Да ладно, Каракут — просто перестраховщик, — потоптавшись, долговязый, присел обратно и тоже взгляделся в окружающую действительность сквозь одну из узких щелей, через которые в кузов падали полосы яркого солнечного света. — Он всегда и базарный день устраивает за пределами стаба, и охрану с собой берет. Что с него взять, как он даже транспорт в стаб не пропускает? Оно, конечно, было пару раз, что пытались прибрать его хозяйство к рукам. Но все равно ведь вечно перегибает палку...

Некоторое время они молчали. Наконец, очкастый протер лоб.

— Что-то долго они с Радаром базарят. И руками машут, — он прищурился. — Особенно Каракут. Что-то точно случилось. Твою ж так, хоть товар-то он у нас заберет? В Элит-да-Рубе за шлюх денег не дают, а до Багдада — больше полутора суток езды... Это если ни на кого не нарваться.

Вновь воцарилась тишина. Работорговцы напряженно всматривались каждый в свою щель. Поглядывая то на них, то на связанных девчонок, Яна прикидывала свои шансы удрагьот этой компании, и желательно по-тихому. Пока шансы особо не просматривались. Однако, в отличие от других пленниц, у нее было преимущество — руки оставались свободны. Должно быть, в ее поведении и состоянии при встрече отсутствовали показатели к немедленному фиксации при помощи веревки, а теперь мужикам было попросту не до этого. Да и вряд ли кто-то из них видел в ней угрозу.

А значит, нужно и дальше вести себя так, чтобы «спасителям» как можно позже пришло в голову ее связывать. Внешне Яна как следует копировала испуг и смятение которые наблюдались на лицах тихо поскуливавших пленниц. Впрочем, справедливости ради, ей не приходилось прикладывать для этого много усилий.

— Кажись, договорились, — с облегчением пробормотал очкастый, снова вытирая проступавший пот. — Готовьтесь, сейчас будем выгружать.

— А... эти? — долговязый кивнул в сторону живого товара.

Очкастый дернул плечом.

— Хрен его знает. Без распоряжений не вытаскиваем. Вон, смотрите, Мельник возвращается. Сейчас все и скажет.

Ждать пришлось недолго. Спустя всего несколько мгновений снаружи заскрежетало, и двери внутри железной «коробки» распахнулись во всю ширь. Первым забравшийся внутрь уже известный Яне Мельник кивнул крепким парням в рабочей одежде, и те молча принялись растаскивать и выносить ящики, которые занимали большую часть кузова.

Пока оживившиеся работорговцы помогали грузчикам с загадочным товаром, очкастый кивнул Мельнику. Видимо, чтобы не мешаться под ногами и не тормозить рабочий процесс, они отошли в тот угол, в который забились и их пленницы. До изо всех сил напрягавшей слух Яны донеслись обрывки короткого разговора.

— ... орда. Пытались увести, но... Их как будто что-то гонит обратно, прямо на стаб. Каракут... таким никогда не видел. Зассал по полной. Еще чуть-чуть, и... даже согласится пустить наш транспорт за ограждение...

— Тогда какого... разгружаться?... с грузом прямо до стаба. Если орда... нужно двигать туда без вариантов.

— Хрен его разберет. Каракут — ... ный параноик... что кто-то направляет орду... Чтобы... запаниковал и начал пускать всех, без разбору, со стволами и транспортом... Решил вести дела... по-старому. Повезет... на своих... грузовиках. Наш транспорт не знаю... пустит за ограду... нет. Но нам... в его крепость. По-любому. Если сейчас отправимся в Элит-да-Руб, как собирались, и зацепим орду хоть краем — сам знаешь, это... лный... здец.

Последнюю фразу удалось расслышать почти всю и, может быть, именно поэтому она напугала Яну больше прочего, до неприятного холода в животе. Она не совсем понимала, о чем шла речь. Хотя о многом догадывалась. «Орда» — по логике вещей, могла оказаться неким скоплением уже увиденных ею тварей, а может быть и чего-то еще, пока не увиденного, но способного напугать «по полной» тертых вооруженных мужиков, какими были ее спасители-похитители. Уже одно это категорически настраивало против того, чтобы с ним столкнуться.

Однако, попадание в «крепость», могло существенно усложнить любой побег. А значит, бежать лучше было бы до того, как это станет невозможно.

Девушка понимала это умом, но от этого понимания план побега сам по себе так и не вырабатывался. Тем временем грузчики вытащили последний из полагавшихся некому Каракуту ящик, освободив груженный кузов не меньше, чем на две трети.

— Куда попер? — пригаркнул Мельник на последнего носильщика, который, повертев головой, подскочил к секции крытых ящиков и попытался начать стягивать брезент. — Оттуда не хватай. Ваше уже все.

Он кивнул долговязому и еще двум работорговцам, которые после разгрузки, не имея чем себя занять, присели обратно на лавки, привинченные у бортов.

— Какого хрена мостите задницы? Отбоя еще не было. Давайте, в темпе, время не ждет. Выводите остаток.

Яркое солнце, отчаянно сиявшее с раскаленного синего неба, заставило Яну заморгать, растирая выступившие слезы. Она еще раз оценила неоспоримое преимущество свободы конечностей — и попыталась принять вид еще более робкий и запуганный, чем раньше.

Впрочем, мигом позже открывшееся перед девушкой зрелище ошеломило ее настолько, что на какое-то время она забыла обо всем.

Еще в кузове казалось, что она готова к любым сюрпризам. Однако, вид раскаленной африканской саванны, то там, то здесь поросшей приземистыми, словно приплюснутыми деревцами и неожиданно густым, разлапистым кустарником, пришиб ее почище недавней горной-речной долины.

Осторожно повертев головой, Яна убедилась, что виденная в долине река никуда не делась. Должно быть, грузовик действительно ехал вдоль ее русла. Сейчас река находилась не более чем в полусотне метров по левую сторону. За ней на многие километры тянулись покрытые не то лесной, не то все-таки кустарниковой растительностью надвинувшиеся холмы. Над холмами кружили какие-то птицы. По другую сторону до самого горизонта лежала равнина, с полувывяженной солнцем травой. Присмотревшись, девушка сумела разглядеть далеко в стороне стадо каких-то травоядных. Каких — с ее места было не рассмотреть.

Впрочем, сейчас внимание притягивали к себе не травоядные. Транспорт работорговцев остановился на большом вытоптанном лысом пятне, на котором помимо него стояли еще три машины. Яна решила называть их про себя именно так, просто потому, что толком не могла бы определиться, из каких запчастей собирались эти колесные тяжеловозы. В том, что местные механики явно отдавали предпочтение защищенности, грузоподъемности и проходимости в ущерб эстетике, она уже убедилась.

В одну из машин грузчики как раз вносили последние ящики с товаром. Вокруг действительно торчало много охранников. И почти в центре всей этой сходимки перед могучим шипастым кенгурятником одного из чужих грузовиков стоял Радар в компании двух незнакомых мужиков из его команды работорговцев — очевидно, это и были невидимые прежде водитель и штурман. Оба держались с независимым видом заправских секьюрити. Однако, с учетом превосходящего числа их потенциальных противников, работорговцы были хоть и вооружены, но не очень опасны.

Перед Радаром на невысоком походном столике какой-то молодой парень из чужих отсчитывал разноцветные кругляши. По мере того, как девушек подводили ближе, Яне делалось виднее, что некоторые кругляши подозрительно похожи на те, которые вывалились из зарезанных ею собак.

Рядом с парнем перетаптывался широкий, как комод, крепкий темноволосый карлик явно восточных кровей, с юрким, пронизательным взглядом. И без подсказки делалось понятно, что этот здесь был за главного — для неглавного он держался слишком уверенно. Но карлик, при всей его важности, удостоился только короткого внимания особой пленницы. Скользнув по нему мимолетным взглядом, Яна профессиональным чутьемхватила гораздо более интересного персонажа — застывшую по левую руку от карлика среднерослую и поразительно красивую женщину.

Как и все вокруг, женщина носила некий гибрид из спортивного прикида и камуфляжа.

Но тонкое, холеное лицо, ухоженные волосы и руки явно свидетельствовали о том, что едва ли их хозяйка занималась чем-то физически тяжелым. Или хотя бы надолго выезжала за пределы зоны повышенного комфорта.

— Всё, — парень передвинул последний кругляш к горке остальных, после чего положил между ними кусок толстой рейки. — Это последние, за исключением тех, которые за женщин.

— Пересчитай, Радар, — басом предложил карлик, демонстрируя в улыбке идеально ровные зубы. — Как договаривались, дарагой.

Радар без улыбки мотнул головой.

— Я считал, — коротко отказался он и обернулся к своим людям, которые выстраивали подавленных и испуганно дергавшихся от резких движений девчонок в нестройную шеренгу.

— Улов на этот раз, — хмуро уточнил очевидное предводитель работорговцев. — Но без негритоски. За черножопыми нужно мотаться дальше к югу, и то не факт, что найдется иммунная. Сам знаешь, что они почти все обращаются, сколько ни прибывает.

Против ожиданий, карлик-кавказец, в ответ обнажил свои великолепные зубы.

— Слюшай, дарагой, панимаю, да. Далэко ехат, а засранэц-Каракут жадничает и пилатит мало, да, — он усмехнулся по-прежнему хмурому главарию работорговцев, который не сразу смог понять причину неожиданной покладистости всегда склочного партнера. — Нэ пэрэживай, Радар. Падумаешь — Каракут заказал, а ты нэ привёз. Радар не привёз, Хохол привизет, Хохол не привизет — Барак прадаст. Давно друг друга знаэм, э? Чиво нам ссориться из-за какой-то чернозадой шилюхи? Асобенна кагда зивирьё паганое гдэ-та рядом? Дэло сделаэм — и по домам, да? Давай, пасмотрим, кого ты мене притащил.

Похоже, кавказец Каракут действительно торопился. Судя по короткому облегчению, которое промелькнуло на лице его компаньона, Радара это более, чем устраивало.

— Кроме негры, остальные по списку, — он кивнул на подавленных и, судя по всему, все еще не до конца понимающих, что с ними происходило, пленниц. — Две обычных, девчонка и толстуха. Только уже перед сходкой удалось подцепить еще одну. Подумал, что тебе будет интересно.

Цепкий взгляд Каракута прошелся по выставленному перед ним товару. Сделав знак молчаливой женщине следовать за собой, он поочередно обошел каждую из пленных девушек. Оценка происходила почти по тому же сценарию, какой можно было увидеть в соответствующих фильмах про торговлю рабами. Кавказец деловито осматривал лица, волосы и зубы, для чего ему иногда приходилось приподниматься на носках, а мелко подрагивавшим девушкам — нагибаться. Двух потенциальных рабынь заставили оголить грудь, а третьей и самой красивой сопровождавшая Каракута женщина, оттянув голову за волосы, зачем-то долго смотрела в глаза. Потом, добравшись до первой толстухи, карлик долго и с сильным сомнением на лице оглядывал ее раздетую со всех сторон, чем довел несчастную почти до истерики. К удивлению, стоявшие вокруг охранники почти не пялились на женщин — какая-то часть из них следила за людьми Радара, другие смотрели в сторону саванны, по-видимому, не желая пропустить опасность, которая в этом ненормальном мире могла появиться откуда угодно.

И, судя по всему, не без причины. Чем ближе подходила ее собственная очередь, тем Яна волновалась все сильнее. Но дело было не в том, чтобы показать распущенные немые патлы или голые сиськи трем десяткам расставленных вокруг мужиков. Ее чутье на опасность — то самое, давнее, которому она привыкла безоговорочно доверять, чем дальше,

чем громче заявляло о себе тревогой, отдающейся холодом в груди. Очередной шухер надвигался оттуда, где теперь на грани видимости паслось стадо неведомых копытных. Яна понимала это все отчетливее, но не знала, как, а главное, стоило ли вообще сообщать об этом кому бы то ни было.

Между тем Каракут стоял теперь напротив нее, буравя темными кругляшами глаз. Яна старалась не встречаться с ним взглядом, изображая испуганную и подавленную пленницу. Она понимала, что этот местный пахан, хоть и не из крупных, но достаточно неглуп, и не была уверена, как умнее всего следует с ним себя вести.

Из всех выставленных на продажу, не исключая девочки-подростка, полтора Яниных метра оказались самыми удобными для осмотра карликом. Каракут бегло оглядел то же, что и у остальных, после чего запустил пятерню в ее свалывшиеся волосы, оттягивая в сторону и разглядывая корни.

— Бландинка? — уточнил он, повертев Яниной головой, теперь уже рассматривая ее белую до синевы замурзанную кожу. — Савсэм бландинка, да?

— Нет, не блондинка, — сообразив, что этот вопрос относился к ней, испуганно и торопливо поспешила отреагировать девушка. — Я... я альбинос.

Сопровождавшая Каракута женщина, которая до того смеривала взглядом предыдущую толстуху, шагнула ближе.

— У тебя все белое? — с долей брезгливости уточнила она, в то время как ее шеф, задрав майку последней пленницы, деловито ощупывал ее обнаженную грудь. — Везде?

— Да, — сквозь зубы прошипела Яна, пытаясь справиться с лицом. Несмотря на возможность морально подготовиться к тому, что ее будут раздевать и лапать, непосредственно процесс заставил кровь броситься в голову. Девушка с трудом удерживала себя от того, чтобы одним отработанным ударом отправить на тот свет низкорослого урода...

Наваждение схлынуло внезапно. Яна едва слышно выдохнула, закусив губу. И только спустя миг обратила внимание на то, что все это время спутница Каракута сверлила ее взглядом.

— Покажи.

— Ч-что?

— Савсэм всё покажи, — Каракут оставил в покое ее грудь и сделал шаг назад. — Вся бэлая это даже лучшэ, чэм чорная. Раздэвайся. Нада пасматреть.

Против собственных ожиданий, смысл приказа дошел до нее сразу. Щеки, только что жарко пылавшие, будто онемели. Яна бросила заторможенный взгляд на нетерпеливо сверлившего ее глазами карлика, всхлипывавших подруг по несчастью, заинтересованно пялившихся охранников...

— Оглохла, корова? Или тебе помочь?

Стиснув зубы, девушка выполнила то, что от нее требовали. Медленно стащив всё, она скинула даже охотничьи ботинки, которые до того не снимала больше суток. И замерла, подрагивая и обнимая себя руками.

— Слюшай, правда бэлая везде... Я тут думаю... Пака ищут чорную, эта пахудээт, и будэт кирасивый дуэт для сцэны... Чито думаешь, Лира?

Сопровождавшая его женщина дернула плечом.

— Не знаю, — отрывисто бросила она, вновь вперивая в Яну взгляд блекло-серых подведенных глаз. — Она мне не нравится.

Каракут, похоже, слегка удивился.

— Пачэму? Мяса многа, сала... Но она пахудеэт... Волосы бэлые. Кирасивое лицо...

Женщина нетерпеливо мотнула головой.

— Сколько ты уже здесь? — брезгливо, точно стоя рядом с вонючим биотуалетом, обратилась она к Яне.

Та поняла вопрос.

— Вторые сутки, — кусая себя изнутри за щеки, и стараясь выговаривать слова разборчиво, пробормотала она. Нервная дрожь от замеса из злости и стыда колотила теперь уже ее так же сильно, как давеча другую раздетую толстуху.

— Кем была раньше? Работала кем?

Яна на миг вздернула глаза, но тут же опустила их себе под ноги.

— Продавщицей.

— Врешь, — блеклые глаза той, кого звали Лирой, сузились. — Лживая корова. При тебе нашли нож и споран. Где взяла?

— Каракут!

Радар, о котором Яна успела забыть, широкими шагами пересек пространство, которое отделяло его от карлика.

— Что, дарагой?

— Быстрее давай, — Радар заметно нервничал, то и дело бросая взгляды в саванну куда-то поверх голов. — Всех берешь? Если берешь, давай расчет. Потом еще набазаришься со своими шлюхами. Нет — плати за тех, кого отобрал. И сваливаем отсюда нахрен.

Каракут сдвинул широкие брови.

— Чито-то чуешь?

— Да, — не стал скрывать Радар, с шумом втягивая воздух через нос. — Что-то идет. Оттуда.

Повернувшись, он махнул рукой в сторону безмятежно пасущихся копытных.

— Орда?

— Хрен его знает. Может, и орда. А может, элитник. Или два. Слишком далеко, пока не понятно. Так что говорю — валим быстрее, пока оно сюда не приперлось.

— Падажди.

Карлик прищипнул щекой и снял с пояса рацию.

— Пэрвый, как у тебя дэла? Еще нэ сожрали? Слэдишь?

— Да, — после паузы коротко выплюнула рация. Каракут чему-то кивнул.

— И гидэ звери?

На этот раз пауза была дольше.

— Орда на четыре кластера к северо-западу от стаба. Удаляются по касательной.

— К сэвэро-западу? Нэ путаешь, э?

Получив отрицательный ответ, карлик обернулся к Радару и пожал плечами.

— Это нэ орда. Или нэ та орда... Харашо. Мое предложение. За каждую — по стандарту. За бэлую... накину еще дэсят споранов. И всо!

Радар покосился на Яну.

— Она — альбиноска. Выдернул ее из пастей зараженных. Потратил больше двадцати патронов. Накидывай горошину.

— Гарошину? Савсэм, да? Пятнадцат споранов, и поехали!

— Твою мать! Черножопых тут видел? Видел. А альбиносов? Ни одного! Редкая баба.

Давай, говорю, горох, и разъезжаемся нахрен.

— Пятнадцать!

— Двадцать патронов угрохал только при поимке...

— Так научы своих балванов лучше стрелят! Ладна, — Каракут сплюнул, прекращая спор. — Двадцат пять споранов сверху или иди к жопу са сваей альбыноской. И в стаб можэш в этот адын раз не приезжат. Нэ пушу.

Радар колебался недолго.

— Хрен с тобой. За всех по стандарту и двадцать пять сверху. Согласен.

Каракут удовлетворенно цокнул языком.

— Маладэц. Лублю тэбя за сговорчивость, Радар. Грузите.

Женщина Лира, по-видимому, не имела права голоса, пока ее не спрашивали. Хотя и не довольная решением босса, она молча отошла в сторону. Несколько вооруженных охранников из людей Каракута повели рабынь в сторону обшитого металлом грузовика, в котором сейчас должно было быть горячо, как в печке.

Яну ухватили под локоть прежде, чем она успела собрать шмотки. Дюжий мужик поволок ее вслед за остальными.

— Подождите! Одежда...

Ощущение тревоги вспыхнуло внезапно, как будто рядом включили прожектор. Девушка успела увидеть, как дернулся торопливо сгребавший со стола кругляши Радар, как он резко выпрямился, запрокидывая лицо к раскаленному небу.

— Каракут! Там дроны! Дроны!! Шухер!!

Далекие травоядные разбегались, перепуганные низким гулом нескольких пикировавших с неба невесть откуда вынырнувших стремительных темных пятен, которых там не было еще минуту назад. Всполошенные дельцы и их охрана бросились под укрытия автомобилей, стараясь уже оттуда достать выстрелами неестественно быстрые и интеллектуальные летательные аппараты, которых было не меньше десятка.

Группа дронов, несомненно искусственных, грамотно рассыпалась в воздухе, облетая сходку и словно норовя взять бегающих по земле людей в кольцо. На глазах у Яны, которая сама не заметила, как вслед за своим сопровождающим очутилась у колеса уродливого КАМАЗа, от корпусов дронов одновременно отделились светлые точки — и стремительно понеслись в сторону людей.

— Снаряды! Берэгись!

Полыхнула вспышка. Взрыв разбросал тех, кому не повезло оказаться рядом. Яну оторвало от колеса и отбросило шагов на десять в сторону от машины...

Полуослепшая и полуоглушенная девушка приподнялась. Перед глазами было как в тумане — в нескольких шагах от нее что-то взрывалось, носилось туда-сюда, орало, взвизгивало и стреляло... Некоторое время Яна тупо смотрела на мечущихся людей, на взрывающиеся у самой земли и распространяющие какой-то густой белый дым снаряды...

Обоняния коснулся сладковатый запах. После нескольких первых вздохов сильно закружилась и без того ударенная голова. Веки сами собой стали тяжелее, как печные заслонки...

А потом сквозь одурь и тянущий гул в ушах до нее вдруг дошло.

Ужаснувшись, но все еще не вполне соображая, что делает, девушка поспешно и до упора выдохнула то, что втянула в легкие мгновением раньше.

Легче не стало. Стало тяжелее.

Но Яне было плевать. Кое-как поднявшись на сбитые ноги, она пошатнулась. Потом, сделав шаг, затем другой, спотыкаясь и вихляясь из стороны в сторону, неуклюже поспешила к реке.

Позади раздался еще один взрыв — на этот раз довольно громкий. Должно быть, не повезло какому-то дрону. В спину толкнуло близкой горячей волной, и Яну, которая не успела — или не сообразила притормозить на обрыве, с силой и плеском швырнуло в быстро текущую желтую воду...

Несмотря на внешнее спокойствие желтой реки, ее внутреннее течение оказалось чудовищно сильным. Настолько, что Яна едва не ушла камнем на дно, хотя холодная вода привела ее в чувство почти сразу. Вынырнув, девушка отчаянно забарахталась, пытаясь удержаться на плаву, что в пресной бегущей воде делать было гораздо труднее, чем в привычном ей соленом море.

Отвесный берег, мечущиеся люди и атакующие их машины быстро скрылись за излучиной реки. Некоторое время Яна еще слышала их вопли, стрекот, выстрелы и грохот взрывов. Однако, все стихло достаточно быстро. Течение само несло ее вперед, и эта скорость вызвала у девушки дурные предчувствия возможности потенциального падения с огромной высоты. Кроме того, несмотря на то, что сознание ее прояснилось, Яна до сих пор ощущала последствия контузии от взрыва и действия газа.

И еще она осталась безоружной и абсолютно голой.

Из воды нужно было выбираться. Если где-то здесь монстры бегали целыми ордами по суше, ничего не мешало им делать то же самое в воде.

Опомнившись, Яна забарахталась с удвоенной силой, целенаправленно подгребая к берегу. К этому времени река, в самом начале падения в нее довольно широкая, сузилась до разумных пределов — так, чтобы противоположную сторону можно было рассмотреть без помощи бинокля. Сама вода поменяла свой цвет, утратив африканскую желтизну и став как будто холоднее. Саванна тоже кончилась, вновь уступив место чему-то отечественному. Во всяком случае, заросшие кустарником и каким-то камышом берега можно было бы найти в любой средней полосе знакомой географии, и даже севернее или южнее.

Отмечая все это краем сознания, измученная и продрогшая до костей девушка, наконец, достигла спасительных камышей. За камышами, всего в нескольких метрах после обычного речного прибрежного болота лежала хоть и покрытая густым слоем ила, но все равно вожделенная твердая земля.

Цепляясь за стебли по поскользываясь на илистом дне, Яна добралась до берега. Стараясь не шуметь, сделала шаг по влажным, намытым водорослям — и вдруг замерла, чувствуя, как внутренности мгновенно смерзаются от холодного, липкого страха.

Берег реки, хотя покрытый песком и довольно пологий, сильно порос молодым камышом и успевшим надоесть вездесущим кустарником. Кое-где виднелись могучие залежи ила, скорее всего, наносимые во время непогоды. Во многих местах ил и песок покрывали многочисленные следы копытных, которые, должно быть, часто спускались сюда на водопой.

Но Яну до мгновенного онемения конечностей напугали не камыш и не следы.

Впереди, на расстоянии не более двадцати шагов от воды возвышался большой бугор, плотно оплетенный водорослями и занесенный мусором. Бугор мало чем отличался от прочих неровностей речного берега, на которых так же в избытке валялось множество природного мусора.

За исключением единственной детали. Из-под бугра торчал толстый, разлапистый корень. И все бы ничего, но на его узловатых, похожих на пальцы, концах едва заметно подрагивали огромные, фиолетово-черные когти.

Беззвучно сглотнув, девушка опустила взгляд под ноги. Стараясь не шуметь, сделала

осторожный шаг назад, обратно в воду. Потом — еще, и еще. После каждого движения она замирала, скидывая глаза на чудовищную лапу. В том, что ее обладатель жив, здоров и находится в засаде прямо на пути копытных к воде, она не сомневалась ни секунды. Как и не позволяла себе смотреть на него слишком долго и пристально — тварь могла почувствовать ее взгляд.

Но каких же размеров должен быть хозяин лапы, если в его когтистой «ладони» запросто поместилась бы вся Янина немаленькая задница целиком?

Когда холодная вода дошла до горла, а ступни перестали ощущать дно, Яна вновь позволила реке увлечь себя, отправляясь в свободное плавание по течению. Спустя какое-то время страшный берег скрылся с глаз, но скованная испугом девушка все не решалась выбрать другого места, чтобы выбраться на сушу. Перед ее внутренним взором продолжала стоять чудовищная лапа, одним движением которой можно было бы размозжить человеческую голову. Или даже две или три головы.

Теперь она гораздо лучше понимала испуг работоторговцев. И всю тяжесть собственного положения.

... После серии крутых подступов, по берегам вновь потянулась травно-хвойная растительность. Сами берега снизились, сделавшись чистыми и пологими, заросшими короткой темно-зеленой травой. Зато вода здесь стала до того холодной, что Яна почувствовала — еще немного, и для того, чтобы умереть, ей не понадобятся никакие монстры.

Она вновь подгрэбла и из последних сил ухватилась за низкий берег. Замерев, некоторое время простояла на коленях в воде, тиская траву и прислушиваясь к происходящему.

Если на берегу что-то и происходило, плеск и журчание воды заглушали все звуки. Так ничего толком и не услышав, девушка подтянула ноги. И, пачкаясь о прибрежную грязь грудью, животом и коленями, показала из-за края берега.

Первое, что она увидела, была фигура рослого мужика во все том же камуфляже.

Мужик стоял к ней спиной шагах в тридцати над невысоким речным обрывом. И — на несколько мгновений Яне показалось, будто смертельная усталость и переохлаждение сыграли с ее зрением злую шутку.

Одиноким адептом секты поклонников камуфляжа занимался не тем, что охотился или пытался сам не стать чьим-то харчем. Похоже, что он вообще не собирался от кого-либо скрываться. Наоборот, выбрав местность, открытую всем взглядам, он спокойно и деловито занимался неожиданным для обитателя мира монстров делом. А именно — возился с фотоаппаратом, который был установлен на пригорке на вполне устойчивой профессиональной треноге. И, судя по его движениям, неторопливо вел панорамную съёмку.

Происходящее показалось Яне таким сюрсом, что она невольно с силой зажмурилась и вновь открыла глаза. Но мужик не пропал. Он вполне обыденно продолжал возиться с камерой. Потом, опустившись на колено, за чем-то полез в походный рюкзак, который был уложен рядом с треногой.

Яна не знала, что это за фотолюбитель, и чего можно было от него ожидать. Но в ее положении выбирать не приходилось. Судя по уверенным движениям мужика в камуфляже, и по его снаряжению, он вполне органично чувствовал себя в окружающей враждебной среде. А значит, мог бы...

Что именно мог бы непонятный мужик, Яна предпочла не додумывать. У нее нечего

было дать в обмен даже на мизерную информацию о чем бы то ни было, не говоря уж про более существенную помощь. Обычная же женская натуральная валюта, которую можно было бы попробовать предложить мужику, в ее случае объективно представлялась до того неликвидной, что об этом не стоило и заикаться.

Оставалась дохлая надежда на то, что мужик мог помнить, что его рожала тоже женщина, и помочь ей из жалости. Просто так.

Яна поморщилась. В ее случае не прокатывало и это. Мужики не помогали толстухам просто так. И из жалости тоже. Разве что жалость должна была бы оказаться просто вселенской.

Меж тем любитель фотосъемки закончил свои дела на пригорке. Быстро и аккуратно он отвинтил камеру и принялся собирать треногу. Движения его были отточены до автоматизма, и спустя очень недолгое время, все снаряжение оказалось уложенным в чехол. Мужик закрепил лямки рюкзака, вскинул на плечо чехол — и только тут Яна заметила какой-то огнестрел у него в руках. По форме, это был или АК, или АКМ, что, собственно абсолютно не вызывало удивления. Судя по бравому виду камуфляжного мужика, оружие у него имелось не в единственном числе, хотя применительно к Яне это вообще не имело никакого значения.

К тому времени, как девушка пришла к этому выводу, мужик успел уйти десятка на два шагов. Ростом любитель фотографии удался не выше двух с половиной, но и не ниже двух метров, ноги имел длинные, и шагал упруго и быстро. При таком раскладе еще немного — и шанс, пусть и призрачный, на какую-то помощь вот-вот собирался стать совсем уже труднодостижимым.

Шагал мужик, впрочем, против течения. Поэтому сам имел все шансы встретиться лицом к морде с тем самым монстром, который прозевал появление Яны из воды полтора километра назад. Отчего-то девушка была уверена в том, что автомат против увиденного ею на берегу чудовища вполне мог на практике подтвердить правильность афоризма о слоне и дробине.

Мгновенно оценив подаренную судьбой возможность сделать камуфляжного мужика своим должником, она напрягла последние силы — и окончательно выбралась на покрытый травой берег реки.

— Эй! — стараясь, однако, чтобы это было услышано только тем, кому предназначалось, осторожно позвала девушка, устремляясь вслед за широко шагавшим любителем фотографии. — Эй, подожди... те! Не ходите туда, слышите? Эй!

Она боялась, что за сильным шумом воды означенный незнакомец едва ли услышит ее осторожные воззвания. Однако, к изумлению, уже далеко отошедший мужик все равно услышал и отреагировал мгновенно.

Он стремительно развернулся, вскидывая автомат. Яна, которая инстинктивно дернула руками, не то чтобы поднять их вверх, в знак полной невооруженности, не то чтобы попытаться хотя бы отчасти прикрыть свои сомнительные прелести, застыла, не в силах вытолкнуть ни слова из пережатого ужасом горла.

У мужика не было лица. Вместо него из-под темного капюшона на девушку скалилась морда зверя.

Несомненно, любитель фотографии имел все человеческие признаки — два глаза, нос и рот. Он был похож на человека — и, одновременно, не похож. Яна смятенно разглядывала раздавленную челюсть, крепкий, почти медвежий лоб и странную, нечеловечески толстую

кожу. Теперь она уже обратила внимания и на руки странного мутанта. Хотя толком их было не разглядеть из-за натянутых перчаток, он с трудом удерживал в них оружие, которое казалось игрушечным в широченных ладонях. Для человека такие ручищи были бы неправдоподобно здоровенными. Но учитывая аномально высокий рост и раздававшиеся в стороны габариты, конечности росли абсолютно пропорционально и всему под стать.

Похоже, что сам мутант обалдел, увидев перед собой низкорослую, абсолютно голую и перемазанную толстуху, с которой до сих пор капала вода. Он перестал скалиться, сразу делаясь гораздо больше похожим на человека. И, убедившись, видимо, что это явление — не чья-то изощренная ловушка, опустил автомат.

— Нихрена себе, — хриплым басом довольно отчетливо проговорил он и прочистил горло. — Ты... ты, блин, откуда?

Яна, которую теперь трясло не только от холода, но и от колоссального нервного перенапряжения, честно попыталась перестать стучать зубами. С первого раза у нее не вышло, и поэтому она молча махнула рукой назад. Впрочем, мутант ее понял.

— Недавно здесь? — уже деловито уточнил он, оглядывая странную собеседницу с лица до ступней, и задерживая взгляд в тех местах, где не задержать попросту не мог.

Яне, впрочем, было плевать, на что именно там пялился любитель фотографий. Он оказался ожидаемо разумным и неагрессивным, и к тому же хорошо говорил по-русски. В ее положении откровенной наглостью было бы требовать большего.

— Вт-торые сут-тки, — обнимая себя за плечо рукой, а другой пытаюсь прикрыть хоть что-то, отрывисто сообщила она, поскольку зубы по-прежнему отстукивали дробь. И, видя, что мутант открывает рот для следующего вопроса, поспешила брать инициативу разговора в свои руки. — Я хотела ск-казать. Т-там, дальше, п-по берегу т-тварь... огромная. Зарылась в... м-мусор. Если идти п-против течения — запросто можно на нее наступ-пить...

Мутант нахмурился, из-за чего еще больше стал похож на обычного, хотя и сильно уродливого мужика, а не на зверюгу. И, впервые отклеившись взглядом от Яниных сисек, озабоченно оглянулся в ту сторону, куда так бодро направлялся еще минуту назад.

— Я видел несколько лёжек вдоль берега, — после паузы, медленно проговорил он, обращаясь, по-видимому, больше к себе, чем к кому бы то ни было. — Но не мог сообразить, что это за ямы. А вон оно что...

Мутант стянул капюшон, обнажая абсолютно лысую голову и с силой потер бритый затылок.

— Если он устраивает ловушки, то не тупой. Значит, элитник, — он еще раз оглянулся на берег и дернул щекой. — Уверена, что тебе не показалось?

Яна кивнула, сильнее тиская плечи и глядя в землю. Ее только что случившееся чудовищное перенапряжение постепенно уступало место тупой апатии вусмерть утомленного человека. Недомогания, отогнанные пойлом, которое заставили пить в кузове работорговцев, постепенно возвращались. К тому же, она конкретно замерзла еще в воде.

Теперь же, стоя нагишом посреди вполне северной природы, девушка чувствовала, что коченеет. Понемногу ее тряска усиливалась, и краем сознания Яна догадывалась, что причиной этому был не только холод.

Похоже, к этому времени мутант тоже отошел от изумления, вызванного неожиданной встречей. И, наконец-то, соизволил заметить ее состояние.

Аккуратно сняв чехол с треногой и сбросив рюкзак, он стащил с себя куртку. Быстро преодолев пространство, которое отделяло его от девушки, накинул одежду на ее плечи.

Куртка оказалась неожиданно теплой, с ватной подкладкой. От такого проявления заботы, которого она давно не ожидала для себя даже в другом, нормально мире, Яну неожиданно затрясло сильнее. Подломившиеся колени едва не уронили хозяйку в траву. Чтобы не упасть, она неожиданно для себя привалилась к страшному мутанту, изо всех сил кусая губы, чтобы совладать со слабостью, лихорадкой и невесть откуда взявшимися позывами на истерику.

Мутант, впрочем, попался понятливый, и терпеливо пережидал, пока его неоднозначная находка возьмет себя в руки.

— Ну, все, все, — с грубоватой заботой пробасил он, в ответ притискивая к себе девушку даже сильнее, чем требовалось для простого человеческого ободрения. — Бывает. Сначала здесь со всеми так, кому удастся выжить. Тебе еще повезло. Слышишь? Повезло тебе очень. Так что, давай, заканчивай уже, и пойдём. Все равно, если поблизости окопался элитник, вся визуальная топография накрылась медным тазом.

Он осторожно вытащил из-под хлюпавшего носа Яны висевший на груди православный крест, и мотнул головой куда-то в сторону.

— Идем. У меня лагерь, тут, недалеко. Напарник остался готовить ужин. Поешь, и там решим, что нам с тобой делать.

Очень скоро Яна получила возможность убедиться, что разные люди вкладывали в понятие «недалеко» абсолютно разный смысл.

Вслед за своим страшным спутником она уже довольно долго шла по течению реки, миновала три излучины, карабкалась и вновь спускалась с каких-то приречных холмов. Однако, судя по тому, что заботливый мутант и не думал сбавлять темпа, до его лагеря еще оставалось достаточно недалеко.

Яна, меж тем, совсем выбилась из сил. И дело было даже не в сумасшедшем дне, сплошных нервах, бегстве наперегонки со смертью, странной заразе, апробировании себя в роли секс-рабыни, долгом купания в холодной, стремительной воде и встрече с кошмарным монстром. И даже не в том, что на один шаг спутника-мутанта девушке приходилось делать четыре-пять своих.

Просто, поделившись курткой, которая с большим запасом сошла на Яниной немаленькой груди, любитель фотографий не смог поделиться еще и ботинками. Босая девушка, выбиваясь из последних сил, почти бежала за длинноногим мутантом, ни единым звуком не давая понять о своих истинных ощущениях, чтобы тот вдруг не посчитал ее обузой и не бросил на полдороге. Но долго так продолжаться не могло. В какой-то момент Яна почувствовала, что вот-вот потеряет сознание. Однако, по счастью, это почти точно совпало с тем моментом, когда мутант, наконец, остановился.

— Здесь брод, — он поднял руку, указывая на небольшой остров, который темнел над водой в медленно спускавшихся сумерках. — Лагерь там. Уже почти пришли.

Яна в очередной раз закусила губу, чтобы откровенно не заскулить. Она чудовищно устала и намерзлась. И, несмотря на уже почти визуальную близость скорого привала, при мысли об очередном путешествии через холодную воду и мерзкую ледяную грязь на дне, ее сбитые, израненные ноги свело настоящей судорогой.

— М-молодцы, — сочла нужным похвалить она, наклоняясь набок и потирая сведенную мышцу бедра. — На острове, наверное, м-меньше шансов нарваться на тварь?

Мутант удовлетворенно кивнул.

— Соображаешь.

Он аккуратно спустил чехол с аппаратурой на камни и уселся следом, расшнуровывая ботинки. Девушка терпеливо ждала, пока ее страшный спутник закатывал огромные шпанины, вынужденно любуясь красотами природы.

На самом деле, полюбоваться было на что. В отличие от душной саванны, в воздухе этой местности необъяснимым образом держалось не выше десяти-двенадцати градусов. Сочетание невысоких скалистых гор с текущей между ними рекой дополняли хвойные деревья, которые так густо и живописно произрастали вокруг, что наводили мысли не то об аляскинских приключениях Джека Лондона, не то вовсе о каком-нибудь Скайриме.

— Тебе повезло появиться именно на Пустыре. Народу здесь немного. Меньше шансов, что сожрут, не дав разобраться, что тут и к чему, — меж тем не вполне понятно просвещал любитель фотографий, заканчивая приготовления. — Рядом Внешка. Гости оттуда боятся местного зверинца, как огня, и зачищают здесь все, до чего могут дотянуться.

Он на некоторое время умолк, затягивая зубами узел, которым связал между собой шнурки ботинок. И, помедлив, забросил обувь на плечо.

— Зараженные действительно не любят воду. Без серьезной причины в нее не пойдут, — мутант еще раз мотнул головой в сторону острова. — Там можно спать хоть всю ночь, не выставляя дозорных. Тварей в реку огнем не загонишь.

Яна, которая старалась внимательно прислушиваться ко всему, что ей говорили, тоже посмотрела в сторону острова. Потом — на путь, который нужно было до него преодолеть, и на какую-то сотую мгновения почувствовала солидарность со всеми не попавшими туда чудовищами.

— Держи, — поднявшийся на ноги мутант протянул удивленной спутнице драгоценный чехол. — Только смотри за этим внимательно. Не дай Бог что. Такую аппаратуру не в каждом кластере найдешь.

— Хорошо, — податливо согласилась Яна, перевешивая неожиданную ношу на плечо. Сумка, хотя и несомненно важная для любителя фотографий, по понятным причинам оказалась совсем не тяжелой и особых неудобств не принесла.

Впрочем, оказалась она даже неудобной и тяжелой, выбора подчиняться или нет приказам ее спутника у Яны не было тоже.

— Ну, вот и ладушки, — мутант повел плечами и шагнул к девушке, протягивая руки. — Тогда давай, забирайся, и пойдём.

Поймав ее недоуменный взгляд, он хмыкнул.

— Чего непонятного? Я тебя перенесу. Там глубина — почти по пояс. И сильное течение. Оступись раз — лови тебя потом.

Яна устало усмехнулась. Ехать через реку верхом на огромном мутанте делом казалось заманчивым, но ей все же было привычнее на своих двоих.

— Ты же видишь, что я вешу больше сотни? — сделала попытку отговориться она. Мутант усмехнулся в ответ.

— Седьмой год в Улье, из них четыре — в форме кваза. Специализация — разведка. Сотни открытых кластеров, плюс десятки тысяч очков к экспириенсу...

Он запнулся.

— Вижу, не понимаешь, о чем я. Тогда просто смотри.

Что-то мелькнуло перед глазами не успевшей среагировать девушки, а в следующий миг Яна почувствовала, что ее легко, словно куклу, оторвали от земли. От неожиданности она сжалась, вообразив, что ее сейчас вышвырнут в воду. И очнулась уже сидящей уже на чужих плечах.

Едва не выронив драгоценный чехол, Яна судорожно вцепилась в руку и голову мутанта, испытывая одновременно смущение, возмущение от такого бесцеремонного вторжения в ее личное пространство и фоном — настоящий страх. Впечатленная мордой и габаритами спутника, она не сразу подумала о его физических способностях. Точнее, подумала, но мельком — сильно изматывающая дорога путала мысли. Теперь же, узрев, с какой видимой легкостью страшный спутник поднял чуть больше центнера живого веса, она совсем нектати поняла, что именно он мог сделать с ней такими ручищами, не сохранись у него мозгов.

Перед ее мысленным взором вновь встала картина разорения несчастного автобуса. Поужасавшись миг или два, Яна не сразу сообразила, что к виртуальным причинам для страха прибавилась вполне реальная.

Пользуясь безоговорочной капитуляцией спутницы, и тем, что она опоздала высказать свое мнение о его выходке, мутант спустился по камням и уже неспешно брел в холодных,

мутных потоках, нащупывая ногами дно. С каждым шагом, который удалял их от берега, и приближал к середине реки, уровень воды поднимался выше. Застывшей на плечах ее могучего спутника девушке было видно, как волны подкатывают к его закатанным до самого верха штанинам, норовя плеснуть выше. С тем же успехом штаны можно было вовсе снять, так как скорее всего задница мутанта уже изрядно намокла.

Похоже, что брод оказался не таким и бродом. Невольно, Яна прикинула, что если бы не ее спутник, пешком она сейчас пробиралась бы по самую грудь в воде.

— Не ерзай, а? — сосредоточенно прохрипел любитель фотографий. Похоже все-таки, ему непросто давался этот путь с такой ношей на загровке. — Отвлекаешь конкретно, а мы тут и так сейчас как на блюде — жри, не хочу...

Несмотря на то, что теперь умнее было бы промолчать, Яна не выдержала.

— Ты же сказал, что твари в воду не лезут?

— Сильно голодные — лезут, — обрадовал ее в ответ мутант, продолжая медленно и целенаправленно продвигаться вперед. — Аздесь и без зараженных есть, кого бояться. Внешники в последнее время повадились охотиться с помощью дронов. Если засекут... Ничего хорошего.

Выговорившись, мутант умолк и так же молча миновал середину протоки. Постепенно он подгрел к надвинувшемуся вплотную лесистому острову. Спустя еще какое-то время сделалось понятно, что несмотря на беспокойство, им удалось миновать опасный участок «дороги» незамеченными.

Последние несколько десятков шагов спутник Яны прошел с заметным усилием. И, наконец, выбрался на берег острова, зашлепав огромными когтистыми ступнями по мокрому песку, который намыло с обращенной к течению стороны.

— Все, — припадая на колено, и упираясь в песок обеими руками, пропыхтел он. — Добрались. Слезай, говорю, приехали.

Яна сползла со спины мутанта со смесью благодарности и смущения — все-таки, кроме его куртки на ней по-прежнему ничего не было надето, и все это время она просидела на шее почти незнакомого мужика голой задницей.

Впрочем, судя по всему, сам мужик не придавал этому сколько-нибудь особенного значения. Отобрав у девушки чехол, он первым делом проверил его содержимое. И, удовлетворенно кивнув, закинул его на плечо — на то же, что и позабытый Яной автомат.

— Идем быстрее, — нетерпеливее обычного предложил он. — Слышишь запах? Сейчас будем ужинать.

В воздухе действительно едва заметно различался чарующий дух жареного мяса. Яна, единственным желанием которой еще минуту назад было лечь куда-нибудь в сухость и тепло, и перестать шевелиться, внезапно с удивлением ощутила, как заинтересованно отреагировал на это ее желудок.

Вслед за мутантом она углубилась в лес из высокоствольных хвойных деревьев. Иглы под ногами заметно кололись, но идти было недалеко. Уже через сотню шагов заросли привели на поляну, на которой один возле другого стояло несколько огромных валунов. Валуны прижимались друг к другу с трех сторон, образуя нечто среднее между человеческим жильем и медвежьей берлогой. Один из больших камней сильнее прочих нависал над выемкой в земле, вокруг которой и теснились прочие глыбы. К нему, прикрывая четвертую сторону этого необычного шалаша, были прислонены несколько огромных сосновых ветвей.

Запахом съестного тянуло именно оттуда.

— Серёга! — негромко позвал спутник Яны, оставаясь у края поляны. — Ты здесь? С какой стороны к тебе подойти?

— С любой, — после паузы донеслось со стороны каменной пирамиды. Из-за «навеса» на самом ее верху показалась бритая голова молодого парня. — Я не ставил растяжек.

Бритый снова исчез. Очевидно, убедившись в ложности тревоги, он сейчас спускался со своего насеста, который устроил на валунах. И действительно — через несколько мгновений напарник мутанта показался уже внизу, оставив оружие прислоненным к одному из больших камней.

Только теперь Яна поняла, что парень не просто играл в прятки с потенциальными гостями острова, а сидел в укрытии со стволом наизготовку. Мельком взглянув на то, из чего в них только что целились, она едва заметно переменилась в лице. Оружие бритого оказалось чем-то вроде стрелково-гранатометного комплекса неизвестной модификации, из которого при желании одним удачным выстрелом можно было бы уложить слона.

Впрочем, с учетом местных реалий, наличие такой экипировки особо не удивляло.

Меж тем бритый, сильно прихрамывая, обошел кучу камней и с едва заметной гримасой присел на один из них, опершись ладонями в колени. Судя по тому, как он держался, напарник мутанта был болен. Или, что вероятнее, ранен. В целом же парень оказался обычным человеком, двадцати пяти-двадцати семи лет, без каких-либо признаков мутации.

— Привет, братишка, — тем временем поприветствовал бритый, оценивающе и цепко окидывая взглядом пришедших, что не вполне вязалось с его шутливым тоном. — Вижу, сегодня ты не с пустыми руками.

Он улыбнулся Яне. Эта улыбка, короткая и человечная, неожиданно сказала девушке о новых знакомых больше, чем даже кресты на их шеях. Похоже, любитель фотографий оказался прав даже в большей степени, чем она могла предположить. Ей действительно очень крупно повезло наткнуться на именно этих аборигенов.

— Привет, — мутант в ответ чему-то нахмурился. И, переступив с ноги на ногу, с непонятным смущением мотнул головой в сторону своей спутницы. — Вот. Выловил из реки...

— Ну, и долго ждать, пока ты нас представишь?

Однако, по изменившемуся лицу «братишки» бритый догадался, что к чему. Махнув рукой, приподнялся с камня, сам без церемоний протягивая Яне крепкую ладонь.

— Сергей. Можно Серёгой. Этот невоспитанный тип, который, как я понял, забыл тебе представиться при встрече — мой старший брат Вадим. Ты не думай, родители учили нас вежеству одинаково, но даром преподаватели время с Вадимом тратили.

Девушка кивнула, невольно улыбнувшись шутке. Новые знакомцы, которые все-таки оказались братьями, нравились ей все больше.

— Морозова. Северьяна. Можно просто Яна... лучше просто Яна, — выделив слово «лучше», поспешила добавить она.

Братья переглянулись.

— Идет тебе это имя, — после короткого молчания, пробасил представленный Вадим.

Его брат кивнул.

— И фамилия. Точь-в-точь по тебе. Слушай, Снежок, а вообще откуда ты такая взялась?

Яна проснулась оттого, что солнечный луч, пробившись сквозь колючие ветви, падал на лицо. Кое-как продрав заспанные глаза, она потянулась в чьем-то спальном мешке, который оккупировала с вечера. И, окинув взглядом окружающую ее обстановку, прислушалась.

Накануне вечером ничего примечательного не произошло. Девушка слишком устала для серьезного разговора, и мужики поняли это без слов. Яна сама бы не могла толком вспомнить, как она оказалась внутри просторной каменной берлоги, скудная обстановка которой была организована по всем правилам походного лагеря. Последним и самым ярким ее воспоминанием стало, как кто-то отобрал у нее куртку и сунул в сухой, мягкий и теплый спальный мешок. Дальше все было покрыто мраком.

Насколько могла судить Яна, снаружи уже наступило позднее утро. Если мужики и ночевали в этой же берлоге, их в ней уже не было. Зато снаружи доносился стук ложки о стенки некой жестяной емкости, треск костра и, что особенно важно — запах свежесваренного кофе.

Яна решительно выбралась из мешка. Ежась от подступившего холода, примерила оставленную возле нее большую футболку. Судя по размерам, та изначально принадлежала Вадиму, а по паленому запаху — ее с вечера наскоро прополоскали в реке и потом какое-то время просушивали над костром. В очередной раз порадовавшись, что ей удалось наткнуться на нормальных, заботливых людей, девушка натянула футболку, которая пусть и не до конца, но с грехом пополам сумела прикрыть зад и перёд. И, по-прежнему чувствуя холод и какой-то неприятный внутренний озноб, выбралась наружу.

В нескольких шагах от берлоги действительно потрескивал умеренный костерок, почти не дававший дыма. Вчера его тут не горело — значит, либо мужики питались всухомятку, либо действительно на острове они пробыли недолго, и надолго задерживаться не собирались, устроив походную кухню исключительно ради Яны.

На углях стоял закопченный кофейник. Над ним колдовал Серёга, который сегодня выглядел куда живее, чем накануне. Вадима нигде не было видно, но перед костром, чуть в стороне, так, чтобы жар от огня ощущался терпимо, лежало большоебревно, могущее быть принесенным толькоим.

— Добрый полдень, Снежок, — поприветствовал девушку бритый балагур, доставая из рюкзака жестяные кружки. — Ты как раз вовремя. Садись, будем принимать лекарство.

Яна не заставила просить себя дважды. Присев на бревно, она протянула руки к огню, чувствуя, как внешний холод понемногу отступает.

Однако, внутренний никуда не делся. Очевидно, заметив и каким-то образом поняв ее состояние, Серёга вытащил стеклянную бутылку из-под водки, в которой плескалось уже смутно знакомое Яне по работорговцам «лечебное» пойло.

— Вот, держи. Хлебнешь два глотка. Чуть погодя, запьешь это дело кофе.

Девушка приняла бутылку без колебаний. Она уже знала о лечебных свойствах неприятно пахнувшей, настоянной на спирту субстанции.

— Это от мутаций? — сделав, как ей велели, ровно два глотка, она вернула бутылку владельцу. И спешно приняла из его рук кружку, занюхивая мерзкий запах ароматным и, судя по всему, качественным кофе.

— Это-то? — Серега плотнее завинтил крышку. И, сунув бутылку обратно в рюкзак,

задумчиво потер ухо. — Это, Снежок, больше для поддержания иммунитета. Хотя, вроде бы, если долго не принимать эту штуку вовнутрь, можно в конце концов переродиться в зараженного. Не полноценного. Что-то вроде кваза, только без мозгов. А может, и полноценного. Здесь никогда толком не угадаешь.

Яна отхлебнула кофе. Приятный, горячий напиток смыл с языка привкус «лекарства». Тело постепенно наполнялось теплом. И, неожиданно, ощущением здоровья и силы.

— А где Вадим?

— На рыбалку ушел. Еще с утра, значит, уже вот-вот должен вернуться, — порывшись еще, бритый брат мутанта вытащил из волшебного рюкзака пачку овсяного печенья. — Держи. Суховаты, правда. Взяли неделю назад из одного кластера сильно к югу-западу отсюда. И они тогда уже были не свежими. Но что поделаешь — Пустырь. Здесь много чего интересного подгружается. Но людей мало, и населенных пунктов в кластерах мало. Так просто едой на разживешься — ее приходится ловить.

Только теперь Яна окончательно поняла, как проголодалась. Пока она усердно вгрызалась в сухие печенья, запивая их кофе, Серега устроился рядом, прямо на земле, опираясь о бревно спиной, и поджав под себя ноги. Время от времени он подкладывал в костер ветки и шишки, которые кто-то принес сюда вечером — а может быть, и сегодня утром. Лицо у него сделалось задумчиво-отрешенным, и Яна, которая больше не мерзла, решила временно воздержаться от каких бы то ни было вопросов. К тому же, когда она расправилась с половиной пачки и задумалась над целесообразности уничтожения второй половины, из лесу вышел Вадим. Мутант нес на леске несколько среднеразмерных рыб, нанизанных под жабры. И отдельно еще одну, которая казалась здоровенной даже в его руках. Приглядевшись, девушка с изумлением узнала в изловленном гиганте молодого осетра.

— Вот это я называю — порыбачить!

Оживившийся Серега, от угрюмой задумчивости которого не осталось следа, уже поджидал с ножом наготове. Вадим ногами сгреб валявшиеся то тут, то там обломки камней ближе к брату, и сгрузил на них весь свой трепыхавшийся улов.

— Ну, как спалось?

Вопрос этот был явно обращен не к брату. Яна проглотила последний кусок, заставив себя с сожалением отложить пакет с остатками печенья.

— Спасибо, хорошо.

И, подумав, что нужно еще что-то сказать, прибавила.

— У вас целебный спальный. Отлично греет. Я думала, что после вчерашнего здорово простужусь.

Серега, который яростно скреб рыбки бока от чешуи, вытер лоб рукавом.

— Улей дает могучий иммунитет против всякой мелочи, типа простуды. Если тебе удалось преодолеть здешнюю заразу, считай, другие уже не пристанут. Хотя это тоже на уровне разговоров. К кому-то пристанут, к кому-то — нет...

— Держи, — Вадим сбросил на колени девушки уже знакомую ей куртку. — Тут воздух сырой. Тебе ж, наверное, холодно.

Рядом с костром Яна не чувствовала особенного холода, а от куртки теперь чувствительно пахло свежей рыбой. Но отказываться не стала. Весь двадцатилетний опыт указывал на то, что от мужской заботы лучше не отказываться никогда — а то в другой, нужный раз могут не догадаться предложить.

— Спасибо, — повторила она, натягивая куртку на плечи. И на всякий случай улыбнулась стоявшему напротив нее мутанту.

В куртке действительно стало еще теплее. Тем временем Вадим вытащил свой нож и, присев рядом с братом, стал помогать тому потрошить принесенную рыбу. Вдвоем они быстро избавили богатый улов от голов и кишок, перетерев тушки солью. Осетра разложили на углях, начинив чем-то похожим на давнишнюю кашу. И уже покончив с этим важным пищегаготовительным делом, расположились подле новой знакомой, допивая начавший остывать кофе.

Яна поняла, что время для важного разговора пришло.

— Вы, наверное, из-за меня остались лишний день на этом месте, — нарушила она молчание, не зная, в какую сторону повернут беседу ее спасители.

Вадим мотнул головой. Его брат длинной палкой подвинул осетра.

— Мы уже здесь четвертые сутки. Но не из-за тебя, конечно, а из-за меня, — словами пояснил Сергей, оставив в покое пекущуюся рыбу и вновь берясь за кружку. — Не повезло нарваться на элиту, когда мы меньше всего были готовы. Ну, и... Было трое, стало двое. А если б Вадиму не удалось запрыгнуть на эту тварь сзади, пока она азартно гоняла меня между деревьев — все б закончилось еще печальнее, чем оторванная половина зад... ноги.

— Все и так плохо, — глухо пробормотал Вадим, держа свой кофе между двух чудовищных пальцев. — Мы не проверили и трети намеченной территории. Не говоря уже про съемку. Не доглядели за кандидатом на гражданство. А он был сенс, хоть и плохой. Теперь должны возвращаться. Идти в разведку без сенса нельзя. Я вон пытался. Если бы не она... — он кивнул на Яну, — неизвестно, дождался бы ты меня с последней прогулки.

Они помолчали. Потом Серёга встретился глазами с девушкой и толкнул брата в плечо.

— Наша... гостья не понимает, о чем мы все время говорим.

— Кое-что понимаю, — Яна приподнялась, меняя положение на бревне. — Я уже видела... тут некоторые вещи. Но вы расскажите мне все по порядку. Это другой мир? Что это за твари? Одна меня укусила, — девушка вытянула вперед руку, однако к этому времени следы зубов на ней почти не просматривались. — Это значит, что я превращусь в одну из них? Или если пить лекарство — не превращусь?

— Не превратишься, — поспешил успокоить ее Вадим, наконец, отхлебывая кофе. — Но «лекарство» пить все равно надо. Не только тебе — всем.

Серёга сделал нетерпеливый жест.

— Погодите. Снежок, ты же здесь всего третий день. Расскажи, что ты видела, и как оказалась в реке. А мы тебе по ходу объясним, что да как.

Причин для возражений у Яны не было. Она рассказала все с момента посадки в автобус, не забыв упомянуть даже зловредного Михалыча, который теперь уже давно стал кормом для одной из диких тварей. Профессиональная привычка составлять отчеты с указанием любых, даже кажущихся самыми ничтожными мелочей, побудила выложить и про обрезки реальности на месте дороги, и про рюкзак с тяжелым барахлом, который она долго таскала на спине.

— Там в основном оставалась бытовая химия, — коротко пояснила она молча слушающим мужикам. — Если что, можно было вылить на себя. Или на следы побрызгать — такое нюх у кого угодно перешибает на раз.

Эпизод с мутировавшей собакой вызвал у слушателей искреннее изумление. Яна и сама давно сообразила, что с этой тварью ей нереально, просто чудовищно повезло. Впрочем, в

большей степени везение заключалось в том, что девушка не знала, с кем имеет дело. Догадайся она, что на нее напал мутант, чья быстрота и скорость в значительной степени превосходили собачьи, эта партия была бы проиграна ею чисто психологически.

— Ну ты и так исчерпала запасы везения, наверное, лет на пять вперед.

Яна поймала насмешливый взгляд Серёги и усмехнулась в ответ, качнув головой.

— Дело не в везении.

И, поколебавшись, все же пояснила.

— Чутье у меня. На опасность. Если перехожу дорогу, а по ней лихач летит на своем драндулете. Или пьяная гопота торчит где-то за углом. Или, вот, собака...

Серёга перестал скалиться, переглянувшись с посерьезневшим Вадимом. Тот слегка подался вперед.

— И давно это у тебя?

— Чутье? — девушка пожала плечами. — Сколько себя помню.

Подумав, она добавила.

— Бабка по матери была ведьмой. Может, от нее что-то передалось... Но вообще, как-то не приходилось задумываться. Есть и есть. У многих, наверное, так. Мне оно хорошо помогает в работе, и ладно.

— Кем ты работаешь? — после паузы, коротко спросил мутант.

Яна не увидела повода это скрывать.

— Судмедэкспертом, — так же коротко ответила она. И, по-видимому, решив, что стоило пояснить, добавила. — Отец мой служил в органах. Я папкина дочка.

— Ух ты! Надо же. Боевая девчонка.

В тоне Серёги впервые появились уважительные интонации. Мутант, однако, на необычную для женщины профессию не обратил внимания. Его прочно заинтересовало другое.

— Янка, ты вот что, подумай внимательно, и скажи, — он помедлил, по-видимому, подбирая слова. — Это твое чутье... После попадания сюда оно не обострялось? Как сама чувствуешь?

Серёга нахмурился, открывая рот, но Вадим чувствительно пихнул его в бок локтем.

Яна наморщила лоб.

— Н-не знаю, — действительно серьезно проанализировав внутренние процессы, проговорила она, наконец. — Пользуюсь им теперь постоянно, это да. Так ведь здесь и опасности гораздо больше.

Мужики переглянулись снова. Серёга поднял брови.

— Сенс?

Вадим передернул плечами.

— Может быть, сенс, а может и нет, — нетерпеливо бросил он. — Она здесь всего ничего. Мы сможем убедиться только опытным путем не раньше, чем через два-три месяца. И то нужно будет постоянно ходить из кластера в кластер, набивать опыт. Или кормить горохом — не реже, чем раз в три-четыре дня...

Девушка, которая прислушивалась к их словам еще внимательнее, чем они — к ее, сдвинула брови.

— Ребята... то, о чем вы только что говорили... это же напрямую касается меня?

Мутант кивнул. По-видимому, он еще прикидывал что-то про себя, оценивающе глядя на Яну. Воспользовавшись случаем, она перехватила его взгляд.

— Тогда насчет ничего кроме гороха... Я, конечно, съем все, чем угостите. Но сами потом не обрадуются.

Сергея хрюкнул. Вскочив, он спешно дохромал до костра и принялся переворачивать подгоравшего осетра, натирая его бока какой-то пахучей перечной приправой. Вадим, опомнившись, улыбнулся.

— Это не тот горох, Янка. Сейчас будет наша очередь рассказывать — сама все поймешь. А пока ты договаривай о своих приключениях.

... Вадим оказался прав. Уже спустя несколько минут после начала его лекции Яна все поняла. Хотя до самого конца надеялась, что где-то ступила, пропустив хотя бы намек на выход из той нереальной, чудовищной ловушки, в которую ее забросило недавно.

Во-первых, спасшие ее мужики не были никакими аборигенами. Их затащило сюда около семи лет назад, когда они с подругами отдыхали на дикой природе в окрестностях культурной столицы.

Во-вторых, летоисчисления как такового тут не существовало тоже. Это место пребывало вне всего — во всяком случае, вне обычного космоса, так как реальность этого мира не была поверхностью какой-то планеты в системе неизвестной человечеству звезды. Хотя, может быть, и была...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Внешники как-то сюда попадают. Ну, козл... хозяева тех дронов. Проникают в эту жопу, потом исчезают в неизвестном направлении. Мы думаем — они приходят из обычного, нормального космоса, и уходят туда же. И что мы могли бы тоже... Наши много раз пытались взять хотя бы одного внешника живьем. Для... как там у твоих ментов, говорится — дачи показаний? Но пока никак. Хитрые черти...

И тем не менее, отсчет времени тут велся — теми из местных обитателей, кто мог себе позволить заниматься чем-то помимо выживания. Братьям Котовским Вадиму и Сергею, и одной из сопровождавших их девчонок Наде повезло — очень повезло почти сразу же после прибытия в этот чудовищный недо-мир встретиться именно с такими.

— Здешнюю реальность называют Стиксом, — тем временем басовито вещал Вадим, время от времени прокашливаясь. — Но это для романтиков. Большинство местных зовут ее просто Улей. Почему Улей? Потому что она, реальность в смысле, не однородна. Состоит из множества кусков, типа кластеров... Знаешь, что такое кластер? Хорошо. Так вот, кому-то когда-то показалось, что упорядоченное нагромождение этих вот кусков похоже на соты в пчелином Ульяе. Видимо, оттуда и пошло — Улей, и Улей.

Яна слушала, время от времени кивая. Пока все, что ей говорили, вполне укладывалось в уже увиденную картину мира.

— Кластеры имеют самую разную форму, размер, содержание и степень стабильности. То, что тебе нужно знать о них в первую очередь — почти все кластеры обновляются. Раз в неделю, или в месяц, или даже раз в полгода, год. Но почти каждый из здешних кусков перезагружается, подгружая из нормальной реальности деревья, дома, машины, людей... И заставляя исчезать то, что в момент перезагрузки присутствует на нем.

Девушка останавливая подняла руку.

— Стой, подожди. Допустим... ну и бред же про эти куски... Но допустим, куски обновляются из одной и той же реальности? Значит, тот автобус, в котором я ехала... Он появляется в этом мире с периодичностью, предположим, в три месяца? Один и тот же? Вместе со всеми? Со мной? А в нормальном мире, на Земле я тоже остаюсь? Или как?

Серёга, который к этому времени вернулся на место, помотал головой.

— Нет, Снежок. Тут все сложнее. Реальность... та, к которой привыкли все мы — она не на одной только Земле. Это здесь выяснили уже давно. Существует бесконечное... или конечное, но очень большое число параллельных миров. Они практически идентичны. Обновления кластеров происходят из каждого мира — по очереди. Но из разных временных промежутков. Учитывая, что автобус был в движении — вероятность, что где-то здесь бродишь еще одна ты ничтожно мала. Вот если бы тебя «обновило» вместе с твоим домом...

— Я поняла, — угрюмо прервала Яна, забираясь под наброшенную на ее плечи куртку по самый нос. — Ну а на Земле... на моей Земле я осталась? И тот кусок степи?

Братья переглянулись. Вадим дернул плечом.

— Это никому не известно. Но мы думаем, что да. Из Земли же не вырываются целые куски почвы таких размеров. Все остается на месте. И люди, наверное, тоже. Так что вполне вероятно, что на твоей родной планете ты уже навестила тетку, и едешь сейчас обратно в город, на работу. И знать не знаешь про это вот все...

Он неопределенно обвел рукой окружающее пространство. Яна дернула губами, уставившись в огонь. Взгляд ее сделался отстраненным.

— Перезагрузка происходит на всех кластерах? — уточнила она после молчания. — Совсем на всех, без исключения? Получается, что здесь нет ничего стабильного? И нигде нельзя...

— Можно, — поспешил успокоить Серёга, краем глаза внимательно следивший за осетром. — Существуют еще стабы. Стабильные кластеры. Они не перегружаются. Все поселения, которые существуют в Улье, стоят именно на стабах.

Девушка, не глядя, кивнула. «Стаб» было знакомым словом, которое довелось услышать еще от работаровцев.

— Вы тоже пришли из такого поселения? И теперь возвращаетесь обратно?

Вадим угадал ее состояние — опять. Протянув свою страшную лапу, которая без перчатки была еще меньше похожа на человеческую руку, он осторожно и ободряюще приобнял Яну за плечо.

— Мы действительно пришли из стаба. Правильного стаба, — он на короткое время встретился взглядом с братом. — Сейчас возвращаемся туда и возьмем тебя с собой, если ты этого захочешь. Или доведем до ближайшего поселения, которое будет на нашем пути... Если передумаешь идти с нами.

Яна оторвала взгляд от костра.

— Почему бы мне передумать?

Вадим прищелкнул щекой.

— Есть некоторые причины, — после паузы, нехотя проговорил он. — Во-первых, наш стаб — достаточно далеко. До него даже по прямой пешком — несколько недель ходу. А во-вторых...

— У нас не совсем стаб, — пришел ему на помощь Серега, выжимая на осетра сок невесть откуда появившейся в его руке половины лимона. — Если коротко, наше... поселение находится в целой системе стабов на самом севере Пустыря. До того, как там обосновались наши... соотечественники, местные называли это дело Архипелагом. Что собой представляет Пустырь? Огромное множество нестабильных кластеров, которые подгружают или лес, или окультуренные поля, или, что характерно, склады с самой разнообразной всячиной, стоянки с техникой... причем, довольно редкой. Военные базы. То

есть, есть чем разжиться в самых неожиданных местах. Пришлые сталкеры забредают сезонно. Но местных практически нет, потому что стабильных кластеров нет. Мы живем в какой-то степени обособленнее, чем многие другие в Улье. Из близких соседей — только внешники. А они так себе соседи.

— Внешники охотятся за нами. По слухам, наши кровь и органы нужны им для того, чтобы гнать из них лекарства, косметику, наркоту... пёс знает, что еще. Конкретно к нам, правда, в последнее время почти не лезут. У нас есть чем их отвадить. Придем, увидишь сама. Но случиться может всякое...

Яна едва слышно хмыкнула.

— А какие они — внешники? — негромко уточнила она. — Какие-то гуманоиды? Не люди?

Вадим передернул плечами.

— Тех, с которыми мы имеем дело, на вид ничем не отличишь от людей. Хотя морды у них все время в масках. Но вряд ли под масками они какие-то особенные.

— Тогда зачем им конкретно наши органы? Потому что мы здесь — вне закона, и за наш отлов не нужно отвечать в рамках их уголовного кодекса?

Мутант усмехнулся и мотнул головой.

— Не совсем так, Янка. Улей — это огромная карантинная зона. Воздух здесь заражен... вроде как спорами. При попадании сюда мы все заражаемся ими. А потом как в лотерею. Или твой иммунитет может сопротивляться этой заразе. Или вот как эта девушка, которая была с тобой... Вика. Дело не в укусе. Через укус заразиться нельзя. Вы обе заболели, сразу. Просто она оказалась слабее.

— Зараза видоизменяет наши органы тоже, — снова вмешался Серега. Он снова занялся осетром, перекладывая поджаренную рыбу ближе к краю тлеющих углей. — Со временем, проведенным здесь, человек становится быстрее, выносливее, сильнее... У некоторых появляются паранормальные способности. Например, сенсы — они вроде тебя, чувствуют опасность на расстоянии. Потому Вадька пытался дознаться — не сенс ли ты. Но, как я уже сказал, споры изменяют нас. Не как зараженных, но меняют все равно. Чем дольше пробыл здесь человек, тем ценнее он для внешников. Не сам по себе, конечно. Требуха.

— Твари тоже развиваются... со временем?

Словно для придания веса ее словам, из-за деревьев, со стороны реки донесся чей-то приглушенный рев. Похоже, что рычащая жуть находилась очень далеко, за рекой и, может быть, приречным лесом. Едва ли она могла учуять устроившихся на острове людей.

Яна все равно ощутила себя не в своей тарелке. Братья, однако, ни тот, ни другой даже не повернули головы.

— Тварь становится тем сильнее, чем больше она жрет, — мутант еще раз ободряюще стиснул когтистые пальцы на Янином плече. — Мы вынуждены охотиться на них. От мелких до самых опасных. Те горошины, которые ты нашла в их пузырях — мы их добываем намеренно. Это местная валюта. В мелких тварях — самая мелкая, в крупных — самая дорогая.

— Из самых мелких делают наше лекарство, — счел необходимым дополнить Серёга. — Лекарство нужно глотать раз в два-три дня, иначе будешь болеть, пока не умрешь. Или не превратишься в зараженного. Ну, а средние и высшие штуки — для развития способностей. Или получения новых. Глотаешь и ждешь. Кому что надо...

Яна молчала. Мужики вывалили на нее слишком много информации, причем очевидно,

что услышанное ею было исключительно тезисами — самой вершиной айсберга. До этого разговора она примерно представляла, что попала не на курорт. Но этот мир оказался слишком пестрым и диким даже для ее подготовленного Голливудом и самой разнообразной читабельной фантастикой сознания.

— Дурдом, — еле слышно произнесла она наконец, с силой потирая ладонями лицо.

— Еще какой, — согласился Серёга. Он в который раз перевернул осетра с бока на бок, стремясь добиться равномерной степени пропекания рыбины со всех сторон.

— И все-таки я не поняла, — Яна, прокашлявшись, заговорила тверже. — Вап Архипелаг... в чем его отличие от других стабов? Кроме удаленности от... обитаемой зоны и близости неприятных соседей? Неприятные соседи, наверное, есть не только у вас?

Вадим кивнул.

— Все так, Янка. Но видишь, какое дело. Архипелаг... Вообще-то, ему давно уже дали другое название. РССС — Республиканский Союз Социалистических Стабов. И... мы конечно, не можем говорить за весь Улей. Но по нашим сведениям у нас — одно из крупнейших государственных объединений Стикса.

Девушка слабо улыбнулась.

— Как-то не думалось, что здесь вообще могут быть государственные объединения.

— Могут, — серьезно подтвердил Вадим, и продолжил. — Так вот, Янка, то место, откуда мы — не просто поселение. Это Государство. В обычном местном стабе тебе достаточно не зарываться и не нарушать общепринятых правил пребывания. Но если ты хочешь жить в государстве — нужно подчиняться его законам. То, что останавливает многих от желания поселиться на одном из наших стабов — необходимость работать на государство. Все время. В РССС ты не можешь работать на себя.

Яна нахмурилась.

— А подробнее?

— Всё, что добывается на кластерах — сдается под опись на общий склад. Никакой... личной выгоды. При необходимости переброски тебя на другие работы — тебя просто ставят перед фактом... конечно, с учетом твоих навыков и данных. И семейного положения. Все твои изобретения и наработки также принадлежат государству. Ты не сможешь уйти и унести их с собой в другой стаб. Частная собственность не распространяется на особо крупные объекты, вроде недвижимости, транспорта или производственных мощностей. Ну, и так далее...

— ... а власть принадлежит совету рабочих и солдатских депутатов?

— Нет, — ухмыльнулся Серёга, который занимался поспевавшим осетром, но все это время не забывал прислушиваться к разговору. — Власть принадлежит Бате.

— Комбату, — Вадим с некоторым сожалением убрал, по-видимому, основательно затекшую лапу с Яниного плеча. — Мы тебе главное забыли сказать, Янка. Тут, в Улье ходит легенда. Мол, попадая сюда человек должен оставить все, что было раньше, в другом мире. Кем был, как звали. Нужно, мол, отказаться от имени, взять наиболее подходящую тебе кличку. Ну, и ходить вместо крещенного имени с кличкой, как собака.

Серёга, не сдержавшись, хрюкнул опять.

— Представляешь, Снежок, они даже поверье выдумали — без клички не видать удачи.

Вадим угрюмо кивнул.

— Есть мнение — эта ерунда с именами приключилась оттого, что многие стабы держатся на власти урок... А те как раз любят давать друг другу клички. Оттуда все пошло.

Все бы ничего. Но придурки искренне в это верят. Мол, те, кто без кличек, могут навлечь беду на себя, и на других заодно. Поэтому для наших, кто вынужден покидать пределы территории и контактировать с другими обитателями Улья, выдумали позывные. Пользуемся ими, чтобы не раздражать народ в других стабах и не создавать конфликтных ситуаций. Например, Серёга у нас Балагур.

Яна улыбнулась — впервые за долгое время.

— Ни за что б, конечно, не догадалась.

— А Вадька — Хоробрый, — Серёга на несколько мгновений отвлекся от обхаживания рыбы, сверкнув зубами.

— Ну, а вождь, соответственно, — Комбат. В народе — Батя. Комбат руководит РССС с момента основания. Собственно, он его и основал.

Девушка потеряла ладони, а после — кисти рук.

— Я пока не вижу причин, которые помешали бы мне захотеть гражданства вашего... государства.

Все, что она узнала только что, по-прежнему давило на нее, мешая мысли и создавая необходимость все тщательно обдумать и принять. Никто не требовал от нее немедленных решений. Но если братья не лгали — а Яна была уверена, что они не лгут — то поселиться в густо населенном и защищенном месте, где соблюдались закон и порядок было гораздо привлекательнее сомнительного удовольствия работать на кого-то вроде Каракута на правах раба.

— То есть, ты решила идти с нами?

— Если не прогоните.

К ее удивлению недавние знакомые не проявили ожидаемого недовольства обузой. Наоборот, они видимо и абсолютно искренне обрадовались такому решению. На хмурой звероморде Вадима впервые появилась широкая улыбка.

— Тогда, блин, это ж надо отпраздновать!

Серёга уже снимал с углей пропекшегося до нужной кондиции осетра. Его брат без каких-либо особо заметных усилий передвинул один из более или менее плоских валунов ближе к костру. И спустя короткое время трое будущих сограждан одного далекого и пока еще мифического государства уже вовсю отмечали принятое Яной мегатяжелое решение. Ради такого случая из того же волшебного рюкзака, содержимое которого, по-видимому, на три четвертых состояло исключительно из съестного, была извлечена наполовину заполненная бутылка коньяка.

— Совсем из головы вон! — Серёга, ревниво отследив уровень волшебной жидкости, отмеренный братом его кружке, неожиданно поднял вверх указательный палец. — Мы все об ужасах, да об ужасах. А о ништяках-то так ничего и не сказали.

— А что, тут и ништяки есть? — не сразу расшифровав не вполне привычное для юга слово, искренне удивилась Яна.

— Как ты могла подумать, что нету? — завелся было бритый младший брат, но Вадим, махнув на него лапой, осторожно когтями поднял свою кружку.

— На уровне слухов. Но говорят. Чисто теоретически — если не подставляться всем здешним насильственным смертям, то... — он выдержал паузу, которая по степени актерского нагнетания больше приличествовала его брату. — Здесь можно жить вечно.

— Ага. Или очень долго.

Мутант согласно кивнул.

— Или очень долго. Так это или нет — сразу не проверишь. Но в известной нам части Улья нет ни одного старика. Те, кто попадает сюда даже очень древним, если удастся остаться в живых, со временем молодеют — до возраста тридцати пяти-сорока годов...

Остаток дня и ночь прошли спокойно. Несмотря на бодрость духа и вечную готовность к непрерывным хохмам по жизни, Серёга не чувствовал себя способным на все триста процентов назавтра двигаться дальше. А потому после короткого совещания решено было остаться на безопасном острове еще один день и по мере возможности запастись еще провизией — хотя бы мокрой, наскоро перетертой солью рыбой.

Зная, что назавтра рано не вставать, а ее сон будут стеречь два могучих разведчика, девушка впервые за последние дни позволила себе расслабиться сознательно. Уже знакомый ей спальник Вадима казался удобным и теплым, желудок — умеренно наполненным, а компания — вполне подходящей. На братьев можно было положиться. Яна чувствовала это подсознательно и, закрывая глаза, засыпала без задней мысли.

... Проснулась она резко, словно подброшенная пинком. На несколько мгновений ей почудилось, что вокруг еще плавают ошметки сна — сквозь густые пласты тумана не мог пробиться и свет полной луны, остановленный где-то на самом верху этого клубящегося безобразия. Мерзкая и плотная изморось размывала даже очертания братьев, которые на разные тональности похрапывали вдвоем под одним одеялом не далее, чем в шаге от Яны.

Стихийное бедствие приплыло сюда не иначе как с какого-нибудь вредного предприятия. Обоняние которое проснулось миг спустя, рефлекторно донесло острый запах какой-то кислоты. Яна поморщилась — кислотой смердело так сильно, что это начисто перебивало даже витавший над мужиками перегар.

Стараясь делать это тихо, так чтобы не разбудить соседей, девушка подтянулась и села. Ей требовалось какое-то время чтобы набираться мужества, выбраться из теплого мешка и совершить вылазку в холод по делам.

В следующее мгновение она замерла, до боли стискивая пальцы.

Знакомое предчувствие невнятной опасности обрушилось с силой хорошего цунами. Яна закусила губу. Заставив себя разжать судорожно вцепившиеся в ткань мешка руки, прислушалась. Просидев минуту-другую и так ничего и не услышав из-за плотного тумана и близкого храпа спящих, перегнулась и наощупь поймала чье-то твердое плечо.

— Эй! — вцепившись сильнее, она потеряла, если судить по размерам, то Вадима. В фильмах при этом еще зажимали рот, дабы будимый в минуту опасности нечаянно не заорал. Но Яна хорошо помнила о ширине мутантовой пасти и каким-то левым чутьем опасалась за сохранность пальцев. — Вадя, проснись! Слышишь? Вадя!

Ровное дыхание мутанта сбилось. Он несколько раз глубоко вздохнул. Яну уже чувствительнее обдало составляющими запах выпившего накануне человека.

— Чшто случ... БЛ...ДЬ!!!

Мутант подскочил так, что едва не пробил головой низкого каменного потолка берлоги. Девушка шарахнулась в сторону, от неожиданности больно прикусив язык. В темных клубах тумана мелькнула перекошенная звериная морда и Яне сдуру померещилось, будто внезапная побудка разъярила Вадима до временной потери человеческого разума. Однако, вместо того, чтобы кинуться на нее, он ухватил за плечи брата, и потрянул так, что у того едва не отлетела башка.

— Вставай! Быстро! Быстро!!!

Что-то скребнуло, и темноту берлоги осветило тусклым светом полусевшей лампочки.

Вадим, еще несколько секунд назад мирно спавший, а теперь похожий на заразившегося вирусом бешенства бритого йети, швырнул на колени Яны зажженный фонарь.

— Быстрее! Собирай барахло, греби его прямо в мешок! Быстрее, или все умрем! Серёга, чтоб тебя, подъем!

— Какого... что у вас...

— Глаза разуй! — мутант в несколько движений смотал одеяло. Выдернув из-под брата разложенный на двоих спальный мешок, он мгновенно вернул тому объемную форму и сунул одеяло вовнутрь. — Кисляк! Густой! Жахнет в любой момент!

В голосе могучего мутанта звучал такой неприкрытый страх, что Яна, которая ничего не понимала, но активно занималась тем, что выполняла последний отданный ей приказ, задвигалась еще живее.

В отличие от нее Серёга, похоже, все понял сразу. В скупом свете фонаря его заспанное лицо сделалось не менее диким. Вскочив и не тратя времени на одевание, так братья спали прямо в куртках, он принялся активно помогать суесящимся и мешающим друг другу другим сборщикам. Не дольше, чем за пять-семь минут большая часть обстановки каменной берлоги оказалась внутри двух спальных мешков, которые Вадим стремительно вынес наружу.

— Что делать? — Серёга, прихрамывая, выскочил следом, вытаскивая съестной рюкзак. За спиной у него болтались давешний братов АКМ и СГК, из-за которых его мотало и стороны в сторону. — Мы не успеем уйти через реку и потом пешком, даже если бросим все барахло!

— Успеем, — мутант на миг встретился взглядом с Яной, которая несла второй рюкзак и чехол с аппаратурой и коротко мотнул головой в сторону бревна. — Уплывем на этом.

— Вадька, ты спятил??

— Вы — сверху. Я буду держать, чтобы не перевернулось, и толкать. Давайте!

Бросив набитые спальные, он с усилием приподнял бревно и закинул на плечо.

— К реке! Живо!

Лишенные возможности спорить Серёга и Яна, ухватив каждый по брошенному спальнику, ломанулись следом. Марш-бросок давался каждому с большим трудом, частично из-за тумана, в котором сразу потерялся убежавший вперед мутант, частично из-за леса, движение в котором еще больше замедлилось, частично из-за того, что на носильщиках и так было навешано много всего.

К счастью, Вадим вернулся быстро — Яне показалось, что сердце не успело отбухать и двух десятков ударов. Из кислой темноты стремительно выпрыгнуло большое и размытое пятно, дохнуло перегаром и мгновенным движением вырвав из рук девушки мешок, другой лапицей ополовинило ночь Сергея.

— Левее держитесь. И аккуратнее — там спуск крутой, — пробасило пятно голосом Вадима и в движении едва не снесло одним из мешков подставившуюся Яну. — Да быстрее, чтоб вас! Шевелите ногами!

Бежать было недалеко, и спустя какое-то время под ногами знакомо зачавкало. Девушка закусила губу — вода по ночному времени казалась еще холоднее, чем раньше. Тем временем Вадим, забросив оба мешка на уложенное на песке бревно, столкнул его в воду.

— Забирайтесь. Да скорее вы!

Последнее он произнес почти умоляюще. Серёга, подавая пример, первым оседлал бревно. То попыталось провернуться, но лапа мутанта удержала, не давая брату и мешкам кувырнуться в воду. Яна, оскальзываясь, забралась сама, придерживая чехол с аппаратурой.

Вадим сунул в руки Серёги скинутые ботинки и вытолкнул дерево с отдели в открытую воду.

Течение реки действительно было сильным. Яна успела ощутить это на себе во время вынужденного купания. Теперь оно так же подхватило дерево и стремительно повлекло его вперед. Вадим, который в последнюю минуту все-таки решил не мокнуть в воде, влез на бревно вслед за братом и девушкой, благоразумно рассчитав, что балансируя сверху на плавсредстве он сумеет принести больше пользы, чем из воды.

Видимость вокруг по-прежнему оставалась плохой. Потерянная в клубках кислого тумана Яна не видела дальше полутора-двух метров, и если бы не направленность течения, не могла бы толком определиться, где какой берег лежит. Несмотря на стремительность, с которой их влекло вперед, девушке казалось, что бревно застыло посреди кислого зеленовато-молочного тумана. Поэтому, когда он, вдруг, разошелся, открывая вид на абсолютно чистую, темную реку, Яна несколько раз недоуменно моргнула прежде, чем поверила, что ей это не кажется.

Она обернулась. Полоса тумана, поглотившего остров, постепенно отдалялась. Большая часть странной мглы концентрировалась именно вокруг острова, хотя казалось, что она должна быть гораздо шире.

— Слава Богу — успели!

Вадим истово перекрестился, пробормотав что-то религиозно-благодарственное. Серега, который сидел первым, и старался особо не ворочаться, чтобы не раскачивать бревно, осторожно обернулся назад.

— Смотрите.

Медленно удалявшийся туман озарило внутренней вспышкой. Потом еще двумя, словно кто-то на острове внезапно решил произвести сварку.

— Что это?

— Перегрузка кластера, — пояснил Серега, потому что его брат продолжал негромкое бормотание, перемежаемое время от времени повторяемым крестным знаменем. — Ты смотри, как вовремя. Еще бы пару минут, и...

Он умолк, покачнувшись, и вынужденно схватился за края бревна рукой, другой придерживая братовы ботинки.

— Если бы мы остались там — стало бы три трупа. При перегрузке иммунные, которые не успевают убираться с кластера, или погибают, или тупеют до того, что начинают пускать слюни — пока не подохнут с голоду, или кто-то не сожрет, — Серега выровнялся, с трудом балансируя на бревне, которое продолжало влечь вперед стремительной рекой. — В нашем случае слюни бы не получились. Когда мы прибыли на остров, камни лежали по-другому. Это Вадя их расставил так, чтобы под ними можно было отдохнуть.

— То есть, после перегрузки мы оказались бы прямо под ними?

— Да, — окончив бормотание, вмешался Вадим, тоже осторожно опираясь обеими лапами в бревно. — Гарантированно могила.

Яна помолчала, взглядываясь в быстро проплывавшие мимо далекие темные берега.

— А как вы поняли, что должна быть перегрузка? Из-за вонючего тумана?

Бритый балагур осторожно переменил положение.

— Так ее и распознают.

— Хорошо, что ты проснулась, — Вадим глубоко вздохнул, обдавая плечи и затылок Яны несколько посвежевшим дыханием. — Опять твое чутье?

Девушка кивнула, поджимая босые ноги, которые по самые бедра обдавало темной ледяной водой.

— На этот раз точно. Я проснулась от страха. Мне еще спросонья показалось, что кто-то нашел нас на острове. Поэтому я решила тебя разбудить.

— Молодец, — серьезно похвалил Серёга, вытягивая шею и тоже стараясь охватить взглядом окрестности, которых толком в темноте было не разглядеть. — Значит, нам чудовищно повезло. У нас опять есть свой сенс...

— Это еще пока не известно. К тому же, даже если Янка действительно сенс, она может не согласиться на разведку. Будет работать с пограничниками, на Стене. Там безопаснее...

— Мужики, — Яна кусала губы, стараясь отвлечься от неистового желания стучать зубами. — Может, нам бы к берегу потихоньку подгрести? Бревно — это, конечно, хорошо. Но мы же перевернемся в любой момент.

Некоторое время царило молчание, перемежаемое только плеском воды и невнятным звуками с обоих берегов. По-видимому, предложение девушки обдумывали. Хотя, с ее точки зрения, обдумывать там было особо нечего.

— Понимаешь, в чем дело, Янка...

— Мы плывем в нужную сторону, — пришел брату на помощь Серега, которому удалось связать ботинки шнурками и перебросить их через какой-то сучок. — Километров через... двадцать, наверное, ну самое большее двадцать пять, если верить ориентировке, которую наши составили с воздуха, река впадает в озеро. Большое... как пол Байкала. На северо-западном берегу у самой воды должно быть поселение. Ну, как поселение... один из немногих кластеров на Пустыре, который обновляется с людьми...

— Там и притормозим, — закончил за него мутант, с чем-то возясь за спиной Яны. — Тебе нужно подобрать одежду. В первую очередь — обувь. По размеру. Своими ногами при том, что есть теперь, недалеко уйдешь. А нам еще топать и топать.

— Из озера выходит две реки, — информировал Серёга, которому явно не сиделось на широком мокром бревне без того, чтобы вставить свои пять копеек. — Но они обе уходят на запад. Нам в другую сторону. Поэтому потерпи немного, Снежок. Плыть не так долго, а после озера придется идти пешком.

— Кроме того, по темному времени лучше к берегу не приставать, — разумно довершил дискуссию Вадим, и Яна почувствовала, как ее плечи накрывает все та же гигантская куртка. — Серега говорит дело — просто немного потерпи.

Яна уже помнила, что означало «недалеко» в понимании Вадима, и поэтому ее не удивило «немного» растянувшееся на долгих несколько часов. Несмотря на покрывавшую плечи куртку, девушка до того замерзла и устала, что когда впереди, наконец, замаячила широкая гладь долгожданного озера, она не чувствовала одеревеневшего тела.

Похоже, что долгие несколько часов постоянного балансирования верхом на скользком бревне не прошли даром даже для более выносливых разведчиков. Робко зарождавшийся нежно-розовый рассвет окрашивал величественное озеро и таежный лес вокруг него в самые волшебные тона. Над ровной поверхностью воды поднималась легкая дымка, в которой тонули верхушки деревьев и высившихся за ними голубоватых вершин далеких гор.

Но, как часто бывает с такими зашибеновски красивыми, но чрезвычайно удаленными от ценителей местами, к тому времени, когда они до нее добрались, измученным людям было плевать на всю эту красоту. Несмотря на то, что теперь до поселка оставалось совсем «недалеко», мужики сами, без просьб давно молчавшей Яны, вытолкали бревно на мелководье, где оно благополучно и застряло среди прибрежных камней. Временный лагерь шустро развернули на потрясающе красивом каменистом берегу, в десятке метров от произраставших тут преимущественно хвойных деревьев. Мутант ненадолго сбегал в хвою и после серии характерных тресков ломавшегося дерева, обеспечил лагерь дровами, которых могло хватить для трех костров.

Запылавший огонь сумел вывести одеревеневшую от холода и усталости девушку из состояния тупого равнодушия. Несмотря на это, Яна не спешила выбраться из спальника, бездумно наблюдая, как мужики расформировывают по рюкзакам вытряхнутые вещи. Кончилось это тем, что Серёга, который от ее взгляда ощущал зуд между лопатками, нашел и перекинул ей знакомую бутылку.

— Глотни живчика, Снежок. Полегчает.

Поднявшееся из-за гор и холмов расплывчатое в утреннем мареве солнце хоть и светило, но пока не грело. Яна прищурилась на него и замерла, не донеся открытой бутылки до рта.

Далеко впереди на границе видимости от леса отделилось несколько человекообразных фигур. Перебираясь по камням, спотыкаясь и пошатываясь, но довольно шустро они заспешили в сторону разбитого лагеря.

— А, чтоб вас, уродов!

Вадим, только что осоловело лупавший покрасневшими глазами, резво вскочил. В его руках сам по себе оказался не замеченный ранее здоровенный удлиненный тесак.

— Как они нас заметили?? Мы ж почти не шумели!

Мутант нетерпеливо качнул головой, выдергивая из кучи то, что было теперь нужнее всего.

— Умеешь пользоваться?

Яна перехватив протянутый ей АКМ, проверила и передвинула предохранитель для стрельбы одиночными.

— Да, — опустив подробности, коротко ответила она. Вадим снова кивнул, не отрывая взгляда от приближавшихся человекообразных.

— Тогда страхуйте меня, оба, — так же коротко приказал он. — Но стрелять только в крайнем случае. Еще не хватало других приманить на звук.

Девушка не совсем поняла, что такое «страхуйте», но мутант тут же объяснил — визуально. Обогнув попавшийся под ноги рюкзак, он стремительно выдвинулся навстречу тварям.

Сергея плюхнулся пузом на камни, старательно умащивая свой СГК так, чтобы ничего не мешало ему целиться. После мгновенного раздумья, Яна последовала его примеру, опустившись на колени за особо крупным валуном, который удобным упором лег под цевье.

Приближавшихся человекообразных было четверо. На неопытный взгляд Яны, где-то трое из них выглядели похожими на тех, которые убили пассажиров автобуса. Стремительные, сильные и паршивые, они выглядели сильно видоизменившимися зомби из фильмов ужасов. На одном даже болтались драные красновато-серые тряпки, бывшие остатками рубашки.

А вот четвертый вызывал реальные опасения. Он казался выше и массивнее прочих, даже, пожалуй, выше Вадима. Длинные передние лапы заканчивались толстыми пальцами с массивными когтями, которые отлично просматривались даже с позиций лагеря. Раздута челюсть, полная длинных, крепких зубов, откровенно пугала Яну, которая не привыкла к созерцанию таких мерзких морд в реальной жизни. Монстр приближался быстро, но какой-то прыгающей походкой, точно не то сбил себе пятки при ходьбе, не то загнал занозы, и теперь не мог ступить на полную стопу. Хотя, уверенности его движений это не отменяло.

— Проклятье, — послышалось сбоку. Глядевшая через прицел автомата девушка крупно вздрогнула, резко вспомнив о существовании Серёги — до этого мига ее напряженное внимание было приковано к тварям и Вадиму, которые, прыгая по камням, почти добрались друг до друга. — Два спидера и лотерейщик — пёс бы с ними, но вот топтун... Блин, блин... Слишком много...

Он чем-то лязгнул, прицыкнув щекой.

— Приготовься стрелять, Снежок. Вадька, скорее всего, сам не справится. И это... смотри его самого не подстрели.

Совет не покоробил — уже одно то, что ей вообще поручили оружие, говорило о большой степени доверия спутников. Яна сосредоточенно взяла на прицел первого из бегущих монстров, машинально отмечая расстояние, оставшееся до Вадима...

Который внезапно исчез. Девушка моргнула, с силой зажмурившись и снова открыв глаза. Однако факт оставался фактом, здоровенный разведчик, не добегая до первого «спидера», словно растворился в воздухе, причем моментально.

Похоже, исчезновение Вадима не осталось персональным глюком одной только Яны. Несшиеся прямо на него монстры резко сбавили скорость, вынужденно притормаживая и недоуменно дергая уродливыми мордами в стороны, пытаясь заново поймать в поле зрения внезапно сгинувшую добычу. Одновременно они усиленно нюхали воздух, который, по видимому, продолжал уверять в том, что здоровенный кусок мяса никуда не делся, а пребывает где-то поблизости. И только самый большой, которого Серега назвал топтуном, не обратив особого внимания на смену ориентира, продолжал целеустремленно цокать здоровенными уродливыми лапами по камням. Только теперь каждый шаг приближал зверюгу не к Вадиму, а к убежищу его спутников.

— Стрелять? — одними губами уточнила Яна в сторону напарника, который продолжал возлежать на камнях, перекатывая во рту невесть откуда взявшуюся соломинку. Судя по показному спокойствию, он знал, куда делся Вадим, так как не заметить его исчезновения попросту не мог. — В большого?

Сергея, не отрываясь от прицела, едва заметно мотнул головой.

— Жди.

Ждать пришлось недолго — на глазах у застывших снайперов упорный топтун будто споткнулся. Нырнув глубже прежнего при следующем шаге, он задел лапой здоровенную глыбу — и вдруг рухнул ничком вперед, по инерции пропахав борозду среди камней. Короткий болезненный рев почти тут же оборвался булькающим клокотанием. Мигом позже мелькнувший уродливый черный нарост на его затылке как будто взорвался изнутри, забрызгивая все вокруг мерзкой жижей.

Объяснение пришло почти одновременно — из-за спины рухнувшего мутанта вновь нарисовался Вадим. Он не «соткался из воздуха» — теперь у Яны появилось смутное впечатление, что огромный разведчик никуда и не исчезал. Он словно прятался — а теперь перестал, снова возникая в поле зрения людей — и окружавших его тварей.

— Блин, зачем он начал с топтуна? Он же мог замочить сразу двух за раз! Блин!

Словно в подтверждение его досады, человекообразные с обновленно-тупым ожесточением бросились на добычу с трех сторон. Вадим попытался уйти за спину одному из них — матерому спидеру, прокручивая в руке тесак. На несколько мгновений он снова пропал из поля зрения, но теперь это далось ему видимо тяжелее. Должно быть, свою странную скрытную способность он мог применять то ли оставаясь в относительной неподвижности, то ли на очень короткое время. Во всяком случае, в этот раз Яна каким-то образом угадала направление его движения.

Похоже, что и монстры тоже.

Однако, сделать никто толком ничего не успел — ни люди, ни твари. Внезапно с той стороны, откуда набежали зараженные, раздался еще очень далекий, но уже знакомый чудовищный рев.

Такой же утробный звук девушка слышала во время памятного разговора с братьями. Только тогда они оставались в относительной безопасности на острове, а теперь...

— Элитник прется... — севшим голосом донеслось со стороны. — Все, засветились. Яна, на тебе правый. Блин, огонь!

Выстрелы грохнули одновременно. Неведомый и пока невидимый элитник почти сразу же отозвался на них новой порцией грозного раскатистого рева — на этот раз гораздо ближе. Из леса уже явственно доносился треск ломаемых деревьев — должно быть, тех, коим не повезло оказаться на пути у рычащего и сильно торопящегося монстра.

Воспользовавшись тем, что зараженные вокруг него отвлеклись на звуки выстрелов, Вадим рванул к себе ближайшую тварь — и в единый миг свернул ей шею. После залпа правый спидер, в которого Яна, одна за другой, всадила пять пуль, с перебитой лапой корчился на камнях, дергая верхними конечностями и башкой. Очевидно, что он уже не мог быстро и ловко передвигаться, но все еще оставался живее всех живых.

Лотерейщик, основательно пострелянный Серегой, светя мокрыми трясущимися кусками мяса в развороченном пузе и забрызгивая из него мокроты, продолжал кружить напротив заметно нервничавшего Вадима. Это выглядело так, будто остро ощущавший боль от повреждений монстр понял, что он уже обречен и теперь старался как можно дольше задержать своих не получившихся жертв, чтобы заставить их дожидаться появления ревушей твари. Которая, судя по звукам, вот-вот должна была выскочить из зарослей на каменистый пляж.

Сергея выстрелил еще раз — и промахнулся. Яна, которую заметно потряхивало от

напряжения и нервов, уже давно целилась в проклятого лотерейщика, но не стреляла, опасаясь попасть в Вадима. словно угадав ее колебания, напарник резко поднялся, закидывая оружие на плечо.

— Быстрее, Снежок. Забросим барахло обратно на лодку. Вадька справится сам. Нужно отплыть как можно дальше!

Словно в подтверждение его слов, упражнявшийся в стремительности с лотерейщиком разведчик-мутант снова исчез. Яна вскочила на ноги и, не тратя времени на лишние вопросы, подхватила один из собранных рюкзаков. Серега уже выталкивал из-за камней корягу, которой, похоже что на роду было написано спасти их жизни несколько раз за неполные сутки.

На то, чтобы заново загрузить «лодку» «барахлом» у них ушло меньше полминуты. Работавшая в темпе Яна старалась не оглядываться ни на вслепую кидавшегося по пляжу лотерейщика, ни на дальнюю часть берега, на которой с треском обваливались деревья, освобождая проход для чего-то разъяренного и очень большого...

— Толкай! Нужно постараться поймать течение!

— А как же...

Девушка не договорила. Ее мгновенно обдало волной горячего воздуха, в котором большей частью преобладали запах мужского пота и крови. Материализовавшийся рядом Вадим уперся в загруженное дерево ковшеобразными ладонями. Левое плечо и вся левая сторона его одежды были изодраны и висели клочьями. Клочья намokли от крови.

— Вы, оба, на бревно. Серый, капсулу.

Дождавшись, пока оба спутника оседлают дерево, Вадим толкнул его на глубину. Когда вода поднялась ему по грудь, поплыл. И, поднимая за собой брызги и пену, с видимой легкостью, как игрушку, продолжил выталкивать плавсредство дальше от берега, стремясь поймать сильное речное течение, которое принесло их сюда совсем недавно.

— Бросать?

Вадим на короткий миг обернулся и, отплеываясь, мотнул головой.

— Пусть... поближе. Ветер...

Договорить он не успел. Последние деревья с треском обвалились на камни, точно их из лесу вышибло тараном. Вслед за ними на берег выскочила такая жуткая тварь, что увидевшая ее Яна онемела от ужаса, впервые в жизни испугавшись едва не до икоты. Страх, что стремительно поднялся из самых глубин естества, на миг сковал мысли, и даже рефлекс...

Тем дичее показалось то, что на спине исполинской пластинчато-шипастой туши, которая состояла, казалось, из одного только немислимого панциря, клыков и когтей, восседал полуголый человек.

— Касулу!! Давай!!!

Серега, который, должно быть, был поражен не меньше Яны, вздрогнул. Опомнившись, он швырнул что-то через голову Вадима в сторону берега.

Дальше все происходило еще быстрее. Чудовищная тварь рванулась к тому месту, где еще догорал костер несостоявшегося лагеря. Булькнувшая «капсула» мгновенно ушла на дно — и вдруг выскочила обратно, расплевывая в стороны вонючую пену вперемешку с вонючим газом...

Девушка почувствовала, как в ее щиколотку вцепились когтистые пальцы. Другой рукой Вадим ухватился за ботинок брата.

— А теперь не двигайся, — свистящим шепотом предупредил Серега. Как и Яна, он вс

все глаза смотел, как чудовище огромными скачками приближается к месту, где они вошли в воду. — Замри и стараясь пореже дышать. Вадя сейчас нас прикроет. Главное — не шевелись!

В следующий миг Яна почувствовала головокружение. Ощущение было таким, словно кусок шелка летуче протягивали сквозь кольцо. Стараясь сидеть неподвижно и не дышать, она одними глазами смотрела на то, как чудовищная туша и ее наездник с брызгами влетают в воду и оказываются в стоявшем над ней вонючем облаке. И как «элитник» пятится назад, взревывая и мотая башкой...

Меж тем, бревно, наконец, зацепило одним краем вожделенное течение. Движение его стало более рваным и заметно ускорилося. Полулежащим сверху Яне и Сереге делалось все труднее удерживать дерево в одном положении, и еще сложнее — следить за тем, чтобы ни одна из нужных и важных вещей не шлепнулась в воду, выдавая их местоположение.

Постараться следовало, потому что судя по обеспокоенному поведению, монстр и его необычный всадник, все же потеряли их из виду. Должно быть, погонщик отвлекся всего на несколько мгновений, чтобы вывести тварь из вонючего облака, а когда поднял глаза, гладь озера уже была чиста. Потенциальные жертвы ускользнули.

Эти и другие домыслы еще проносились у Яны в голове, когда она увидела выходящих из леса еще двух тварей. Эти были гораздо меньше первой, но у каждой на спинах сидело по человеку. Припозднившиеся всадники подъехали к первому и принялись что-то активно обсуждать, махая руками то на убитых мелких монстров и разоренный лагерь, то в сторону озера, поглотившего добычу.

— Я... больше... не могу...

Головокружение прекратилось резко.

Лапа Вадима соскользнула с Яниной ноги, и теперь разведчик уже не удерживал дерево, а цеплялся за него, чтобы его не отнесло в сторону. Бревно довольно быстро подгоняло вперед течением, и монстры с их всадниками оставались далеко позади. Но после прекращения действия паранормальной маскировки, которую применял Вадим, беглецы снова нарисовались в поле зрения преследователей. И те не замедлили отреагировать на это приглушенными расстоянием криками и ревом.

— Капсулу, — задыхаясь, потребовал старший брат. Он пытался оглянуться через плечо, но, по-видимому, сильно ослабел — то ли от долгого применения «маскировки», то ли от потери крови. — Если полезут...

— Думаю, не полезут, — рискнул предположить Серёга, наблюдая, как группа из трех чудовищ и их немых наездников пытается преследовать их бревно по берегу. Удобный каменистый пляж кончился, и монстрам приходилось карабкаться по кручам. — Если не полезли сразу. Будут ждать, пока сами выберемся. Мы не сможем мокнуть тут вечно.

— Хорошо, что у них нет оружия, — пробормотала Яна, удерживая сверток с драгоценным оборудованием, прижатым к груди, а другой стараясь не упустить тяжелый автомат. — А то...

Словно в ответ на ее слова с далёкого берега прогремел выстрел. В ответ Серега вскинул руку, продемонстрировав неприличный жест.

— Все у них есть, — хмыкнул он на тревожный взгляд обернувшейся девушки. — Но слишком далеко для прицельной стрельбы. Хотя если бы оптика...

— Тогда... нужно... пересечь озеро.

Яна оценивающе прикинула расстояние и промолчала. Но не промолчал Серега.

— Тут... я даже на глаз не могу прикинуть, сколько тут плыть. А у нас же нечем грести.

С берега снова послышался рев. Повернув голову, Яна увидела самую первую страшную тварь. Она все-таки вскарабкалась на обрыв и теперь подрагивала на самом его краю. Огромные шипастые бока вздувались и опадали, словно исполинские кузнечные меха. Полуголый человек на спине монстра сидел неподвижно. Из-за большого расстояния между ними, девушка не могла рассмотреть его лица. Но отчего-то ей казалось — не различая глаз погонщика чудовищ, она все равно поймала его взгляд. Хозяин монстра смотрел прямо на нее, и взгляд его, ясное дело, не предвещал ничего хорошего.

Похоже, Вадим тоже каким-то образом поймал ощущение этого взгляда. Помогая себе руками, он перебрался по бревну в самый его «хвост», корректируя направление дрейфа.

— Не... упустите... снаряжение, — коротко предупредил он, отплевываясь от захлестывавшей его пасть воды. — Плыдем к... другому... берегу.

Уже вечерело, когда бревно с его экипажем разогнало ряску противоположного берега огромного озера. Под конец Вадиму, который много часов подряд боролся с сильным речным течением, стало так плохо, он едва нашел в себе силы продолжать цепляться за дерево. Младший брат и подросевшая Яна с трудом затащили тяжеленное тело разведчика на мокрую траву.

— Нельзя разводить костер прямо здесь, — Серега с усилием уложил один из рюкзаков рядом с братом и снова полез в воду за другим. — Эти черти могут выследить нас. Вадьку нужно оттащить дальше в лес.

Он бухнул второй рюкзак рядом с первым. В рюкзаке звякнуло. Оттягивая все норовившую задраться футболку, мокрая и холодная Яна присела рядом с Вадимом. Тот тяжело дышал, прижимая лапищу к разодранной груди.

— Дай посмотреть, — с нажимом предложила девушка, потирая окоченевшие руки. — Есть у вас аптечка?

Огромный разведчик покосился на нее. И, стиснув зубы, рывком изменил положение с лежачего на сидячее.

— Посмотришь... на привале, — морщась после каждого слова, просипел он. — И твоими ногами нужно... тоже заняться.

Яна переступила израненными ступнями по холодной траве. То, что она до сих пор не заболела, в ее понимании относилось к категории здешних чудес. В обычном мире купания в холодных реках помноженные на долгие марафоны босиком с голым задом давно бы привели в лучшем случае к переохлаждению.

— Снежок, ты понесешь мой рюкзак?

Страхнув мерзлое оцепенение, она кивнула.

— Если сможешь забросить его на спину.

Серега несильно хлопнул по плечу брата. Тот все еще сидел, зажимая рану и не решался сделать второй рывок, чтобы подняться на ноги.

— Давай, братишка. Если можешь встать, лучшена своих двоих, — младший разведчик помог Яне поднять и закрепить на спине рюкзак. — Я тебя, может, и доволок бы. Но подруга не вытянет на себе все наше снаряжение. Как только найдем подходящее место — устроим привал.

— Погоди, — Вадим с трудом дотянулся до своего рюкзака. И, вытащив что-то темное, перебросил брату. — Возьми. Ступни ей сейчас обмотай. Х... то знает, сколько... придется еще идти. Если охромееет еще и Янка — для нас всех... это будет почти... фатально.

Несмотря на здоровый Янин скептицизм против такой «обувки», Серега со своей миссией справился на ура. Обмотки, ради которых изодрали половину сменного гольфа Вадима, держались крепко, и идти сразу стало легче. Правда, пробираться сквозь таежный бурелом оказалось неудобно в принципе, как девушке, и ее спутникам, один из которых до сих пор сильно прихрамывал, а второй был сильно ранен и потерял много крови.

... Их мучения окончились так внезапно, что разведчикам и Яне потребовалось несколько мгновений, чтобы осознать — таежный лес оборвался. Перед ними на довольно обширное расстояние простиралась заросшая пышным южным разнотравьем и разноцветьем поляна. Шагах в сорока у края поляны виднелись две колеи проселочной дороги, которые

уводили к темневшему сильно вдалеке лесу — таежному или нет, с их места было не рассмотреть.

Вдоль дороги торчали столбы линий электропередачи. Один из них когда-то питал побитый временем и непогодой крепкий, но старый домишко, крытый зацветшим шифером. Вокруг дома, дополняя впечатление о некоем хуторе-единоличнике, тянулся характерный для юга «тын». Горшков на нем, правда, не сушилось, но лозы торчало с избытком. За «тыном» просматривался неухоженный заросший двор и стоявшая там «копейка».

— Кластер, судя по всему, небольшой, — Серега, который сгибался под двойной ношей снаряжения и опиравшегося на него старшего брата, шмыгнул носом. — Дальше вот, там, опять эти сосны-ели. А тут совсем другая природа. Тут всего-то километра два.

Яна в очередной раз одернула футболку.

— Это и есть то поселение, про которое вы говорили?

Серега коротко выдохнул.

— Н-не знаю... нет. По показаниям воздушной разведки, поселение... на другом берегу озера... ближе к северо-западу. Те, — он неопределенно мотнул головой назад, — небось, оттуда и пришли.

— Пойдем к дому?

— Пойдем, — Вадим, собравшись с силами, выпрямился, отпуская плечо брата. Утвердившись в более или менее вертикальном положении, он вытащил знакомый тесак. — Только осторожнее. Там тоже... может быть... опасно.

Яна без слов кивнула и, отвернувшись, двинулась следом за Серегой. Избавившись от якоря, тот уже успел обогнать ее и теперь шел впереди. Ступая за ним почти след в след, девушка старательно гнала от себя одну-единственную мысль — о том, что дом стоял на большом удалении от леса, и с какой стороны к нему ни подойди, незаметно это сделать не получится.

Если там кто-то затаился — их уже увидели.

Похоже, Серегу одолевали те же соображения. Поэтому, несмотря на предосторожности, возле забора они оказались быстро, и особо не таясь. Густо утыканный лозой «тын» обвалился в двух-трех местах. Это избавило от необходимости пользоваться покосившимися деревянными воротами, створки которых были к тому же перемотаны цепью и закрыты на ржавый замок.

Оказавшись во дворе, Серега покрутил головой. И замер, без нужды придерживая застывшую рядом с ним Яну.

Вадим, шатаясь, обогнул товарищей по команде. Придерживая разорванное плечо и для равновесия опираясь о землю тесаком, он присел над валявшимся у машины трупом собаки.

— Топором, — после паузы, негромко пробасил он. — Совсем недавно. Может, утром.

Все трое как по команде посмотрели в сторону дома.

— Думаешь, они еще там? Или ушли?

Старший разведчик пожал здоровым плечом и поморщился, поднимаясь.

— Проверим.

В доме, как после краткого осмотра смогли убедиться незваные гости, оказалось всего три подслеповатых окна, забитых какой-то дрянью изнутри. Сами окна были такого размера, что протиснуться в них не смог бы даже самый тощий вор. Запертая дверь тоже по высоте больше всего подошла разве что Яне. Вадиму, чтобы зайти внутрь, пришлось бы согнуться вдвое.

— Бабка тут, наверное, одинокая жила. Божий одуванчик, — предположил Серега после бесплодно нарезанных трех кругов вокруг дома. — Домишко совсем ветхий...

Старший разведчик хмыкнул.

— Что?

— Что — что? Пургу не гони. Если бабка — то разве что Яга. Бабка собаку топором забила?

Серега почесал затылок.

— И еще машина, — Яна мотнула головой в сторону «копейки». — Ухоженная.

— Точно, — на этот раз согласился Вадим, приваливаясь к беленой стене. — Если бабка — не автослесарь...

— ... то либо сын приехал, либо это дедка. Ладно, я лопух, признаю. Эй! — Серега бухнул в дверь, так как прятаться в их положении уже не имело никакого смысла. — Эй, есть там кто-нибудь? Люди!

Он умолк и все трое сосредоточенно прислушались. Однако, из домика не доносилось ни шороха. Если там кто-то и прятался, то он не торопился являть себя незванным гостям.

— Правильно, — прокомментировал Серега. — Я бы тоже ныкался. Особенно, если бы узрел в окно твою харю, братик.

Он примерился — и ударил в дверь ногой. Хлипкое дерево треснуло, перекосившись вместе с сорванной петлей. Похоже, оно и не собиралось чинить отпор.

А вот оказавшийся прямо за дверью шкаф — собирался.

— Блин... ну точно там кто-то сидит. Забаррикадировались, — Серега присел, попытавшись заглянуть в темный провал над покосившейся дверью. — Перезагрузились недавно, не позже позавчера. Пес его знает, что уже успели здесь увидеть. Небошь, мы помимся, а они сейчас от страха только что кирпичи не кладут. Эй! Хозяева! Пустите, чтоб вас! Не съедим!

Он еще раз нагнулся, сияясь разглядеть внутренности дома.

— Не верят.

— А ты бы поверил? — Вадим с трудом, кончиками когтей, открутил крышку у бутылки и сделал три больших глотка «лекарства». Постояв с прикрытыми глазами, коротко выдохнул, и сунул бутылку в полураскрытый Янин рюкзак. — Отойди, я сам.

Он напрягся, упершись ногами в землю. И с усилием, с пыхтением и скрипом медленно отодвинул шкаф и то, что было за ним, вовнутрь дома.

Включив примотанный к стволу фонарь, Серега, а за ним Вадим скользнули в образовавшийся проем. Оставшаяся снаружи Яна прислушалась. Секунд десять изнутри не слышалось ничего, даже шагов разведчиков. Потом что-то еле слышно скрипнуло или прошелестело — и вслед за этим раздался чей-то дикий, истеричный вскрик.

— ... твою мать, дядя! — что-то с силой грохнуло и покатилося по полу с дребезжанием и звоном. Одновременно с этим хрипло гаркнул Вадим и Серега, судя по тону, едва не двинулся от испуга. — Разве можно на человека вот так — с топором??

... Дядю звали Павел Егорыч, и он действительно «перезагрузился» где-то двумя днями ранее. Точнее он указать не мог, так как примерно сутки до того мучился похмельем. В целом же история его попадания оказалась обыденной — как, в общем, у большинства жертв здешнего мира.

Отпахав от звонка до звонка положенный срок на своем заводе, слесарь-наладчик

Егорыч вышел на пенсию три года назад. Не имея чем себя занять в освободившееся время, он повадился приезжать в ранее ненужный и заброшенный глухой дачный домик в компании одной только овчарки Найды. Здесь Егорыч отдыхал от извечного визга внуков, донимавших его в квартире. И, никому не чиня неудобств, потихоньку спивался под традиционное невмешательство прочих родственников.

Последняя поездка выдалась странной. Еще на подъездах к «имению» погода начала заметно портиться. В поднявшейся густой кисловатой мгле посверкивало, будто из тумана сдуревшая природа решила сегодня сотворить грозу. Егорыча, впрочем, это хоть и злило, но особо не беспокоило. Уверенно отыскав в тумане свой дом, он выгрузился и выпустил собаку. И, не теряя времени даром, приложился к бутылке.

Первый сюрприз после пробуждения преподнес нужник, который много лет стоял в дальнем конце заброшенного участка, а вот теперь куда-то исчез. Раньше за ним такого не водилось, но Егорыч не стал давать серьезной оценки этому дезертирству. По пьяни место дислокации сортира он мог попросту перепутать. Убедив себя таким образом, Егорыч пристроился прямо за домом. Где в самом разгаре процесса его нашла овчарка Найда.

Найда заделалась неприятным утренним сюрпризом номер два. Добрейшая и тишайшая сука, разменявшая второй десяток и до сих пор в эксцессах не замеченная, как будто наакалась того же пойла, что и хозяин. Подволакивая лапы и странно уркая, она напала на Егорыча сзади и схватила его за самое безопасное для повреждений, но вполне чувствительное место. Все попытки мгновенно протрезвевшего и озверевшего Егорыча ни к чему не привели — Найда кидалась снова и снова, норовя вцепиться во что-нибудь. Под конец перетрухнувший хозяин вынужден был расправиться с некогда верным другом, после чего, залив задницу зеленкой, тщательно умыться и ломануться обратно в райцентр — за прививками от бешенства.

Сюрпризом номер три оказалось то, чего ранее похмельный Егорыч не замечал. А именно — никакой дороги в райцентр больше не существовало. Она обрывалась в полутора километрах от дома, упираясь в таежный лес. Лес этот произрастал и вокруг участка начинающего алкоголика, отсекая собой и привычные лиственные рощи, и соседей, дома которых хоть и в отдалении, но всегда хорошо просматривались с участка.

Последнее уже точно не могло мерещиться. Прежде, чем сесть за руль, Егорыч тщательно привел себя в порядок, по максимуму изгнав последние следы похмелья. Стаж его алкоголизма тоже не был настолько запущен, чтобы списать все на белочку. Поэтому, вернувшись к единственно оставшемуся ему островку стабильности — дому, Егорыч загнал машину обратно во двор и отправился в пешую разведку.

Разведка петляла недолго и привела его к огромному озеру, которого в окрестностях дачи никогда не было в помине. Некоторое время ошеломленный Егорыч стоял на берегу, лупая глазами. Потом догадался направить захваченный с собой армейский бинокль на далекий противоположный берег — там, где ему вроде бы как померещилось движение.

Егорыч не помнил, как он оказался снова в доме, как сдвигал хлипкую дачную мебель, баррикадируя двери и окна. Страшные бесовские хари каких-то огромных безобразных чудовищ с чертями у них на спинах все еще стояли перед его глазами, наполняя сцепленное ужасом сознание одной-единственной мыслью — допился. Допился, сдох и лежит-воняет в своей берлоге, в то время как душа его угодила в самое что ни есть пекло, с самыми настоящими чертями. Черти, должно быть, прочесывали окрестности и искали Егорыча изо всех сил. И все-таки нашли. Когда дверь в его дом рухнула и в проеме показалась уродливая

харя первого беса, обреченный дачник сделал единственное, что ему оставалось — схватился за топор...

... Шкаф вернули на место, для верности подперев его еще сундуком. Окно закупорили наглухо — во избежание малейшего просачивания света. Еще до принятия всех этих предосторожностей Серега отнес труп собаки подальше в лес — чтобы не привлекала ничьего голодного внимания. Четверо людей собрались в самой дальней комнате старой дачи. В этой же комнате заделали лежбища, так как кровать у Егорыча имелась только одна, и на нее почти сразу пришлось уложить Вадима. Яна на правах какого-никакого врача сама промыла его раны и сделала перевязки. Из-за долгого пребывания в воде переохладившийся разведчик потерял много крови. Поэтому ему пришлось принять горизонтальное положение, и ночлег спутники устраивали сами. Впрочем, устраивать особо было нечего.

Две свечи и керосиновая лампа давали вполне достаточно света, даже сотворяя атмосферу некоего уюта. На четырех сдвинутых табуретках, застеленных желтыми газетами, разложили нехитрую снедь, которую Егорыч взял под закуску. К счастью, на дачу собирался он надолго, и еды теперь хватало всем. Тем более, что несостоявшийся алкоголик сам почти не ел, полностью предоставив хлеб, лук, сало и консервы гостям. Егорыч все еще пребывал под впечатлением от услышанного — и увиденного. К тому же, несмотря на принятое «лекарство», ему по-прежнему нездоровилось. И только осознание того, что он теперь не один, удерживало неудачливого дачника от подспудного желания снова забиться в чулан в обнимку с топором.

Несмотря на дикую усталость Яна, напротив, чувствовала себя не в пример лучше. Ей повезло — покойная супруга Егорыча имела похожие габариты, и ее вещи как раз и хранились в том самом сундуке, который теперь подпирал шкаф у двери. Облачившись в пахнущие затхлостью, но вполне удобные и годные дачные штаны, и свитер, и обувшись, девушка вновь почувствовала себя человеком. Настолько, что глядя на Егорыча, даже поймала себя на том, что ей жалко этого зеленого попаданца, растерянного и напуганного. То ли дело она — уже без малого местная старожилка...

— ... мутанты, значит, — продолжая разговор, угрюмо подытожил Егорыч, грея в руках чашку с остывшим чаем. Когда стемнело так, что нельзя было издали увидеть дым, Серега рискнул и разжег-таки печку. В домике сразу стало теплее, и вследствие уютнее. Продрогшие за день разведчики и их дама поспешили влить в себя не меньше, чем по пять чашек сладкого чая, кайфуя от самой возможности прогреть организмы снаружи и изнутри. — А ты, значит, тоже мутант?

Вадим здоровой рукой поставил свою чашку на газеты и взял еще один бутерброд с салом.

— Я не такой, как они, — обсмотрев бутерброд со всех сторон, он надкусил с краю и, на миг задумавшись, отправил пищу в пасть целиком. — Это другое.

— Как так — другое?

— Да ты не волнуйся, дядь Паш, — Серега правильно разгадал суть вопроса. — Вадьке уже четыре года такой. Он больше не принимает — а значит, мутация прогрессировать не будет. Да и даже если б принимал... Вероятность потери квазами мозгов — далеко не сто процентов. Это и случается уже после того, как они на людей перестают быть похожи. А Вадька почти человек... если особо не присматриваться. Правильно говорю, Снежок?

Яна нахмурилась.

— Ты сказал, «не принимает»? — игнорируя последний вопрос, уточнила она. — Вадя

не сам такой стал? Он... что-то для этого принимал?

— Не сам, — старший разведчик спокойно выдержал ее взгляд. — Мне пришлось это сделать.

Он запнулся, подыскивая слова.

— Некоторым из... гостей Улей дает сверхъестественные способности, которые называют Даром. Хотя наш протоиерей Леонид считает это дело искусами бесовскими, и я с ним согласен. Дар — искушение. Получаешь. А потом хочется сделать его больше, сильнее. Еще, и еще. Ну, а как же. С ним-то удобнее. Вот только плата...

Вадим помолчал. Другие молчали тоже, ожидая продолжения.

— Не у всех Дар — что-то ценное. Кто-то получает способность языком до носа доставать. А кто-то вот, как ты, Янка, чувствует опасность... Или читает чужие эмоции... Помнишь ту бабу, у работарговца, про которую ты рассказывала? Мы с Серегой покумекали — ментант она. Развитые ментанты прощупают с ходу — охнуть не успеешь.

Он помолчал еще.

— Я умею отводить глаза. В смысле — прятаться, причем, сразу от всех. Раньше мог только на пару секунд, да и то — замерши стоймя, как суслик. А теперь прикрываю до четырех человек в движении. Сильно поднагужусь — до шести, хотя ненадолго. В зависимости от массы. Тут, в Улье, очень многое завязано на массу. Моя способность — одна из самых редких. Для разведотрядов такие как я — на вес золота.

Вадим дотянулся до чашки и отпил несколько глотков.

— Развить Дар можно несколькими способами, — продолжил он уже на правах лекции, так как половина из присутствующих этой информацией не владела. — Самый простой — просто жить. Особенно помогают частые перемещения из кластера в кластер. Со временем, если... одаренный не умирает, его Дар получает развитие. Но это медленный способ. Его можно ускорить, если принимать вовнутрь горошины. Я вам говорил, их добывают из мешков среднеразвитых зараженных. И последний способ, который буквально взрывает Дар — это жемчуг.

— Жемчуг?

— Такие круглые штуки, — Серега согнул пальцы, демонстрируя размер. — Добывают из самых опасных тварей.

— Принятие жемчуга вовнутрь многократно увеличивает силу Дара. Иногда даже добавляет новую способность. Вдобавок к старой. Но...

— Вызывает мутации?

Серега кашлянул.

— Видишь ли, Снежок. Жемчуг бывает разный. Чистый — белый жемчуг, добывают только из скребберов. Их, этих уродов не так просто найти, и еще сложнее — убить. Наши охотятся за ними только с вертолетов. Иначе это получается тупой расход боезапаса и человеческого ресурса... Да и техника не всегда остается целой после такой охоты. Вертолеты тоже... может случиться всякое. Точнее не расскажу — я разведчик, а не охотник. В общем, промысел белого жемчуга — дело сложное и энергозатратное. С не всегда стопроцентным результатом.

Яна подняла брови, глядя себе в колени.

— Я так полагаю, есть и другой жемчуг? — негромко проронила она. — Не такой чистый?

Младший брат кивнул.

— Соображаешь. Есть еще красный и черный. Эти имеют почти тот же эффект... Что касается развития Дара. Но, в отличие от белого, вылезит побочка.

Девушка опять покосилась на Вадима и снова поймала его взгляд.

— Правильно смотришь. Я сам виноват, что изменился до кваза, — спокойно пробасил тот, отставляя чашку и осторожно укладывая руку рядом с собой. — Хотя квазы — это те же люди. С сохранением сознания, без споровых мешков. Зараженные видят в нас добычу. Люди мы. Не сомневайся.

Яна кивнула. Дядя Паша шумно вздохнул, и без желания отпил из своей кружки.

— А этот ваш... другой жемчуг — его добывают как? Из тех вон... — не договорив, он неопределенно дернул головой.

Его опять поняли.

— Да, из самых больших и страшных, — обрадовал Серега. — Из элиты. Таких мы... в смысле, наши из РССС, тоже стараются бить только сверху. Пешком на них охотятся редко, и в основном это не охота, а самооборона. Элитники — не такие умные, как скребберы, и не такие живучие. Добыча такого жемчуга получается не в пример богаче.

Он кашлянул.

— Насколько я знаю, наши давно изучают возможность выделения из цветного жемчуга составляющей, которая отвечает за развитие Дара. С тем, чтобы кормить ею перспективных носителей, типа Вадьки, но без последствий. Но, вроде бы, пока никак.

Дядя Паша поиграл желваками, тиская кружку. Мысли его, похоже, бродили вокруг одного и того же.

— Так что ж... — он помолчал, приглаживая редующие волосы. — Таких вон уродов, каких я видел... Их только с вертолета? Иначе никак?

Братья переглянулись. Серега полез во внутренний карман и, покопавшись, вытащил два темных кругляша размером чуть больше горошины. В свете двух свечей кругляши едва заметно отливали мутным перламутром.

— Это... они и есть?

— Ага. Это из того элитника, которого проворонил наш сенс, — разведчик передал одну черную жемчужину Яне, другую — Павлу Егорычу. — Можно их убивать без вертолета, можно. Вадька тесаком такому черепашку вскрыл. Считайте, голыми руками.

— Вот это да.

Егорыч поспешил вернуть жемчужину хозяину. Яна, напротив, обозревала свою с интересом, чувствуя, как черный кругляш ощутимо греет ладонь.

— Успел использовать Дар, — нехотя пояснил Вадим. Морщась, он пытался сменить положение тела под одеялом так, чтобы не потревожить перевязку. — Элитник меня не заметил. Размазал сенса по земле, и погнался за Серегой. Повезло, что там были деревья, иначе бы догнал. Я прыгнул ему на спину сзади. Вспорол мешок. Но нам очень повезло... что не весь отряд погиб. Обычно так не бывает.

— Значит, все-таки можно без вертолета, — Егорыч сделал еще глоток и вытер усы. — Обнадеживает...

Он бросил взгляд на Яну и, по-видимому, присутствие девушки удержало его от того, чтобы высказаться привычно и сообразно ситуации.

— Слышите, ребят, — Егорыч, помедлив, тоже поставил кружку и ткнул заскорузлым пожелтевшим пальцем куда-то назад. — А вон те... я ж в бинокль видал. Они ж, уроды эти, не сами по себе были. Кто это там на них катался, а? Так че — тоже можно? Оседлать такую

вот... образину? А?

Яна, наконец, оторвалась от созерцания жемчужины и нехотя вернула ее Сереге. Вопрос старого слесаря заинтересовал. До сих пор у нее не было ни времени, ни возможности поговорить с разведчиками об этом.

Однако, любопытство так и осталось не удовлетворенным.

— А вот этого мы не знаем, дядя, — разочаровал Серега, тщательно упаковывая оба бесценных кругляша обратно во внутренний карман, поближе к телу. — Никогда не было, чтоб этих вот оседлать было можно. Сами в первый раз видим такое.

— Это место — рассадник для вырождения, — Вадим пророкотал негромко, но на несколько мгновений его нечеловеческая морда приняла жесткое, даже свирепое выражение. — Секты, касты, феодализм, работорговля... Есть те, которые остаются людьми, но едут крышей, коллективно. Атомиты, оберы, прочие содомиты... Есть просто скоты, типа муров — те хватают всех, кто не может себя защитить, и продают на органы внешникам. Эти всадники могут быть кем угодно.

— На килдингов они похожи, — Серега растер освободившиеся руки и подышал на них, хотя в этом не было нужды. Печка делала свое дело, и в домике Егорыча оставалось достаточно тепло.

— Точно, — старший брат кивком головы подтвердил это предположение. — Я все вспоминал, кого они мне напоминают.

— Но не совсем, — Серега почесал затылок и обратился к широкой аудитории. — Килдинги — это еще один подтип местных уродов. Наши с ними всего раз пересекались, но давно. Они к нам не лезут, да и тогда, видимо, чисто случайно на нас набрели. Их положили, до единого, и больше в нашей части здешней географии про них не слышали. Народу мало, а тот, что есть, даже с ордой элиты не возьмешь — что им на Пустыре-то делать?

— Так что, они, эти... килдинги, на монстрах катаются?

Серега пожал плечами.

— Раньше, вроде, за ними не водилось. А там — кто их знает? Они, типа, с Улеем общаются. Наладили какой-то канал, и общаются. Вроде как он им свои секреты раскрывает. Может, раскрыл, как зараженных усмирять?

Яна повела головой.

— Серьезно? С Улем можно общаться?

— Можно. Если грибов нажраться, можно общаться с чем угодно, — Вадим подтянулся выше, закидывая руку за голову. — Эти... уроды, килдинги, приносят человеческие жертвы. Улью. Все заливают кровью, хуже ацтеков. Живьем им в руки лучше не попадаться, — он дернул щекой. — Но они ли встретили нас там, на берегу... Пес их знает. Может, да. Может и нет.

— А может, это очередная неизвестная энциклопедистам нечисть, раскрывшая секрет ментальной связи с тварями, — Серега для убедительности кивнул, вытянув губы. — А че? Здесь бесполезно удивляться хоть чему-нибудь.

— Ну, ладно, товарищи, — Егорыч хлопнул себя по коленям, встряхиваясь. — Словоблудие — это хорошо. Сегодня вечером, пока темно и все плохие, будем надеяться, спят. А завтра как? Чего завтра-то делать?

Вадим неслышно хмыкнул.

— Уходить. Без вариантов. Эти, скорее всего, нас ищут. Зараженных в большую воду даже ментальными приказами не загонишь. Но вокруг они обойти-то могут. Со стороны

реки.

— Стало быть, меня с собой берете?

В тоне Егорыча, внешне безразличном, чувствовалось немалое напряжение. Он явно не был уверен на сто процентов, что стрескавшие его еду страшные гости в благодарность возьмут на себя заботы по спасению его шкуры

Вадим усмехнулся.

— Рюкзак у тебя есть, отец? Или хотя бы сумка?

Слесарь на миг задумался и кивнул.

— Найдется.

— Тогда завтра, прямо как рассветет — собирайся. И в темпе. Лучше, как говорится, перебдеть.

В отличие от предыдущей, эта ночь прошла спокойно. Точнее измотанная Яна сказать бы не могла, так как спала как сурок. Только на рассвете, ощутив необходимость срочно решить вопрос с выпитыми накануне пятью большими чашками чая, она сумела заставить себя проснуться.

Никого из мужиков, даже дяди Паши, в обозримой близости не обнаружилось. Зато баррикада у двери была разобрана, а сама дверь — открыта. В проем виднелся голубовато-серый угол неба и темневший под ним лес.

Потягивая стонущие конечности, связки, жиры и углеводы, Яна выбралась из выставшего дома. В еще полутемном дворе нашелся Серега. Младший брат колдовал над тремя рюкзаками, которые были прислонены к стене. Два из них Яна помнила, и еще один, по-видимому, вытащил из закров Егорыч.

Сам Егорыч копался в машине, собирая какую-то мелочь в отдельный пакет. Его темно-серый силуэт напоминал о себе только шорохами из салона и торчащими наружу ногами в резиновых сапогах. Вадима нигде видно не было.

— А, проснулась. Ты как? Соплей нету? После вчерашнего?

Яна покрутила носом.

— Да нет, вроде. Не больше обычного, — она обернулась, еще раз обзрев нехитрый двор. — А где...

— Ушел на озеро с час назад, — Серега прикрепил к одной из петель сковороду, которой раньше будто бы не было в их хозяйстве. — Постарается провести съемку по максимуму прежде, чем двинемся дальше... Слушай, помоги, а? Мы решили взять одеяла тебе и Егорычу. Принеси их, пока я доупакуюсь.

Яна повиновалась, не споря. По дороге она только задержалась над сундуком, выбирая сменный комплект одежды. По возвращении обнаружила возле рюкзаков еще и большую походную сумку, которую можно было носить через плечо. Сумка была уже наполовину набита — в основном тряпками.

— Ты понесешь, — выделив слово «ты», решил Серега. — Жаль, у Егорыча нашелся только один рюкзак. С сумкой не так удобно, но мы постараемся не сильно грузить. Еще на тебе одеяло и автомат. Справишься?

— Справлюсь, — Яна присела, докладывая одежду к прочему барахлу.

Это была не бравада. Последние несколько дней пошли ей на пользу. Несмотря на стресс и чувство здоровой усталости, девушка ощущала себя легче и крепче — почти так, как в розовой юности, когда она еще занималась спортом, и пребывала в святой уверенности, что молодость — навсегда, а все болячки проистекают исключительно из человеческой лени.

Впрочем, судя по всему, дело заключалось не только в свежем воздухе, редкой кормежке и постоянных физических нагрузках. Яна чувствовала, что было что-то еще, что наполняло тело непривычными здоровьем и силой. Возможно, нечто, что витало в самом воздухе этого мира.

— Слушай, Серый, а почему Вадька ушел сейчас? Нам же действительно лучше поскорее свалить. Не самое же подходящее время?

Серега поскреб небритый подбородок. Тем временем топая сапогами, подошел Егорыч

и положил перед ними пакет.

— Вот, всё, что нашел в аптечке и по дому. Больше нет ничего.

Он переступил с ноги на ногу.

— Слышь, ребята... а это... бух... спиртное брать будем? Или как?

Переглянувшись, Серега и Яна синхронно задрали головы, окидывая Егорыча оценивающими взглядами. Потом разведчик поднялся и взвесил сумку на руке.

— А сколько у тебя есть, дядь Паша?

Начинающий алкоголик возвел очи горе, что-то пересчитал про себя на пальцах и махнул рукой. Серега его понял.

— В любом случае — берем не больше двух бутылок. Больше — тяжело и незачем.

Егорыч не стал спорить. Очевидно, он, как и Яна побаивался, что за неповиновение его запросто выпустят на кислород. А что ждало на кислороде без опытных попутчиков старый слесарь видел сам.

— Дядь Паша, — Серега снова присел, и с помощью девушки принялся туго сворачивать одеяла. — Я тебе говорить ничего не буду. Ты сам все понимаешь, не маленький. Да?

Слесарь хмыкнул.

— Я не конченный алкаш, паря.

Больше он ничего не сказал, и ушел внутрь дома. Серега прищипнул щекой.

— Будем надеяться. На крайняк — Вадя вправит мозги по дороге. Он алкашей не переносит на дух.

Яна философски подняла брови, затягивая узел. Куда больше Егорыча ее беспокоил сейчас бродивший со своей камерой по берегу озера Вадим.

— Так вот насчет того, про что ты спрашивала.

Серега придержал одеяло.

— Мы с Вадькой разведчики, но всегда ходили в составе разных отрядов, — он завернул петлю и потер начавший обрастать затылок. — Это наш первый поход собственной группой. Получить разрешение было нелегко. Для нас обоих это много значит. Но особенно для Вадима, так как он — за главного. От этого похода зависит, оставят нам право ходить своей бригадой или снова разбросают по чужим.

— Вон оно как.

— Да, — разведчик кивнул и уселся прямо на лежащее на траве одеяло. — Ты знаешь — с самого начала дело не заладилось. Вышли неполной группой по гиблому маршруту. На трети намеченного пути потеряли сенса. Приняли решение возвращаться. И все как-то не везет. То элитники, то кисляк... то вон твари эти — на тварях...

— То толстухи, которых надо таскать с собой, — подсказала Яна, по примеру собеседника усаживаясь напротив на втором одеяле.

Серега, усмехнувшись, сплюнул далеко в сторону.

— Ты это брось, Снежок. Наоборот, встреча с тобой — крутая удача. Особенно если ты действительно сенс.

Яна, как ей показалось, поняла завуалированный намек.

— Все, что от меня зависит, я сделаю, — она потерла ладони, плотнее запахиваясь в куртку. — Да что там — вы же меня спасли. Если бы Вадька тогда не взял с собой, замерзла бы через час... ну два самое большее.

Разведчик махнул рукой.

— Брось. С чего бы он вдруг тебя с собой не взял?

Девушка, помедлив, дернула плечами.

— Мало ли чего. Не каждый бы взял на его месте. Спасать таких как я красивых обычно нет резона. Максимум посоветовали бы жопу подкачать сначала. Или вообще пойти убиться о первого же монстра...

— Брось, — с нажимом повторил Серега, упираясь ладонями в колени. — Не говори ерунды. И не суди обо всех мужиках по кучке пидарасов. Те ж за жопами людей не видят.

Против воли Яна усмехнулась. Разведчик улыбнулся в ответ, без нужды трогая стоявший рядом SGK.

— Когда я тебя увидел, у меня сразу возникло чувство, будто давно тебя знаю. Ты как будто всегда с нами ходила. Да, блин, Снежок, ты не тупишь, не капризничаешь, и рот открываешь только когда надо. Не впадаешь в истерику от вида зараженных, тебя спасать не нужно — ты сама кого угодно спасешь. С тобой без опасений можно ходить в разведку. Еще знаешь, с какого конца братья за автомат. И не только — ты ж не из одного АКМа умеешь стрелять?

— Умеешь — это громко сказано, — девушка пожала плечами, хотя слушать комплименты было, конечно, приятно. — По роду профессии мне нужно знать, как производятся выстрелы из хотя бы самых распространенных видов огнестрельного оружия. Особенно когда приходится иметь дело с... Ну, неважно, — она потерла ладони, потом — озябший нос. — Спасибо, Сереж. За... поддержку. Я... постараюсь оправдать... Короче. Если вам нужен новый сенс в отряд, я...

— Ты погоди, не торопись обещать, — младший разведчик еще раз ободряюще улыбнулся и поерзал на своем одеяле, сплющивая его до более удобной формы. — Во-первых...

Внезапно он умолк и обернулся в сторону близкого леса, прислушиваясь. Яна прислушалась тоже.

— Что? — через какое-то время рискнула спросить она.

Напряженный Серега чуть заметно расслабил лицо.

— Ничего. Наверное, показалось. Так вот, неизвестно, продлят ли нам лицензию с такими успехами. Именно поэтому Вадька сейчас жопу рвет, стараясь выполнить разведку по всем пунктам инструкции, включая максимально возможную панорамную съемку вдоль линии маршрута. Сегодня вечером, если, даст Бог, будем живы, засядет писать дневник отчетов, увидишь. А во-вторых...

Он снова обернулся к лесу.

— А, во-вторых, придем домой, будет видно, — медленно проговорил он. — Может быть, ты хорошо устроишься где-нибудь на Архипелаге, и...

Низкий рокот, который все-таки не послышался им обоим в первый раз, вновь разнесся над лесом. Где-то вдалеке что-то щелкнуло, будто затрещало.

Из дома показался встревоженный Егорыч. В руках у него была рамка, с до половины вынутой из нее семейной фотографией.

— Слышали? Что за рев?

Серега медленно поднялся.

— Слышь, дядь Паш, — не отвечая на последний вопрос и не отрывая взгляда от леса, из которого так и не вернулся Вадим, уточнил он. — А что там дальше, за полем? Ты ж там был? На машине, когда пытался вернуться в город?

В лесу треснуло еще раз. Яну укололо ощущением острой тревоги.

— Там... опасность. Оттуда.

— Да знаю, Снежок. Сам догадался, — Серега нетерпеливо обернулся к Егорычу. — Ну?

— Да километра полтора-два, а дальше лес один. Машина и полсотни метров не пройдет. Лес!

— Я понял. Но ты все равно на всякий случай готовься рвануть к зарослям на машине. Она у тебя как? Заведется?

Егорыч вытащил фото и отбросил рамку.

— Машина не подведет, — он сложил фото, пряча в карман. — Так что, может, пока барахло в нее...

Ответить ему никто не успел.

Точно посередине между домом и лесом возник Вадим. Это получилось у него так внезапно, что видевшие момент появления Яна и Егорыч невольно вздрогнули. Дорога была им видна очень хорошо, и оба могли поклясться, что мигом раньше на ней никого не было.

Но старший разведчик не просто решил пошутить над товарищами, применив свою нечеловеческую способность. Огромный и грозный кваз бежал что было сил, задыхаясь и хрипя. В одной руке он удерживал покрытый чем-то красно-черным тесак, другой прижимал к груди сумку с драгоценным оборудованием.

— Уходим! Они здесь! Уходим!

Над лесом снова пронесся рокот — уже отчетливее. Треск, который раздавался то тут, то там, уже определенно ясно выдавал передвижение в зарослях чего-то большого. Впрочем, чего именно, и так было понятно.

Из леса показался первый зараженный — не такой страшный, как ломавшее деревья чудовище, но уже заматеревший. И, ускоряясь, рванул по прямой вслед за Вадимом. Мигом позже его тело дернуло, и почти сразу же — еще раз. Второй выстрел сбил бегуна с ног, заставив прокатиться по земле. Но будто на подмогу к нему из кустов выскочили еще двое.

— Дядь Паша! Заводи!

Окрик Сереги заставил старого слесаря опомниться. Егорыч ломанулся к машине. Старая «копейка» действительно не подвела — ее двигатель взревел с полуоборота. Словно в ответ на этот рев из леса раздался уже совсем отчетливый рокот гигантского монстра.

Младший разведчик хлопнул по плечу тщательно целившуюся по тварям Яну. От неожиданности та дернулась, и пуля ушла в молоко.

— Рюкзаки — в машину. Живо!

Дождавшись, пока спутники окажутся внутри салона вместе с вещами, Егорыч резко сдал назад, в лучших традициях боевиков снеся собственные ворота вместе с замком. Подбежавший Вадим подпрыгнул и почти рухнул на машину сверху, вцепившись в закрепленный на крыше багажник — все равно внутрь машины ему было бы не втиснуться даже будь у него больше времени на попытки.

— Ходу!

Егорыч не заставил себя долго упрашивать. Машина рванулась вперед, сразу оставляя далеко позади брошенный дом и подбежавших к нему мелких монстров. Высунувшись из окна, Серега выстрелил по ним еще раз — и вроде бы попал. Мир южного степного разнотравья проносился по обеим сторонам от машины, все больше увеличивая разрыв, отделявший их от тварей.

Но и успевшая надоесть тайга приближалась с той же скоростью. Оглядываясь назад,

Яна со страхом думала, что будет, когда закончился дорога, и из машины нужно будет выходить.

Словно в ответ на ее мысли, из лесу возле брошенного дома выскочило уже знакомое чудище. Оглядевшись, оно с пугающей быстротой ломанулось вслед за транспортом. Из проломленной прогалины выбралось несколько монстров поменьше из группы сопровождения и бросилось следом за вожаком. Вопли полудиких всадников тонули в их нетерпеливо-победном реве.

— Етить их! Ночью нужно было уходить!

Дорога кончилась. Егорыч срулил на целину, и погнал машину по опушке, немислимым образом ухитряясь разъезжаться с то тут, то там выраставшими на пути деревьями. Пассажиров мотало по салону, а Вадима на крыше они не потеряли, судя по всему, только чудом. Так как когда «копейка», наконец, остановилась, старший разведчик все-таки не удержался и, перелетев через капот, приземлился в кустах.

— Вадька!

Сереха, ломая заросли, кое-как открыл дверцу, выбираясь наружу вместе с рюкзаком. Яна выскочила следом, и принялась выволакивать вещи вместе с подключившимся к этому делу Егорычем. К тому времени, как они справились, Вадим был уже на ногах. Очевидно бегство вкупе с падением сильно потревожили его перевязку, так как кровь на плече проступала даже сквозь толстую вату его куртки. Не обращая на это внимания, кваз шагнул к грудке рюкзаков и здоровой рукой выхватил самый тяжелый.

— Что стоишь? Капсулу! Кидай!

Яна порывисто обернулась. Обогнав всю мелочь, ревущее чудовище несло на них со скоростью взбесившегося локомотива. Сереха швырнул уже знакомую капсулу, и та почти сразу зафырчала, как дымовая граната, расплевывая в разные стороны вонючую жидкость пополам с бело-желтым дымом.

Девушку рвануло за плечо. Обернувшись, она увидела перекошенное лицо Серехи, по-видимому, вернувшегося за ней, так как Вадим и Егорыч уже успели убежать вперед, под защиту разлапистых елей. Вместе они, обдираясь об иглы и стараясь огибать кустарники, добрались до какой-то выемки за вывороченным корнем, которая была заполнена древесным мусором вперемешку с произраставшими здесь громадными папоротниками.

— Давай туда!

Нырнув под папоротники и едва не выбив себе глаз о торчавший здесь замаскированный сук, Яна по примеру прочих плюхнулась на живот и замерла, затаившись среди колыхавшихся ветвей. Рюкзак ощутимо придавил сверху, но пошевелиться девушка боялась. Тем более, что крепкая рука Серехи стиснула плечо, прижимая ее к земле.

— Тихо! Замрите. Я нас прикрою. Тихо, кому сказал!

Яна почувствовала знакомое головокружение. Должно быть, у яростно шипевшего Вадима слова не расходились с делом и не дожидаясь окончания возни, он «активировал» свой Дар.

В теплом доме Егорыча, когда опасность и чудовища были где-то далеко, имелась возможность порассуждать о целесообразности поступка Вадима, который променял человеческий облик на развитие нечеловеческой способности. Однако теперь, находясь всего в нескольких десятках метров от уродливой, кошмарной смерти, страшно было подумать, что могло случиться, если бы не их аномальная маскировка, которую он получил в обмен на эту жертву.

Меж тем, пока ничего особого не происходило. Судя по отсутствию монстров, за ними на удивление никто не гнался. И хотя дым скрыл от прячущихся беглецов то, что творилось за деревьями, но топот тяжелых лап огромного чудовища и дробный перестук шагов тех, кто был помельче, слышались довольно отчетливо, хотя и неблизко. Судя по всему, преследователи так и не пересекли опушку, предпочитая оставаться на месте и не входить в лес.

— Какого..? — не выдержал Серега, когда по внутренним ощущениям Яны прошло уже минут двадцать. — Почему они торчат там, а нас не ищут?

Капсула уже давно прекратила фыркать и плевать, однако дым от нее все еще оставался в стоячем воздухе леса. В его разрывах за стволами деревьев мелькали туши монстров, которые, судя по виду, бродили вдоль линии «южного» степного кластера, не пересекая его границы. Из-за деревьев толком не проглядывалось, были ли твари оседланы, или всадники им просто померещились. Но судя по их почти разумному и непонятному поведению — действиями зараженных руководила явно не звериная воля.

Головокружение прекратилось. Яна моргнула, прогоняя морок. Однако, шевелиться по-прежнему не решилась, только скашивая глаза. В зелени папоротников фигуры разведчиков просматривались с трудом, а Егорыча не угадывалось вовсе. Зато шепот их был более или менее разбираем.

— ... схожу, проверю, в чем там дело. Если они не собираются подходить, нам тут тоже делать нечего.

— А если это уловка? Может быть, среди них сенс. Он нас чует, но не знает где мы. Ждет, пока откроемся...

— ... и не пускает свое зверье вынюхать нас носами?

— А может быть, пока зараженные под контролем, они теряют инстинкты. И нападают только если цель видят их хозяева?

— А может, харе уже нащупывать у журавля вымя? Ты тут собрался лежать до ночи?

Серега хмыкнул.

— Нужно будет — полежу.

— Ну, ты-то полежишь. Но ты тут не один.

— Янка тоже полежит. Правильно я говорю, Снежок?

Ответить девушка не успела, да в ее ответе и не было особой нужды. Папоротник едва заметно шевельнулся — а в следующий миг в яме стало гораздо свободнее. По-видимому, уставший от споров Вадим выскользнул наружу, ухитрившись не задеть ни одной ветки, и мгновенно пропал из виду. Причем насчет последнего Яна не могла бы с уверенностью сказать, задействовал он свой Дар, или просто ловко воспользовался окружающей их буйной растительностью.

Серега прищелкнул. Девушка почти физически ощутила исходившие от него досаду и тревогу. Однако потянувшееся было мучительное ожидание длилось сравнительно недолго. Не прошло и пяти минут, как Вадим вернулся. Материализовавшись прямо перед глазами опешивших спутников, он осторожно съехал обратно в яму. Вид старшего разведчика был озабоченным и хмурым.

— Они действительно там торчат, — отвечая на невысказанные вопросы, медленно и негромко проговорил он. — Всадников трое, одеты как дикари, морды краской какой-то размалеваны... У одного ружье, еще у двух заметил копья. И, вроде, все...

Он помолчал, продевая руки в ремни своего рюкзака.

— Сюда ни одна сволочь не суется. И вот это странно. Ладно, большой, ему в буреломе делать нечего. Но, во-первых, здесь относительно свободно. Протиснуться можно. Во-вторых, мелочи там хватает. Три бегуна — наверное, поселок, в который мы так и не попали, перезагрузился недавно. Бегуны куда угодно пролезут. А не идут. Как будто...

Он помолчал снова.

— Мне показалось... Если бы речь шла не о зверье, я бы сказал, что они как будто чего-то боятся.

Серегга, внимавший брату с хмурым видом, не выдержал.

— Вадя, ну чушь-то не пори. Чего можно бояться, имея при себе целую стаю зараженных, во главе с элитой?

Старший разведчик бросил на него тяжелый взгляд.

— Я сказал — показалось, — он встретился глазами уже с Яной и досадливо дернул щекой. — Ладно, подъем. Медленно отходим в лес. И — под ноги смотрите, чтоб нигде не хрустнуло. Понятно? Все, пошли.

Несмотря на то, что звуки, которые издавали монстры и их топот стихли уже после нескольких десятков шагов вглубь леса, прошло не меньше получаса прежде, чем разведчики разрешили остановиться для того, чтобы перераспределить груз. В спешке у Яны оказался тяжелый рюкзак, который предназначался Сереге, а крепкий с виду Егорыч внезапно сдал в самом начале марафона, сгибаясь под своей долей поклажи. Он то и дело приостанавливался, опираясь на древесные стволы, и тяжело дышал. «Лекарство» прибавляло ему сил, но до конца помочь не могло. А больше давать разведчики опасались, так как для новичков в больших дозах «живчик» превращался в яд.

— Да ты чего, дядь Паш? — не выдержал Серега, когда слесарь в очередной раз обнял оказавшуюся рядом сосну и почти повис на ней, свистя впалой грудью. Егорыч только рукой махнул. Он был занят — жадно дышал. На его лбу выступили капли крупного пота.

Яна, которая шла второй в цепи, вернулась и, после беглого осмотра, пожала плечами в ответ на вопрошающие взгляды братьев.

— Так сразу не поймешь. Симптомы стандартные, от сердца до...

— Да перестрашился я просто, ребята. Хари эти... Опять же водка, мать ее... У меня всегда так после... выходных. Оттого остаюсь на даче. Дома не отлежишься — из-за малых никакого покоя.

Вадим покрутил головой. Лес, который их окружал, буреломом как таковым не являлся, но и до поляны ему было явно далеко.

— Ладно, — хмуро решил он. — Погони нет. Можно сбавить темп. Будет пригодное место — отдохнем.

— По-хорошему, сейчас бы найти берлогу и в ней залечь дня на три-четыре, — предложил Серега. Слышно его было плохо, так как младший разведчик вышагивал впереди группы и говорил негромко. — Раны зализать, еды добыть. И потом уже с новыми силами дальше.

— А мы не потеряем время?

Вадим хмыкнул.

— Время у нас есть. По времени мы еще должны быть на маршруте в ту сторону.

— Разведка — дело не быстрое, Снежок, — Серега нагнулся, вытаскивая откуда-то из-под разлапистых листьев большой белый гриб. — Тем более, в условиях Улья. Долгие стоянки чтобы зализать раны и пополнить припасы — обычная практика.

Он кивнул в сторону тяжело топавшего брата.

— Посмотри на Вадьку. Конечно, кваз и на ногах, груженный, придет в себя через пару дней. Но даже тут, на Пустыре, где тварей мало, может потребоваться его помощь не через пару дней, а в любой момент. Лучше отдохнуть. Только место хорошее найти. А то здешний лес... Мне как-то не нравится.

Яна согласно промолчала. Лес ей не нравился тоже. За все время, пока они пробирались между колючих елей, кустарника и огибали разновеликие стволы, она не услышала ни одной птицы. Не говоря уже о прочих обитателях обширного лесного кластера. От этой странной, нелесной тишины, на душе становилось гнетуще неуютно. Хотя несла ли эта странная тишина опасность, девушка толком сказать бы не могла. Из-за вполне объяснимой тревожности можно было себе надумать что угодно. Тем более, что невидимое из-за

деревьев солнце, которое уже вошло, но по-прежнему не баловало особо ярким светом, с рассвета затянуло тучами. А потому под самими деревьями царил стремноватый полумрак, что тоже не способствовало ободрению настроения.

— Слышь, ребята, — после сбавления темпа Егорыч немного ожил. Опираясь на подобранные где-то палки, как на лыжные, он по-видимому, почувствовал себя лучше, чем в начале марафона. — Я вчера не спросил... как-то не о том думалось. Вы ж разведчики. А чего вы разведываете? Или не положено говорить?

Сергея пожал плечами.

— Отчего не положено? Секрета тут нет. Мы же не военные разведчики, а промышленники. Промышленная разведка подразумевает четыре цели. Во-первых, поиск удобных и безопасных путей через Улей, как пеших, так и для транспорта. По возможности, с составлением хотя бы приблизительной карты. Ну, и панорамной съемки проделанного маршрута. Или особо интересных мест, которые встретишь.

— Зачем — съемки? — вырвалось у Яны. — Кластеры же перезагружаются. Все время.

— Перезагружаются, — отрывисто согласился идущий позади Вадим. — Но на одно и то же. Общее представление фотографии дают.

— Ну да. Там, откуда мы пришли, — девушка не сразу поняла, что Сергей говорил не о стабе. — Тоже делают съемку... например, для гугл-карт. Но мир-то после этого все равно меняется. А панорамы карт остаются старыми.

Яна кивнула.

— Я поняла. А остальные цели разведки?

— Остальные... — младший брат нагнулся и сорвал еще гриб. Потом, без перехода — еще два. — Во-вторых, разведчики ищут новые стабы. Если находим населенные — прощупываем почву на предмет взаимовыгодного сотрудничества. Или собираем информацию о числе предполагаемого противника. И ресурсах, которыми он располагает... конечно, если население найденного стаба сможет представлять опасность для нас.

— Вроде тех уродов на м... монстрах?

— Да, дядь Паш. Кстати, получается, что не зря ходили. Обнаружили новую угрозу. Правда, достаточно далеко от нашей территории. По-хорошему, надо было проследить за ними, узнать, где живут и их точное число. Но Вадя ранен, а без него не сунешься — сожрут.

Сергея приостановился, вытаскивая из бокового кармана рюкзака пакет, после чего ссыпал туда все найденные грибы.

— Цель номер три — поиск ресурсов, — продолжил он пару секунд спустя. — Пустырь — интересный феномен Улья. Непосвященным кажется, что здесь ничего толком нет. Только бесконечные массивы природы. Но местные знают о его особом свойстве.

Он подобрал палку, по-видимому, приняв решение заняться всеми окрестными грибами всерьез.

— Здесь все подгружается... как бы так сказать... Похожими группами кластеров. Подобное к подобному. Лес к лесу. Подгрузилась одна лесная ячейка — и вокруг нее скопление таких же. Подгрузились горы — и получите какой-нибудь непроходимый гималаекавказ. А подгрузился склад с одеждой или консервами, или созревшее каким-нибудь культурным овощем колхозное поле...

Егорыч догадливо прицокнул языком.

— А! И вот тебе море жратвы?

— Ну, море — не море, но «урожай» случается хороший. И периодически, как по часам.

Народу у нас живет много, кормить нужно каждый день. Такие вот хлебные места здорово выручают наше скудное производство.

Он, на ходу, смахнул «голову» сочному мухомору. Яна недоверчиво хмыкнула.

— Вы говорите, до стаба... то есть, Архипелага, несколько недель ходу. Если мы сейчас набредем на какой-нибудь очередной склад, ваши люди все равно не смогут отсюда ничего удобно забрать.

Сергея, по возможности шурудевший под всеми листьями и прочим мусором, бросил на нее быстрый взгляд и уклончиво улыбнулся.

— На вертолетах — смогут.

Девушка не смогла сдержать удивления.

— У вас есть большие вертолеты? Транспортники?

— У нас много чего есть. Придем — сама увидишь, — младший разведчик подмигнул и снова занялся грибами, которые на этом участке пути словно нарочно лезли из-под каждого листа.

— Ты болтай, но на дорогу поглядывай, — Вадим, чем-то недовольный, попытался разглядеть в небе солнце, пользуясь просветом среди крон. — Когда в последний раз компас доставал?

Егорыч, который редко вклинивался с вопросам, удивленно вскинул косматые брови.

— А чего, ребят, компас тут работает?

— Работает, отец.

— Но не всегда хорошо, — взяв палку под мышку, Сергей действительно вытащил компас. И, даже приостановившись, дождался, чтобы с ним поравнялась сначала Яна, потом остальные. — На, сам смотри. очередной участок везения на наши головы.

Стрелка компаса, как ее иногда показывали в фильмах про аномальщину, крутилась, как шизанутый вентилятор. Вадим поморщился.

— Тьфу. Опять, небось, сплошной железняк под ногами. Да не переживай, братишка. Ты ж знаешь — я направление держу. Когда хоть раз приходилось изображать Сусанина?

— Все бывает в первый раз.

Сергей ухмыльнулся.

— Вадька, не нагнетай. Лучше смотри по сторонам. Это всех касается. Вдруг высмотрите цель номер четыре.

— Что именно?

— Что угодно интересное. Аномальное. Все, что может прояснить механизм работы этого... Улья.

— Ага. Или больше запутать.

Старший брат бросил на младшего тяжелый взгляд.

— Или так. Действительно, смотрите по сторонам. И... давайте осторожнее. Мне не нравится здесь.

— Мне тоже.

Это вырвалось у Яны случайно. Поймав на себе встревоженные взгляды, она поморщилась.

— Не знаю. Честно. Тут... как будто что-то есть. Что-то нехорошее.

И, заметив разом посерьезневшие лица мужиков, поспешила добавить.

— Но я могу ошибаться. Seriously... Тут такое место. Всякое можно надумать. В любом случае, даже если тут что-то есть — то не рядом. Мы его как будто не интересуем.

Несколько мгновений огромный кваз пытливо вглядывался в ее лицо. Потом, видимо, сообразив, что больше от Яны ничего не добиться, неслышно вздохнул.

— Новый расклад. Теперь разговоры — только по необходимости. И не шумим. Не знаю, что такое чувствует наша сенс. Но может быть, это «что-то» нас не игнорирует, а просто еще пока не заметило.

Еще около часа шли в молчании. Приказ Вадима выполнялся неукоснительно, но после признания девушки желание разговаривать у всех, даже Сереги, само собой сошло на нет. Хотя в целом ничего особо страшного вокруг не происходило. Если не считать аномальной тишины и огромного количества грибов, через которые уже приходилось переступать, чтоб не поскользнуться, лес оставался спокойным и постепенно редел.

Спустя еще какое-то время редкие деревья стали заметно тоньше, а под ногами время от времени начали проступать лужи. Несмотря на хмурое небо, сделалось гораздо светлее. Заросли расступились, но против ожиданий, явили за собой не болото, а опушку, представленную огромной каменистой проплешиной. Проплешина кое-где имела нагромождения из валунов, вроде тех, под которыми разведчики прятались на острове.

За камнями вновь начиналась деревья, которые постепенно укреплялись и тянулись ввысь. Далеко впереди они окончательно переходили в полноценный лес.

И, что самое ценное — между валунов тек неширокий и неглубокий, но абсолютно экологически чистый на вид ручей.

— Мужики, — не выдержал Егорыч, опираясь на обе свои палки и тяжело отдуваясь. — Может, того... перекур? Чесслово, устал, как собака...

— Я тоже, — поддержала Яна, протирая пальцем внутреннюю сторону ремня автомата, который сполз на девичью шею и успел оставить там длинный красный рубец. — И... в туалет хочу.

— А тебе бы куртку отстирать, братишка. Перевязку сменить. Да и закусить бы не мешало. Еще ж не завтракали, а время уже к обеду.

Вадим выслушал каждого и досадливо потер переносицу.

— Уговариваете, будто я уже успел все запретить. Согласен — отдых нужен. И перевязку сменить. Давайте вон к тем камням. За ними нас не будет видно — если не высовываться.

К указанной гряде рванули гуськом и не мешкая. Располагавшиеся неровным полукругом камни действительно могли прикрыть от чужого взгляда, и тем более оказались хороши тем, что ручей делал здесь изгиб всего в нескольких шагах.

— Стоянка — час, — Вадим, едва не выпустив ремень рюкзака, опустил тяжелую поклажу на камень. Присев возле ручья, он зачерпнул огромными ладонями воду и с наслаждением умылся. — Янка, перемотаешь бинты?

Девушка, которая тоже успела сбросить сумку и одеяло, поправила на плече автомат.

— Да, — поморщившись, пообещала она и тут же объяснила значение своей гримасы. — Только сбегаю ненадолго в кусты. Ну... очень надо.

— Проводить?

— Нет, — закусив губу, Яна перепрыгнула ручей, наострившись в сторону грибного леса. — Сама управлюсь.

Вадим кивнул, выпрямляясь и придерживая плечо рукой.

— Осторожнее там, — только и сказал он.

Освободившись от поклажи, Яна почувствовала себя легкой, как перышко. Это впечатление не портил даже АКМ, уже привычно оттягивавший плечо. Она снова быстр

пересекла открытое пространство, которое отделяло валуны от леса. И углубилась в заросли немного в стороне от того места, откуда они вышли, так как эта сторона показалась ей более привлекательной для исполнения цели назначения.

Сделав все дела, девушка еще немного задержалась у найденного малинника. Она смутно помнила по учебникам и кино о том, что в таком месте можно запросто нарваться на хозяина тайги. Однако, лес по-прежнему пребывал в безмолвии, безо всякого видимого присутствия птиц на деревьях или медведей под кустами. А потому ничего не помешало ей некоторое время посвятить колючим веткам с висевшими на них большими красно-бордовыми пупырчатыми ягодами...

Знакомое чувство полыхнуло внутри черно-багровой вспышкой так внезапно, что на миг у Яны перехватило дыхание. Она поперхнулась, не донеся очередной горсти малины до рта. Мигом позже, взяв себя в руки и стараясь не обращать внимания на дикий, иррациональный страх, девушка перехватила автомат. И медленно приподнялась из кустов, вытягивая шею.

Вокруг оставалось тихо. Что бы ни вызвало ее острую тревогу, источник находился не здесь.

Не рядом с ней.

Яна стремглав, насколько позволяли порядком гудевшие от долгого марш-броска короткие ноги, выскочила из колючих зарослей. И, посекудно озираясь, выбралась из леса.

Перед ней снова открылась пустошь с текущим между валунами ручьем. У уже знакомого нагромождения мини-скал, как и пятнадцать минут назад, валялись их рюкзаки. Рядом на большом камне сидел Вадим и, насколько можно было разглядеть, что-то быстро писал в большой, толстой тетради, прижимая ее к животу.

Тут как будто тоже все оставалось в порядке. Но предчувствие близкой опасности не утихало. Наоборот, чем ближе подходила девушка к не поднимавшему головы Вадиму, тем сильнее ей хотелось развернуться и, бросив все, бежать обратно в лес. Куда угодно, лишь бы подальше от...

Сидящий поднял голову. На Яну взглянули уже знакомые светло-серые глаза.

— Ну, наконец-то, — Вадим шмыгнул носом и пощелкал «попой» ручки об исписанную страницу. Только тут Яна обратила внимание, что ручка у него была не обычная, а толстенная, с укрупненным корпусом, в которые обычно закладывали пасты разных цветов. Едва ли разведчику требовались желтый и салатový, просто никакой другой писать он бы не смог. — Уже думал идти тебя искать...

Он резко умолк, разглядев выражение ее лица.

— Что? Где?

— Где остальные? — сдерживая звеневшую тревогу, негромко спросила Яна. — Почему не с тобой?

Кваз удивленно дернул здоровым плечом.

— Остальные? — он полуобернулся, очевидно, только теперь вспомнив, что сидит в одиночестве. — Наверное, в пещере. Да, что-то долговато они там. А в чем дело?

— В какой... пещере?

Разведчик закрыл тетрадь и сунул ее в рюкзак.

— Идем. Покажу, — он сделал приглашающий жест рукой. — Там, в валунах, пещера. Ну, как пещера. Выемка, шагов, может, десять в поперечнике. Сухая. Нашли в ней пару трухлявых травяных подстилок. Наверное, кто-то отдыхал. Там, откуда она подгрузилась.

Яну начало потряхивать.

— Пойдем к ним, быстрее, — еще тише попросила она, боясь не справиться с голосом. — Тут какая-то опасность. Прямо... я такого никогда раньше...

— Опасность? Где? В лесу?

— Нет, — девушка мотнула головой, сглатывая сквозь стиснутое горло. — Не в лесу. Здесь. Прямо здесь.

Вадим резко обернулся. Однако, местность, которая просматривалась на значительное расстояние, по-прежнему словно вымерла. Тишину не нарушал даже плеск бегущей рядом воды.

Голосов Сереги с Егорычем тоже не было слышно.

Могучий кваз потянул из-за пояса знакомый тесак и первым двинулся вокруг камней, жестом велел Яне оставаться сзади. Пещера обнаружилась недалеко — шагах в сорока по другую сторону «скал». Вадим включил заготовленный фонарь и, посветив, с некоторым усилием протиснулся в довольно узкую щель в камнях.

Внутренний детектор опасности девушки заверещал как бешенный — и вдруг утих. Глазам осмелившейся протиснуться за разведчиком Яны предстало зрелище, которое успокоило ее — и одновременно испугало до жути.

Пещера действительно имела размеры довольно скромные. Почти круглая, она несколько удлинялась в сторону и вниз. Но этот аппендикс, хотя и самый глухой и темный, также очень быстро заканчивался тупиком. На полу почти у входа валялись две сухие травяные подстилки.

На этих подстилках, как два суслика, застыли Серега и Егорыч. И, хотя появление немалого Вадима и нестройной Яны сопровождалось соответствующим шумом, оба мужика — молодой и пожилой, никак не отреагировали на их приход. Не шевелясь, они замерли в сидячих позах, вполоборота к каменному «аппендиксу».

На их лицах застыл непередаваемый ужас.

— Ничего себе, — Вадим невольно покосился в ту сторону и еще раз осветил «аппендикс» фонарем. Каменная выемка оставалась по-прежнему малоинтересной и абсолютно пустой. — Серега! Эй! Ты чего?

Одеревеневшее плечо младшего разведчика, за которое как следует встряхнул старший брат, дрогнуло. Серега с каким-то чудовищным усилием развернул лицо. Мазнув диким взглядом, взбулькнул, не то горлом, не то нутром — и, рванувшись, свалился набок. После чего, ни на кого не глядя, и ничего не поясняя, едва не на карачках бросился наружу. При этом он едва не смёл замешкавшуюся Яну.

Ничего не понимающий Вадим сунул тесак за пояс и, нагнувшись, кое-как придал вертикаль Егорычу. Вдвоем с подоспевшей девушкой они с трудом вытащили на свет почти не реагировавшего на их усилия старого слесаря.

Сереги у пещеры уже не было. Младший разведчик обнаружился у рюкзаков. Раздеребанив пакет с продуктами, он трясущимися руками пытался отвинтить крышку — но не лекарства, а так и не допитого на острове коньяка. К тому моменту, Вадим и натужно пыхтевшая Яна доволокли Егорыча до ручья, он уже сделал несколько больших глотков. И, по-видимому, останавливаться не собирался.

— Э! А ну, хорош!

Старший разведчик отобрал бутылку, из-за чего ему пришлось выпустить слесаря. Против ожиданий, уже более или менее оклемавшийся Егорыч заваливаться не стал, а, пошатываясь, утвердился на ногах. Впрочем, при этом он все равно тяжело опирался на

Янино плечо. И зачем-то порывисто хватался за собственную впалую грудь, будто надеялся нащупать сердце прямо над желудком.

— Ну? Что там? Что вы увидели?

— Вадя, — вмешалась Яна, поддери́гивая кренившегося Егорыча. Взгляд старого слесаря уже был почти осмысленным, но говорить тот по-прежнему не мог. Серега, впрочем, недалеко от него ушел — всегдашний приколист и балагур теперь то и дело ошалело стрелял взглядами в сторону камней. При этом он честно силился что-то ответить, но пока выходило только нечленораздельное мычание. — Надо уходить. И быстро.

Серега согласно взмыкнул, и для убедительности рванул из кучи свой рюкзак. Едва не завалившись следом, так как, по-видимому, ослабел от испуга, он все-таки принялся прилаживать поклажу на плечи. Егорыч вырвался от Яны и стал лихорадочно следовать его примеру.

— Блин, — Вадим раздраженно дернул щекой, приподнимая снаряжение слесаря на весу, чтобы тот смог продеть руки в шейки. — Может, хоть потом объясните, что вообще происходит?

Яна, которая собиралась с такой же поспешностью, перевесила сумку через плечо, создавая противовес автомату.

— Не знаю, что они видели, — девушка кивнула в сторону спутников, которые, несмотря на дрожь и слабость, быстро, как на учениях, разобрали поклажу и теперь поддери́гиваясь, ожидали, когда можно будет идти. — Но я тоже это почувствовала. Мы... — она помедлила, подбирая слова. — Что-то разбудили. Что-то... Я такой жути... вообще не помню.

Хмурый кваз покосился на перепуганное лицо брата, который судя по виду, готов был рвануть прочь в любой момент. Потом еще раз посмотрел в сторону загадочных камней.

— Сейчас опасность — там?

Яна помотала головой, нервно сжимая ремень автомата.

— Нет. Не знаю... Вадя, пошли скорее! Пока оно не вернулось!

В хмуром низком небе громынуло. Старший разведчик на миг вскинул глаза. После чего угрюмо кивнул и первым зашагал в обход скал — к темневшему вдалеке и уже порядком надоевшему лесу.

Уходили быстро. Даже «уставший как собака» Егорыч почти бежал, забывая хвататься за сердце. Все время, пока они пересекали каменную долину, то он, то Серега поминутно оглядывались назад. И всякий раз уже едва маячившие на горизонте камни заставляли их прибавлять скорость.

Даже новый лес не успокоил насмерть перепуганных свидетелей непонятно чего. Подгоняемые беспрестанно вырабатывавшимся адреналином Серега с Егорычем перли вперед, как дикие лоси, и в конце концов умудрились загонять даже Вадима. Поэтому, километра через три-четыре, тот в приказном порядке ослабил скоростной режим группы. Тем более, что к этому времени малиновый цвет лица хрипевшей и сильно отстававшей Яны стал перетекать уже в багровый.

Впрочем, тяжело дышавшая девушка была не единственной причиной, которая заставила старшего разведчика проявить большую осторожность. К этому времени лес снова начал редеть. Под ногами чавкало уже постоянно. Должно быть, им все-таки посчастливилось набрести на какие-то таежные болота.

К тому же тучи, которые полдня сгущались над их головами в самом прямом смысле, наконец-то решили, что теперь самое время напомнить о себе морозящим дождем. День перевалил за середину, и мокрых, не евших и не отдохавших с рассвета людей пробирала тяжелая усталость. Постепенно даже Серега с Егорычем утомнились, и теперь молча брели, перешагивая через лужи и оскальзываясь на грязи. Ускорить темпы они уже не пытались. Каким-то чутьем младший разведчик вел товарищей в обход болот по самой кромке, не теряя из виду основного направления. Тащившаяся в хвосте Яна могла признаться себе, что ходи она тут одна, без такого проводника ее давно бы засосала далеко не самая опасная трясина. Впрочем, то же самое можно было бы сказать обо всех, кроме Сереги.

Наконец, спустя множество сменивших друг друга однородных болотно-низинных пейзажей, земля стала как будто суше. Отряд по-прежнему активно месил грязь, но последняя уже не норовила утянуть вниз после каждого неосторожного шага. Болото вновь превратилось в перелесок, хотя и не такой густой, через какие им приходилось идти раньше.

На пути вымокших и начавших конкретно подмерзать людей то и дело раскидывались поляны, но — какие-то странные. Странными они казались даже Вадиму, который из всего отряда был наименее внушаем.

Один раз дорога привела их к свободному от леса пространству шагов сорок-пятьдесят в поперечнике. Пространство имело форму почти идеального круга и было окружено плотно растущими громадными деревьями. Деревья эти выглядели так, словно всю жизнь снимались в фильмах ужасов — толстые, безлиственные и с огромными, выпиравшими из-под земли узловатыми корнями. Зато посреди странной поляны, в самом ее центре росло одно-единственное тонкое стройное деревцо, усыпанное яркими мелкими ягодами — не то калины, не то рябины, не то какой-нибудь облепихи.

Идти и выяснять, что это было за дерево, не решился никто. По какому-то наитию, странную поляну тщательно обошли стороной, чтобы спустя совсем короткое время набрести на другую.

Здесь все было как будто бы в порядке за исключением того, что трава на небольшой и уютной прогалине росла густой, сочной и — ярко-зеленой. Причем имела такой вид, будто

ее долго и тщательно с ножницами в руках постригал заботливый садовник.

И все было бы ничего. Но на многие километры вокруг земля или раскисала от грязи, или была покрыта слоем прелой листвы. Пробивавшаяся сквозь листву трава вид и цвет имела самый разный, но почти всегда — дикорастущий и растрепанный. Ничего близко похожего на газонную цивилизность не наблюдалось даже возле более или менее очеловеченного домика Егорыча.

Загадочную и стремную поляну тоже обошли по касательной. Хотя, уже начав постепенно удаляться от непонятного и неуловимо неприятного места, Серега, который по-прежнему шел впереди, внезапно притормозил и резко обернулся.

Поймав за рукав застывшего рядом с ним Егорыча, младший разведчик кивнул Вадиму и молча указал на что-то рукой.

У самого края оставленной поляны валялась незамеченная никем грибная корзина с вываленными из нее полусгнившими грибами. Рядом в грязи кисли под дождем глубокие неровные борозды. Словно кто-то обеими растопыренными пятернями отчаянно цеплялся за землю, не желая быть уволоченным... куда?

Борозды вели к загадочной поляне и пропадали в ее сочной траве.

Братья переглянулись. Яна выпучила глаза. Краснолицый Егорыч резко побледнел.

Все так же, не произнося ни слова, Вадим мотнул головой в сторону леса. Серега не заставил себя упрашивать, вновь занимая свое место во главе отряда. От страшной поляны бежали так быстро, насколько это было возможно в условиях болота. И — молча. Какое-то чутье подсказывало, что стоило помолчать. Любое сказанное слово могло привлечь к ним очередную нечисть. А в том, что она здесь водится, уже не сомневался даже некогда убежденный атеист Егорыч.

К счастью, если кластер и вмещал другие аномалии, больше в течение часа им так и не встретилось ни одной. Дождь постепенно прекратился тоже, хотя теплее от этого не стало. Отряд тащился уже едва-едва, с трудом переставляя натруженные ноги с висевшими на них килограммами грязи. Яне, которая снова начала отставать, временами казалось, что она уже вечно бредет в мокрой измороси, уставившись в точку на спине тащившегося впереди Вадима, и в ее жизни ничего кроме этого не было и нет.

... Зимовье открылось как раз в тот момент, когда полумертвые от усталости путники решили совсем было отчаяться найти ночевку в сколько-нибудь сухом и удобном месте. Небольшой домик с толстыми стенами и крышей, которая скатами почти доставала до земли, не казался сосредоточением какой-либо мистики. Однако подходили к нему с осторожностью.

— Ян, — негромко позвал Вадим. Девушка в ответ только слабо махнула рукой.

— Не знаю, — она выгнулась назад, упираясь обеими ладонями в кричавшую криком поясницу. — Вадя, я так устала, что вообще ничего не чувствую. Как будто чисто. Ну... не знаю. Простите.

Жестом приказав слесарю и подруге оставаться на месте, разведчики двинулись к дому. Судя по его виду, зимовье, хоть и старое, заброшенным не являлось. Под низким навесом обнаружился запас дров — причем дрова оказались свежими. Должно быть, там, откуда перенесло этот домик, им пользовались. Это настораживало — вместе с домиком могло перенести и какого-нибудь невезучего охотника, который теперь поджидал за плотной деревянной дверью...

Впрочем, вялые опасения Яны оказались напрасными. Никаких охотников, ни живых,

ни обратившихся, в зимовье не оказалось. Зато помимо дров там нашлось все то, чему положено находиться в зимовье — даже чайник для заварки чая с самим чаем, плотно закрытым в жестяной коробке.

После случившегося перехода, за время которого, по Яниным прикидкам, группа сумела отмахать не менее двадцати пяти километров — а то и все тридцать, больше всего девушке хотелось упасть на длинный топчан в дальнем конце избы и забыться мертвым сном. Однако, ее женское положение в группе накладывало определенные обязательства. Поэтому на пару с шумно сопевшим Егорычем, который пытался растопить железную печь, она занялась соответствующими приготовлениями. И к тому моменту, когда разведчики вернулись с водой от находившегося неподалеку заболоченного озера, зимовье встретило их скворчанием и обалденными запахами жарившихся на сковороде грибов.

— Ого, — Серега поочередно поставил к стене два ведра, полных воды и потянул воздух носом. — Грибочки вы быстро успели почистить. Молодцы! А где взяли лук?

— Был у меня, — старый слесарь, вытянув ноги, сидел за протертым деревянным столом и нарезал хлеб. — Ребят, это съесть бы. Иначе зацветет.

— Съедем, отец, — Вадим поставил принесенный котелок на раскаленную поверхность печки. — Прямо сейчас с грибами.

— И консерву бы открыть, — выудив откуда-то небольшое деревянное корыто, Серега отлил в него немного воды из ведра. После чего, стянув куртку, с наслаждением умылся. — Как считаете?

— Надо. Целый день не ели, — Вадим протопал через всю комнату и присел на топчан рядом с Яной. Девушка тоже стащила с себя куртку и теперь закатывала рукава, собираясь углубиться в дальнейшую готовку. — Хотя увлекаться нельзя. Дичи здесь нет. Что-то мне подсказывает — рыбы тоже. Еды брать неоткуда.

— Здесь, в доме, есть припасы, — Яна продемонстрировала банку, из которой теперь ссыпала крупу в котелок поменьше. — Заберем их с собой. Все равно этот... кластер перезагрузится с новыми. Вы погодите есть грибы. Я сейчас каши сварю. Тогда уже и поедем, цивилично.

Она покусала губы.

— Мужики, — девушка поставила котелок с крупой рядом с тяжеловесным соседом. И, присолив, обернулась к выжидательно глядевшим на нее спутникам. — Мне б того... ну, ополоснуться, хотя бы чисто символически. И Ваде рану бы именно промыть. А потом замотать на чистое. Вы б сходили еще раз по воду? Пока совсем не стемнело?

Братья переглянулись.

— Яна права, — Вадим тяжело поднялся, упираясь здоровой рукой в колено. — Все чумазые, как... Обольемся хоть до пояса, пока есть возможность. Неизвестно, когда получится в следующий раз.

Серега кивнул и накинул куртку.

— Да не вопрос, Снежок. Сейчас ходим. Ваша правда — где грязь, там и инфекции.

Последнее он произнес немного иным тоном, и нельзя было разобрать, шутит разведчик или говорит серьезно. Впрочем, Яне было все равно. Мужики слили воду в бадью, наполнив ее до краев, после чего ушли, прихватив с собой ведра. Вернулись быстро, подгоняемые спускавшимися сумерками. К этому времени вода в большом котле успела согреться и все, не исключая Егорыча, действительно произвели обряд омовения. Причем Яна — полностью, спрятавшись за натянутым ради нее покрывалом.

К тому времени, как она закончила и показалась из-за импровизированной занавески, как раз подоспела каша. Поэтому к столу усаживались уже как люди — чистые и приободрившиеся. Теплая вода будто смыла весь архитрудный переход и пережитый ужас, который подспудно сидел в каждом — даже проникнувшемся Вадиме.

— Ну, — когда каша была подъедена, посуда — вымыта, и невеликая компания расположилась частично за придвинутым столом, частично — на топчане, предложил Вадим вновь ненавязчиво оказываясь поблизости от Яны. — Теперь расскажете, наконец — что вы такое увидели в той пещере?

Очевидно, что оба свидетеля ждали этого вопроса. Однако он их явно не обрадовал. Посмурневший Серега переглянулся с Егорычем. Тот смущенно и как-то досадливо крякнул.

— В общем, так это было, — младший разведчик тоже кашлянул и поерзал, словно деревянная скамья внезапно стала неудобной. — Как нашли место помнишь? Но ты сразу ушел, а мы с дядь Пашей тогда решили прибраться. Труху эту вынести, которая на полу. А потом уже перенести рюкзаки. Но только взялись за первую подстилку...

Он запнулся. Егорыч угрюмо смотрел в стол.

— Короче, чувствую, вдруг навалилось. Затмение — не затмение, усталость — не усталость. А пошевелиться не могу. Хочу уйти — не выходит. Крикнуть тебе, чтоб вытащил — и то никак, — Серега покусал губы, бросая быстрые взгляды в сторону не глядевшего на него слесаря. — И тут голос...

— Голос? — не выдержал Вадим, так как брат его цедил слова, как через сито.

— Может, не голос, — Серега поморщился. Он вытащил крест, и теперь держал его зажатым в кулаке. — Может, это было только в голове. Что-то вроде: «Спите. Ложитесь. Спите...».

— Я тоже слышал, — хрипло подтвердил Егорыч, не глядя на остальных.

Серега медленно кивнул, будто его не прерывали.

— Ну, а потом... В том... углу... Как будто начало сгущаться... Чернота... тени... кто его знает. И оно... она...

Он снова умолк, опустив голову и играя желваками. В комнате воцарилась тишина. Даже зажженные свечи горели ровно, без потрескивания.

В этой тишине с улицы отчетливо слышалось шлепанье чьих-то шагов по грязи.

Яна сама не поняла, как в ее руках оказался автомат. Вадим медленно поднялся с топчана, успев за эти несколько мгновений обменяться взглядами с белым, как мел, братом, и Егорычем, который ошеломленно нащупывал прислоненный около печки топор.

Жестом заставив всех замереть, старший разведчик прислушался.

Теперь уже не оставалось сомнений — за стенами зимовья раздавались именно шаги. Вопреки ожиданиям, шаги эти были не грузными, как у какой-то из зараженных тварей. Наоборот, быстрые и легкие, они то приближались, то удалялись от дома, точно неведомый гость ходил кругами. В какой-то миг он вплотную подошел к окну. Но окно из предосторожности было занавешено изнутри, тем более, что вглядываться в освещенную комнату с темной улицы всегда было куда как сподручнее, чем наоборот.

— Что это такое? — одними губами пробормотал Егорыч, нащупав-таки вождеденный топор. — Или... это... кто?

Словно в ответ на его вопрос шаги вдруг быстро и часто перебежали к двери. Яна почувствовала, как ее волосы пытаются встать дыбом. Судя по лицам остальных, они испытывали схожие ощущения. Замершие в доме люди абсолютно точно знали, что кто-то

стоит прямо на пороге, отделенный от них только деревянной дверью, и это наполняло их сердца такой иррациональной жутью, что это наэлектризовывало даже воздух.

Тягучие секунд десять ничего не происходило. Потом что-то прощуршало — или царапнуло по внешней стене. И сразу же вслед за этим раздался негромкий и какой-то робкий стук.

— Эй. Есть кто-нибудь тут...?

Крупно вздрогнувший Вадим еще раз переглянулся с Серегой. Прозвучавший за дверью голос принадлежал женщине. Даже девушке, судя по всему, не старше Яны.

Появление одинокой девушки в этом месте и в это время было абсолютно невозможно. Как аксиома, не нуждавшаяся в доказательстве.

Тогда кто сейчас стоял за дверью?

— Я... я слышать, есть там кто-то. Пожалуйста! Я... не знать, оказалась где! Так долго идти... Мне страшно! Откройте!

Вадим и Серега переглянулись в третий раз. Потом оба как по команде посмотрели на Яну.

Та в ответ сделала круглые глаза и неопределенно дернула плечами. Сейчас ей было так страшно, что это чувство напрочь перекрывало знакомое ощущение тревоги, всякий раз по необъяснимой причине возникавшее при опасности.

— Ну, люди вы или нет? Пустите! Прошу!

Девушка говорила, как будто по-русски и быстро, но не совсем правильно и с едва заметным акцентом. Вадим, сообразив, наконец, что от Яны теперь мало толку, вытащил неизменный тесак. И в несколько неслышных шагов добрался до дверного проема.

— Кто здесь? — негромко спросил он.

Миг было тихо. Потом снова раздался шорох, будто гостья провела ладонью по двери.

— Я... Луора, — из девичьего голоса исчезли истеричные нотки, и теперь он звучал куда мягче и мелодичнее. — Моя охотилась. А потом... не знаю, как произошло! Лес стал другим. Ничего не узнавать я. Некуда идти. Я помнить о зимовье, его еще совсем старые люди ставили. Шла сюда. А тут вы...

Она запнулась, втягивая воздух со всхлипом.

— Впустите! Мне тут страшно так... Хотите, я заплачу? Я... любить всех вас... Как хотите вы. Впустить меня только! Впустите!

Последнее прозвучало совсем тихо и жалко. Вадим прищелкнул щекой и, не удержавшись, бросил короткий оценивающий взгляд на товарищей.

Яна дышала — неслышно и глубоко, держа оружие наготове и стараясь скрыть испуг. Егорыч ничего не скрывал — он столбом торчал у стены, тиская топор так, словно не собирался расставаться с ним до самой смерти. Старый слесарь явно трусил, но трусил отчаянно. Весь его вид говорил о том, что какая бы тварь ни оказалась снаружи, он, Егорыч, в этот раз собирался дорого продать свою жизнь.

Почувствовал затруднение брата, Серега оторвался от прорези прицела и сделал приглашающий жест.

Отвернувшись, старший разведчик еще несколько мгновений вслушивался в то, что происходило на улице. Потом снял засов и, помедлив, толкнул уже ничем не запертую дверь.

Собранные люди были готовы ко всему. Однако на пороге действительно стояла хрупкая девичья фигура. Ее очертания с трудом проглядывались в полутьме.

Несколько мгновений Вадим вглядывался в мнущуюся под зарядившим мелким дождем

ГОСТЬЮ.

— Проходи... — наконец, он шагнул в сторону, открывая гостье проход. — Как ты сказала, тебя зовут?

— Луора. Здравствуйте, — девушка шагнула в комнату, откидывая меховой капюшон, из-под которого на ее грудь скользнули две толстые темные косы. Несмотря на то, что в этом кластере наблюдалось пусть и очень холодное, но лето, фигуру гостьи облегла куртка из плотной кожи с меховой оторочкой, и отороченные мехом сапоги. — Спасибо, что пустили вы. Уф, как тут жарко.

Она расстегнула куртку, под которой обнаружилась блеклая и поношенная, но явно энтически-фольклорная рубашка, всем своим видом напоминавшая о культуре северных народностей.

Что, впрочем, в отношении гостьи не удивляло. Ее лицо, живое и потрясающе красивое, с большими, чуть раскосыми глазами, явно выдавало обитательницу северных регионов внешнего мира. От всего облика девушки веяло такой свежей, обворожительной прелестью, что все трое находившихся в зимовье мужиков сразу же прониклись, мгновенно попадая под обаяние экзотической красавицы.

— Здравствуй, коли не шутишь, — поприветствовал Егорыч, опуская топор и явно не замечая, что перешел на былинный слог. — Ты откуда тут взялась?

— Присаживайся!

Сергея подскочил, поспешно застилая скамью найденной в зимовье волчьей шкурой.

— Спасибо, — девушка улыбнулась каждому представителю мужицкого пола и мимолетно скользнула взглядом по нахохлившейся в углу топчана Яне. — Моя... ходила охота. Силки расставлять, добыча... И тут... я заснуть... засыпать... будто, а просыпаться — и вот... Что с миром случилось? Рассказать вы мне?

— Расскажем, конечно, — Вадим сунул тесак за пояс и, подойдя, присел на скамью напротив притягательной гостьи. — Ты располагайся. Не бойся, не обидим. Может, чайку?

... Яна уже больше двух часов слушала, как забывшие про страх и усталость мужики любезничали с Луорой. Пришлая раскосая красавица оказалась живой, веселой и до того непосредственной, что это скрадывало даже ее недостаточное знание языка. Она расточала улыбки, смеялась неуклюжим шуткам новых знакомых и, несмотря на свое открывшееся невеселое положение, просто источала жизнерадостность.

Яна, о которой все забыли, забившись в угол, наблюдала за преобразившимися товарищами со смесью недоумения и досады. По ее мнению, ввиду обстоятельств, мужики проявляли прямо-таки нездоровый энтузиазм, которого раньше она в них не могла заподозрить. При этом любезничание с пришлой гостьей выглядело одинаково неприятно в ее глазах что для Сереги, на пальце которого тускло поблескивало обручальное кольцо, что для престарелого Егорыча, что для Вадима, который до того демонстрировал похожее внимание самой Яне — правда, в гораздо более скромных проявлениях.

На нее внимания не обращали — ни спутники, ни пришлая гостья. Более того, с тех пор как та переступила порог, Луора в упор не видела Яну, словно низкорослой, габаритной альбиноски не существовало в природе. Зато похоже, что все присутствовавшие мужчины, не исключая Егорыча, чувствовали себя в компании прекрасной северянки героями дня, звездами первой величины и альфа-самцами в одном флаконе.

В другое время такая резкая перемена в сдержанных мужиках могла бы удивить кого угодно. Но у Яны имелось довольно простое и понятное объяснение — на фоне блеклой немой толстухи акции любой другой сколько-нибудь привлекательной самки взлетали до небес. Поэтому не было никакого смысла винить стосковавшихся по женскому обществу мужиков, так как в сопровождавшей их альбиноске женщины они явно не видели.

Для Яны последнее не являлось открытием Америки — она уже давно свыклась со своим положением в любом мужицком обществе, и принимала его как данность.

Но отчего-то именно теперь эта мысль показалась ей особенно горькой.

Третий час пребывания Луоры в хижине не принес облегчения — очень было похоже на то, что компания собиралась бодрствовать всю ночь. Чувствуя, что еще немного — и у нее перехватит дыхание не то от духоты, не то от внутренней женской обиды, Яна поднялась со своего наместа в дальнем углу топчана. Натянув куртку, она машинально закинула на плечо ставший родным АКМ и как можно тише добралась до двери.

На выходе толстая девушка обернулась. Но никто из присутствующих не обратил на этот уход никакого внимания. Луора и ее новые знакомые доедали недоеденное Яной на острове сухое овсяное печенье, пили чай, травили двусмысленные анекдоты, смеялись и шумели так, как будто отдыхали на чьей-то даче, а не торчали в маленьком домике посреди опасного леса. Некоторое время Яна мялась на пороге, подспудно ожидая интереса хотя бы со стороны Вадима. Но вынуждена была принять очевидное. Как и прочие, здоровенный кваз не спускал восхищенных глаз с прекрасной дочери северных народов, которая, как казалось, совсем не против внимания всех и сразу.

Мысленно плюнув, Яна выскользнула на улицу, с трудом подавив желание изо всех сил бахнуть дверью.

Она сама не могла объяснить того, что с ней происходило. Душа горела так, будто там долго скребли наджачной бумагой, а потом плеснули скипидаром. Жестокая обида

непонятно отчего и на что заслоняла все мысли, способность рассуждать здраво и даже чувство самосохранения. Не ощущая усталости, Яна, невзвидев света, неслась через ночной, пустой и мокрый лес, и очнулась уже, когда под ногами захлюпало.

Болото, преградив дорогу естественным барьером, заставило обезумевшую девушку притормозить. Некоторое время Яна походила у его кромки взад и вперед, порядочно намесив грязь, но так и не нашла способа двигаться дальше. Ощущая мощное стремление бежать и бежать, и не имея такой возможности, она стиснула зубы, на миг запрокидывая лицо к льющемуся черному небу. После чего, бухнувшись на покрытый мокрой травой пригорок, ткнулась лицом в стиб локтя — и разрыдалась.

Рыдала она очень бурно, разом припомнив все обиды, начиная с детского сада и по сегодняшний вечер, и остро растравляя себя. Однако недолго. Постепенно ночной холод, морозящие капли дождя, и окружающая обстановка темного леса подействовали на нее отрезвляюще. Яна всхлипывала все реже, ежась и растирая мокрое лицо. Странная пекущая боль в груди стихала, мысли прояснились, а с этим пропадало желание куда-то нестись.

С отрезвлением в душу девушки все упорнее вползало недоумение. Постепенно, отревевшись и частично возвратив себе способность рассуждать здраво, она попыталась проанализировать свои ощущения и поведение — и не смогла. Должно быть, на нее нашло помутнение. Никогда раньше спокойная и рассудительная Яна не могла и в страшном сне представить себя на месте ненормальной истерички, которая сломя голову ринулась из светлого дома в черный, прячущий в себе невесть какие опасности лес.

Нужно было возвращаться — и срочно. То, что ее пребыванием в лесу до сих пор не заинтересовалась никакая нечисть можно было считать колоссальным видением. Не стоило дольше испытывать судьбу.

Словно в ответ на это позднее здравомыслие из-за туч выглянула большая луна. Преобразившееся в ее свете болото призывно замерцало трепетанием отблесков в проступавшей воде.

Яна приободрилась — даже при таком свете возвращаться в зимовье было несколько комфортнее, чем в почти кромешной тьме. Продолжая удивляться, что ей вообще хватило адреналина добежать так далеко, она в последний раз решительно вытерла глаза, потом щеки. И дернулась, чтобы подняться.

В последний миг ее взгляд зацепился за несколько одинаковых ямок, на что-то сильно похожих. Ямки эти были глубокими и равнозначными. Их цепочка вела прямо из болота и тянулась через грязь к лесу — в сторону зимовья. Девушка сдвинула брови и, заинтригованно подобралась ближе. Не было сомнений — перед ней были следы. И следы эти не походили на те, которые оставляла она, пока металась здесь — эти были куда больше и, отчего-то, круглее.

Судя по размеру, форме и глубине следов, их обладатель тварью был довольно крупной. Тем более казалось невероятным, что он сумел пройти прямо через болото.

Или, что бы то ни было, оно двигалось не через болота, а из?

Все так же напряженно хмурясь, Яна прошла вдоль цепочки почти до самого леса. Здесь нависшие деревья заслоняли луну, и девушке пришлось ткнуться носом почти в самую грязь, чтобы увидеть то, что ей нужно было увидеть.

И — заново ощутить всплеск обжигающей жути.

... Яна бросилась обратно так быстро, как позволяла лесная темнота. Наконец прояснившееся сознание омывало рассудок волнами чудовищного страха, который гнал ее

вперед, будто пинками. Подгоняемая ими, девушка неслась через лес, почти не думая о том, что будет, когда она добежит. Она почти сразу задохнулась, несколько раз оскальзывалась и падала, проезжаясь по грязи. Дважды едва не потеряла автомат, и уже не чувствовала под собой ног, когда среди деревьев показались темные очертания зимовья.

Из последних сил девушка взбежала на крыльцо и рывком распахнула дверь.

После рассмотренного четкого отпечатка когтистого звериного следа, переходившего в узкую девичью ногу, Яна была готова к чему угодно. Но то, что предстало в зимовье, заставило ее замереть с выпученными глазами и перекошенным ртом.

Мужики были здесь. Все троезастыли в позах, один в один копировавших посадку Сереги и Егорыча в пещере. На лицах застыл тот самый непередаваемый ужас.

Над ними, расплываясь в чадающем мареве одной опрокинутой, но чудом не погасшей свечи, нависала огромная тень. Тень эта, казалось, состояла из одной черноты, имеющей смутные очертания не то очень высокой и костлявой женщины, не то фантастической изломанной птицы в развесистом рваном балахоне.

Черная рука бабоптицы подрагивала в волоске от обнаженной груди Вадима с отчего-то сорванной перевязкой. Острый антрацитовый коготь почти касался лежавшего во впадинах грудины кваза православного креста — но коснуться не мог. Каким-то отстраненным чутьем Яна догадалась, что все расплывчатые перетекания и подрагивания тени происходили не от промедления, а от невозможности. Чудовищный ужас перекручивало и корежило. Нечисть стремилась изо всех своих чудовищных сил — но тронуть Вадима не получалось. Словно что-то препятствовало жуткой тени, и это что-то...

Тварь по-змеиному обернулась на грохот, явив длинную и неожиданно толстую шею. Окостеневшая от ужаса Яна успела мельком увидеть блестящее черное и раздававшееся во все стороны рыло не то птицы, не то обезьяны, в котором очень смутно проглядывались черты Луоры.

А в следующий миг рваная тьма с воющим ревом ринулась вперед.

Как в замедленной съемке Яна зачем-то упала на колено, упирая в плечо автомат. Кажется, она дико завизжала — но в тот миг альбиноски не слышала никого и ничего. Оружие в ее руках дернулось — еще, еще и еще...

Тьма шмякнулась у самых ее ног, перекрутившись по инерции. И почти сразу же вскинулась снова, но завалилась набок, с грохотом сбив пару выставленных здесь ведер. После чего, шлепая по растекшейся воде, с ноющим уханьем почти вслепую кинулась в распахнутую дверь.

И сгнула.

Едва понимая, что делает, Яна со стуком выронила автомат. Почти на четвереньках добравшись до двери, с усилием прикрыла ее. Выпрямившись по косяку на полусогнутые, она попыталась заложить засов — но не смогла удержать тяжелое дерево. И тут же испуганно дернулась, когда выпавший брус забрали у нее из-под рук.

Вадим запер дверь сам. Он же успел подхватить полубессознательную девушку подмышки за миг до того, как мир перед ее глазами резко померк...

— ... чувствовал, что что-то не так. Все было как в тумане.

— Если бы не девчонка... Вообще странно, ребят. Не думал, что пуля это возьмет.

— Наше оружие благословил протоиерей Леонид. На борьбу против нелюдей... и на защиту тех, кто слаб... Может, из-за этого... Смотри.

Послышался стук. И сразу же вслед за этим едва слышный лязг.

— Ну вы даете, ребят, — после паузы, по-видимому, обсмотрев то, что ему показывали, Егорыч снова негромко стукнул автоматом по столу, отставляя его в сторону. — Долго эту... молитву на прикладе выцарапывали?

— Помогло же, — голос Сереги звучал глухо, как будто придушено. — Интересно, Снежок прикончила ту тварь?

— Нет.

Голоса смолкли. Разбуженная и уже некоторое время прислушивавшаяся к разговору Яна выбралась из-под одеяла. В комнате было сумеречно. Подтянувшись, девушка села на топчане и покосилась на окно.

Но то, как и с вечера, было завешено тряпкой.

— Сейчас раннее утро, — понял ее Вадим, протирая ладонью глаза. — Часа четыре. Скоро светать начнет.

Он, Егорыч и Серега сидели за столом, полностью собранные для похода. С первого взгляда на них было не понять, довелось ли им сомкнуть глаз за эту ночь.

— Мы спали, — снова догадался старший разведчик, потирая теперь уже абсолютно голый затылок. — По очереди.

— А вот тебя вырубил надолго.

Яна нахмурилась, запуская пальцы в взлохмаченные волосы и по примеру Вадима почесывая голову костяшками пальцев.

— Я что, упала в обморок?

— Ты переутомилась, — деликатно успокоил Серега, протирая ствол своего оружия. — Вот организм и совершил перезагрузку.

Невольно Яна улыбнулась. Теперь Серега был тем же Серегой, без вчерашних кривляний и остекленевшего взгляда — как, впрочем, и Вадим с Егорычем. Она поняла, что произошло с ними со всеми еще там, у болота — компания, не исключая ее самой, подверглась гипнотической атаке. Неизвестно, отчего ужас тайги заставил женщину бежать, а мужчин оставил для растерзания. Возможно, таковы были предпочтения той, кто называла себя Луорой. Возможно, дело заключалось в самой Яне. Но одно девушка понимала наверняка — и невнятная истерика, и коллективное самцовое помешательство мужиков были навеяны со стороны твари.

— Так ты думаешь, что не убила ее? — возвращая разговор в нужное русло, уточнил старший разведчик.

Яна натянула одеяло, заглядывая под него.

— Лучше скажи, что было ночью?

— Ничего не было, — Вадим провел пальцем по поверхности приклада лежащего на столе АКМ. Невольно Яне вспомнилось, как она досадовала на неровности выбитых на нем букв, принимая их за зазубрины. И как это спасло их жизни — а может, и что-то более

ценное. — Все оставалось тихо. Может быть, ты все-таки её...

— Она жива, — девушка перевязала волосы. Переборов себя, она решительно выбралась из-под одеяла и принялась его сворачивать. — Просто зализывает раны. Эта тварь... не любит свет. Вспомните — в первый раз она напала в пещере, где темно. Я... чувствовала ее до момента, пока сама не сунулась туда. При моем появлении она... перестала давать о себе знать.

Яна скрутила одеяло и снова бухнулась на топчан, лицом к зрителям, сложив на коленях руки.

— Мое появление ее ошеломило. Я не знаю, она реагирует так только на меня или на других женщин тоже. И думаю, мы никогда этого не узнаем. Но вспомните — вчера вечером мое присутствие ее почти не смущало. Однако еще раньше, утром, когда мы покинули пещеру, она не стала нас преследовать при свете дня. Хотя я чувствовала, что ей очень этого хотелось.

— Я тоже чувствовал, — хрипло вставил Егорыч. Серега молча кивнул, не отрывая взгляда от тряпки, которой он протирал СГК.

— К чему ты ведешь?

— К тому, что дело не во мне. Не только во мне, — Яна сдвинула брови и потерла кончиками пальцев две перечертившие ее лоб вертикальные складки. — Мое присутствие ей неприятно. Но и только. А вот свет... Дневной свет ей... ну... н-нечисть боится света. При нем она уязвима. Я так думаю. Когда мы удалились от камней, я перестала ее ощущать. Она оставалась в пещере — пока было светло. Но пришла сразу же после заката.

Мужики угрюмо молчали. Яна молчала тоже, перекатывая во рту несуществующую жвачку.

— Ты хочешь что-то предложить? — тяжело спросил, наконец, Вадим.

Яна ответила не сразу. Она помолчала некоторое время, что-то обдумывая.

— У меня его гипотеза... предположение. Мне кажется, это какая-то земная аномалия, привязанная к определенному месту. Возможно, к ее пещере. Это злобное приведение... слушайте, ну не кривитесь. Вы видели то же, что и я — это что-то аномальное. Ну так вот, это злобное приведение, а приведений удерживает на месте...

Девушка запнулась, осененная новой мыслью.

— Наездники чудовищ. Они знали о ней! Поэтому они за нами не пошли. Вспомните, они как будто бегали у какой-то невидимой черты, и... — Яна даже прищелкнула пальцами от возбуждения. — Все, я поняла. Это полностью подтверждает мою теорию. Приведение к чему-то привязано конкретно здесь. Здесь ее земля. Она не может выйти за пределы своего кластера. Как только мы пересечем его границу — мы в безопасности!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Вадим переглянулся с Серегой. Тот неопределенно поднял брови.

— Она, наверно, сейчас отлеживается, — вставил свои пять копеек Егорыч, о котором периодически забывали. — А вечером задаст нам жару.

— Да. Когда подкопит злобы.

Вадим с шумом выдохнул сквозь зубы.

— Я понимаю, о чем вы, — медленно и с расстановкой проговорил он. — И думаю так же. Но кто из вас может дать гарантию, что до ночи мы сумеем выбраться из этого кластера? Судя по всему, он не маленький.

Младший разведчик еще раз философски поднял брови.

— Братишка, нет никаких гарантий, что мы сумеем одолеть тварь, которая выжила после того, как Снежок выпустила в нее всю обойму, сидя здесь на жопе. Предлагаю выдвигаться, как только окончательно рассветет.

Егорыч кивнул.

— Поддерживаю.

— И я.

Кваз хмуро покачал головой. Было видно, что предчувствия его одолевают самые мрачные. Но воспоминания о прошлой ночи были достаточно красноречивыми — человеческое оружие не могло причинить Луоре фатального вреда.

А в том, что чудище придет за ними снова, отчего-то не сомневался никто.

Весь последующий день запомнился Яне, как сплошная сумасшедшая гонка через сначала полутемный — потом освещенный ярким солнцем, и под конец — опять полутемный лес. Лес мелькал у нее перед глазами, цеплялся за ноги и хлестал ветками по лицу, лес настолько засел в печенках, что девушка начала потихоньку верить в карму. Рожденная в степи, и всю жизнь прожившая в степях, она мечтала перебраться туда, где окружающая действительность не просматривалась бы до самого горизонта. Теперь мечта осуществилась — уже который день ее действительность ограничивалась стволами ближайших деревьев и произраставшими между ними кустарниками. Похоже, что как и все большие мечты, эта тоже исполнилась криво.

Кроме того, радость от пребывания среди лесных красот сильно отравлял походный, прямо-таки спецназовский марш-бросок с тяжелым грузом на спине. И время, которое неумолимо ползло к сумеркам. Чем ниже спускалось солнце, тем нервнее делались спутники Яны, и тем страшнее становилось ей самой. Лес не кончался — и, насколько мог судить время от времени забиравшийся на деревья Серега, в ближайшее время кончаться не собирался.

— Ребят, мы еще не выбрались... ну, это... за границу эту, а?

Яна переглянулась с Серегой. Тот спешно сбрасывал рюкзак, собираясь совершить очередное восхождение на дерево в надежде высмотреть что-то обнадеживающее, чего не было видно снизу.

— Нет, — внес ясность младший разведчик, подпрыгивая и ухватываясь за первую ветку. — Походу... мы крупно... попали.

Вадим бросил хмурый взгляд в небо, которое теперь подсвечивалось красным из-за деревьев. День доживал последние часы, и вымотанные до предела люди всю высматривали хоть что-то, что могло бы дать укрытие на ночь.

— Ну, что там?

Серега, обнимавший ствол уже метрах в семи над землей, раздраженно прицыкнул. Он тщательно оглядывался по сторонам, но пока безуспешно.

— Солнце почти село, — Яна невольно обернулась назад — в десятый раз за последние пять минут. — Она быстро нас догонит. Я чувствую...

— Задолбало меня твое чутье, — Вадим задрал голову. — Серый...

— Есть! — младший разведчик приобнял сосну, указывая куда-то в сторону и вперед. — Там, что-то... как будто блестит.

— Блестит?

— Как будто железная дверь, — Серега приподнялся повыше, всматриваясь. Ветка под ним угрожающе затрещала. — Типа бункера...

— Бункера?

— Ты что, попугай? Да, бункера! Ну или чего-то такого — отсюда не разглядишь... Блин, Вадя, солнце конкретно садится. У нас в лучшем случае... полчаса.

Кваз вытер щеку о плечо.

— А сколько дотуда топтать?

Младший брат сверху пожал свободным плечом.

— Полчаса. Может, минут двадцать — если поднажмем... Ты чего, Снежок?

Яна еще раз обернулась назад. И усилием воли взяла себя в руки.

— Ничего, — она глубоко вдохнула, глядя под ноги. — Мне просто... В общем, боюсь.

— Тогда идем скорее, ребят, — Егорыч, который после двух нервных встрясок и походной беготни из-за постоянных приливов адреналина чувствовал себя на удивление бодрым и активным. — Ну ее к... такой-то матери снова встречаться с этой ведьмой. Вдругорядь может и не сработать ваше поповское колдунство.

... Серега немного ошибся — дорога к загадочному «бункеру» отняла не полчаса, а почти час, из-за не ко времени попавшегося на пути болота. Пока искали обход, солнце скрылось окончательно, и под деревьями стало стремительно темнеть. Лес по-прежнему оставался тихим и безмолвным, словно вымершим.

Но теперь изо всех сил торопившихся людей пугало не это.

— Мне тут в г-голову пришло, ребят, — Егорыч по-прежнему жадно глотал холодный воздух и хватался за поясницу, но теперь уже почти не сипел. — Вот мы б-бежим. А н-не зря? Если бункер — советский, да б-брошенный, дверь могли и заварить...

Вадим свирепо обернулся, собираясь коротко, но емко разъяснить шибко умному слесарю своевременность его догадки.

Но не успел.

Перекрывая голос Егорыча и все другие звуки, над мертвым лесом пронесся низкий стон, переходящий в рев, который вновь перетек в утробный то ли стон, то ли рокот. Звук шел с той стороны, где осталась противоположная граница кластера. Еще не успело затихнуть резонансное эхо, как по тихой, будто застывшей тайге словно прошел воздушный шквал. Огромные деревья, сталкиваясь кронами, осыпали все, что под ними ломавшимися ветками и целым роем шишек, навстречу которым с земли поднимались тучи листьев и прочего мусора. Схватившимся за головы и лица людям сразу же запорошило глаза. В какие-то два-три мгновения видимость снизилась до четырех-пяти шагов.

— За мной! Бегом!

Яна чудом не упустила из виду ломанувшегося в кусты Серегу. Ее собственное ощущение нарастающей тревоги и чудовищная усталость мешали думать о чем-то, кроме как не отстать от мужиков. Они снова неслись через заросли, уже не разбирая дороги, а вокруг уже творился настоящий ад. Впечатление светопреставления усиливала стремительно упавшая на лес темнота, в которой одуревшие от сумасшедшего бега люди едва различали себя и выраставшие на их пути скрипучие деревья...

Девушка не сразу поняла, что переменялось. Чудовищный ветер по-прежнему врывается в легкие, швырял из стороны в сторону и норовил сбить с ног. Более того, он будто сделался сильнее. Однако, деревья расступились, выводя беглецов в скрытую во тьме равнину. Впереди, чуть темнее скрытого тучами ночного неба, чернела гряда холмов.

— Туда!

Если бы кто-то раньше сказал Яне, что она способна несколько дней кряду таскаться по диким местам с грузом на спине, перемежая походный шаг стремительными и продолжительными спринтами с препятствиями, она бы не поверила. Теперь же ей было не до удивления. Она бежала из последних сил, думая теперь только о том, как бы не навернуться и не упасть. Реальность прыгала перед глазами, где-то в стороне, но близко пыхтел Егорыч. Далеко впереди что-то орал Серега, но ветер относил его слова куда угодно, только не тем, кому они предназначались.

— Не отставать!

Вадим появился, как всегда, неожиданно и кстати — именно в этот миг его брат окончательно потерялся в ненастье, и Яна с Егорычем вынуждены были бежать почти наугад. Огромный разведчик подхватил под одну руку девушку, а под вторую — пенсионера, и придал обоим колоссальное ускорение, взяв на себя роль тягача. Спустя еще несколько минут сумасшедшего полуслеплого бега он почти впихнул обоих в ложбину между холмами, где нашелся финишировавший раньше всех Серега.

Разведчик не ошибся — загадочная дверь обнаружилась тут же. При ближайшем рассмотрении она оказалась просто старой и ржавой дверью в теле холма. Ничего больше указывавшего бы на то, что здесь имеется что-то рукотворное, вокруг не наблюдалось.

— Фонарь включить?

Младший брат, который возился с засовами, отрицательно мотнул головой.

— Нет, — отрывисто пояснил он, скаля зубы в усилии провернуть поворотное кольцо. — Еще приманим...

Словно в ответ на его слова над стонущим лесом снова прокатился не то рев, не то рокот. Теперь он звучал гораздо ближе. Яна стремительно обернулась, зажимая рот рукой.

— Дай я, паря!

Егорыч с неожиданной силой отпихнул Серегу и взялся за дело сам. Колотившееся, как бешенное сердце Яны не успело сделать и двух десятков ударов, когда старый слесарь, поколдовав над замками, провернул ржавое кольцо и, совместно с пришедшим на помощь Вадимом, отодвинул железный засов.

— Быстрее! Она уже здесь!

Трое мужиков, навалившись, с чудовищным усилием отвернули ржавую дверь. Из черного провала в земле пахло затхлой сыростью, сладкой гнилью и еще другими ожидаемыми запахами непроветриваемого подземелья.

Вадим включил свой фонарь и осветил внутрь.

Внутри, на удивление, не оказалось ничего пугающего. Только длинный выложенный кирпичной кладкой коридор, уводивший куда-то в неосвещенную бесконечность.

— Ребята, скорее!

У леса, из которого они выскочили всего несколькими минутами назад, резко сгустилась тьма. На глазах у обьятых непритворным ужасом людей она ткалась будто из воздуха, обретая плоть и форму...

— Внутрь! Быстро!

Никого не пришлось приглашать дважды. Все четверо оказались в подземелье раньше, чем окончательно сформировавшаяся тень рванулась в их сторону...

— Закрывайте! Закрывайте!

Тяжелая дверь с грохотом встала на место. Вадим успел провернуть кольцо, со скрежетом загоняя на место засовы за миг до того, как ржавое железо дрогнуло так, точно с противоположной стороны в него ударили осадным тараном.

— Ничего себе!

Тварь ударилась в дверь снова. Потом еще. Сбившиеся в кучу люди с тревогой наблюдали, как крошится штукатурка вокруг дверного проема.

— Продолбится, — емко констатировал Егорыч, тяжело дыша и держась за впалую грудь. — Ежели не уймется быстро — вынесет к...

Словно в ответ на его слова снаружи раздался рев. В дверь ударило с такой силой, что

инстинктивно отпрянувших беглецов обдало облаком пыли.

— Чует нас, — белый, как мел, даже в неясном свете фонариков Серега, судорожно тискал SGK. — Потому и прет.

Вадим кивнул головой в сторону темневшего прохода.

— Может, отойдем?

— Думаешь, успокоится? — Серега с сомнением посветил темное пространство за их спинами. Луч фонаря выхватил только древние замшелые стены, кирпичную кладку и полное отсутствие намека на ответвления или повороты. Куда бы ни вел загадочный коридор, с их места до его логического завершения было явно далеко. — Стремновато. Кто его знает, что там.

— Ну, что там, — сделав ударение на слове «там», вмешался Егорыч, кивая на дверь, — мы знаем. Точно ничего хорошего, ребят.

Их снова обдало пылью с осколками кирпича. Тварь снаружи продолжала бесноваться, перемежая удары в дверь пугающим ревом.

Вадим смахнул со лба мусор.

— Значит, решено, — он обернулся в сторону темного коридора. — Я впереди, потом Серега. Отец, ты замыкающий. Оружие держите наготове. Но использовать только в крайнем случае. Не знаю, сколько лет этой кладке. От резких звуков она может осыпаться.

— И похоронить нас здесь живьем, — Серега хмыкнул, дрожащей рукой пригладив начавший пробиваться ежик волос. — Что вы на меня так смотрите? Я говорю, как есть.

Грохнувший новый удар выбил несколько кирпичей из потолка. Люди шарахнулись в стороны, насколько это позволяла ширина прохода.

— Нельзя здесь оставаться, — Егорыч боязливо покосился на дверь. — Решили идти, знач, чего ждем?

По мере того, как они удалялись от двери, удары звучали глуше. В какой-то миг Яна поймала себя на мысли, что не слышит их совсем. Но вряд ли бесновавшаяся неведомая тварь утомилась — скорее, это они успели отойти на значительное расстояние. Несколько раз девушка оборачивалась, но видела только согбенную фигуру боязливо топавшего Егорыча, а за ним — черноту. Впереди мрак разгонял луч от фонаря Вадима — второй фонарь резонно решили поберечь. Однако, этого света не хватало, чтобы избавиться от давящей тяжести каменного свода.

— Долго идем.

В темной и затхлой тишине приглушенный голос Сереги показался оглушающим. Яна сглотнула, выравнивая дыхание. Младший разведчик сказал то, о чем давно уже думал каждый из них.

Не похоже, чтобы тоннель такой длины взялись рыть перед входом в бункер. Иначе они давно бы уже пришли куда угодно.

— Чем дальше мы отойдем от двери, тем лучше.

— С этим не поспоришь, — Серега подпернул рюкзак, стараясь не зацепить им ветхих кирпичных стен. — И все-таки тебе не кажется...

— Кажется, — откровенно прищипнул старший брат. — Но этот лаз кончится — рано или поздно.

— Хорошо бы, чтоб не тупиком.

В последнее время Егорыч перестал чувствовать себя новичком и осмелел. Это стало выражаться в том, что он взялся высказываться, и большей частью кликушествовал не по делу.

Яна подавила желание оглянуться еще раз.

— А сколько времени мы уже идем?

Кваз бросил взгляд на электронные наручные часы. Потом поднес их к глазам и потрогал кнопки.

— Ну, началось.

— Что? Остановились, что ли?

Вадим отстегнул браслет, по-видимому, сработанный на заказ для его нечеловечески толстого запястья, и протянул брату.

— Странно. Даже не включаются. Ты же менял батарею перед походом. Ее хватает больше, чем на год.

— Мои часы тоже сдохли, — Егорыч продемонстрировал тощее запястье. Охватывавший его браслет из ювелирной стали венчали собой автономные и довольно дорогие смарт-часы нового поколения. Причем, настолько нового, что ни братьям, ни Яне не приходилось видеть раньше ничего подобного. Очевидно, в отражении реальности Егорыча технологии были на полшага впереди. — Мои подарили, на годовщину... на вечной батарее.

Братья посмотрели друг на друга.

— Проверь навигатор.

Серега сдвинул брови.

— Дай сюда навигатор, сказал! — Вадим сбросил рюкзак и лихорадочно полез в его

боковое отделение. — Он был у тебя включен?

— Нет, — младший разведчик растерянно полез под куртку, расстегивая внутренний карман. — Последние несколько дней солнце еле показывалось. Батареи почти сели. Знаю, что у тебя он всегда работает, и решил отключить свой. Для экономии энергии. Вот, держи.

Вадим проигнорировал протянутую ему братом плоскую черную коробку. Он был занят тем, что зажав в зубищах фонарь, в отчаяние водил когтем по экрану своей.

— Сдох, — он отжал кнопку включения. — Навигатор сдох. Но какого? Я проверял перед закатом — оставалось еще почти тридцать процентов...

— Попробую свой, — Серега потянулся к кнопке включения. — У меня оставалась примерно половина...

— Стой, не включай, — Яна успела перехватить его руку, мертвой хваткой вцепившись в запястье. — Может быть, здесь, поблизости, какая-то глушилка? Хорошо, если она просто заряд сажает, а что, если всю электронику здесь... ну, типа, коротит?

Братья посмотрели друг на друга.

— Блин, а ведь правда, — младший разведчик еще раз посмотрел на черную коробочку в руках и убрал ее от греха обратно в карман. — Я что-то не подумал. Кто его знает, куда мы зашли. Над нами запросто может быть мертвяк — там всю электронику выносит...

Он запнулся. Все, как по команде, умолкли тоже, оборачиваясь в сторону темневшего за ними, уже пройденного прохода.

Оттуда слышался шум. Его ни с чем нельзя было спутать — это шлепали по полуприблизившимся шагам. Шаги были не такими легкими, как у нелюди Луоры. Наоборот, быстрые, но идостаточно грузные, они сопровождалась хрюкающим, басовитым пыхтением — словно крупного и могучего астматика заставили бежать долгий кросс. Тихие вначале, они становились все громче, неотвратимоприблизжаясь к зоне света, которую выхватывал подрагивавший Вадимов фонарь...

— О, Боже! Там! Оно там!

Нервы у Яны не выдержали первой — вскинув автомат, она выпустила очередь в мелькнувшее в конце тоннеля огромное и расплывчатое нечто. Почти одновременно с ней грохнул SGK Сереги.

А потом все смешалось.

Запатавшиеся стены обрушили вниз обломки битого кирпича, вместе с кусками штукатурки — и тоннами песка и земли. Спасаясь от обвала, люди отпрянули дальше, в сторону, противоположную от входа. Стук и грохот порождали новый звуковой резонанс, который сотрясал стены и древнюю кладку, обдавая прикрывавших головы беглецов песком и кирпичной крошкой. Однако, несмотря на отдельные выпадения камней и угрожающие потрескивания свода, нового обвала не случилось. Отбежавшие на несколько десятков шагов Яна и оба разведчика, кашляя и задыхаясь, кое-как нашли друг друга в темноте и пыли. Сипя, отплевываясь и одновременно пытаюсь протереть глаза, Вадим направил пляшущий луч фонаря назад — туда, где раньше был выход. И откуда им почудилось приближение непонятной твари.

Никакого выхода больше не было. На месте коридора лежала свежая гора земли с торчащими из нее кирпичами. От покрытого пылью пола до самого потолка.

— Ну, приплыли...

— Блин, — Серега тоже протер глаза, с третьего раза все-таки сумевший закинуть оружие на плечо. — А что это было? Там? Яна, что ты видела?

Девушка укусила губу, растирая на лице грязевые разводы.

— Я... я не знаю. Я почти ничего не... — она встряхнулась, с трудом отрывая взгляд от свежей кучи земли, которая намертво затыкала дорогу обратно. — Слушайте, а где дядя Паша?

Разведчики посмотрели друг на друга. Потом одновременно — на обвал.

— Блин... не может быть... дядь Паш!

Сергея включил свой фонарь, зашарив им по обломкам кирпичей на полу. Яна схватилась за прическу, в отчаянии оглядываясь по сторонам. Вадим, хмурясь и карая желваки, рассматривал продолжавший сыпаться песком потолок...

— Да здесь я, ребята.

Егорыч обнаружился с противоположной стороны прохода, шагах в сорока. Как он умудрился опередить всех и сбежать так далеко в темноту, чтобы этого никто не заметил, оставалось загадкой даже для него самого.

— Дядь Паш!

— Да погодите вы, — выпутавшись из объятий Сереги, старый слесарь дохромал до завала. — Тварь эта где? Там осталась?

— Как видишь, — Вадим с шумом вдохнул через нос, продолжая с тревогой следить за понемногу пылившими щелями между кладкой. — Говорите тише, а то опять посыплется.

— Так что это было? Как ее — Л... Луора? Вышибла двери? Кто-то успел разглядеть?

Яна мотнула головой.

— По-моему, нет, — негромко проговорила она. — Это... что-то другое.

Сергея хмыкнул, стараясь, чтобы это прозвучало как можно увереннее.

— Да ладно, Снежок. Какое еще другое? Как оно могло сюда залезть — через стену просочилось, что ли?

— Так, всё, — Вадим резко отвернулся от завала и мотнул головой в сторону, которая осталась единственно возможной. — Идем отсюда, быстро. Обсудим... на поверхности.

После обвала идти стало труднее. Стены постепенно сужались. Если раньше в проходе могли спокойно разминуться три среднегабаритных человека, то теперь попавшие в ловушку беглецы шли по одному. На некоторых участках Вадим вынужден был даже пригибаться, чтобы не цеплять головой потолок. Кое-где непонятный ход заворачивал и петлял. И — хотя и не резко, а постепенно и вкрадчиво, но все-таки спускался вниз.

Воздух становился все более спертым. Измученные люди, тащились вперед в неясном свете одного фонаря, изнемогая под тяжестью рюкзаков. После стольких дней походных марафонов, нервов и недосыпания все, включая разведчиков, еле держались на ногах. Сильно сказывался недостаток кислорода, который кружил головы и туманил мысли.

Но остановиться, чтобы передохнуть, не предлагал никто. Люди шли в молчании, чего не было даже во время дневного бегства от Луоры. Никто не высказывал этого вслух, но мужикам не требовалось Яниных способностей, чтобы чуют то, что все они чувли сейчас.

Страх.

С самого момента обвала, когда непонятный ход не оставил им другого выбора, как только двигаться вглубь, они стали ощущать то, чего абсолютно точно не было здесь раньше.

Взгляд в спину. Кто-то смотрел на них из темноты, и чем дальше под землю, тем это чувство становилось все острее.

Егорыч уже давно перестал быть замыкающим — теперь позади топал сам Вадим,

держа тесак наготове. Перед квазом тащи́лась Яна, которая испытывала чувство острой вины за случившееся. Обвал вышел частично по ее вине — ведь она выстрелила первой. И, хотя никто из мужиков ничего ей не сказал, легче девушке не становилось. Серега и старый слесарь прокладывали путь впереди — один до боли в пальцах тискал ствол, другой судорожно обнимался с топором.

После обвала и до сих пор никаких звуков, кроме собственных, они пока не слышали. Но страх шел по пятам. Он тяжело смотрел из темноты в незащищенные спины, заставляя всех по очереди, и чаще всего — замыкающего Вадима оглядываться назад, с истовым нежеланием что-либо там увидеть. Страх вползал в души, забирался под кожу, затрудняя дыхание. Страх заставлял двигаться как можно тише и без разговоров, как будто от их молчания неведомое недоброе нечто потеряло бы к ним интерес и убралось восвояси...

— Интересно, сколько уже идем?

Серега на миг приобернулся, мазнув светом фонаря по осточертевшему кирпичу стены.

— По моим ощущениям — третий час.

Яна задрала голову к низкому потолку, в очередной раз вытирая взопревшую шею.

— Ничего себе!

— Ничего себе, — поддержал ее Вадим. Голос его звучал глуше и гораздо сильнее обычного. — И все вниз?

— Нет, — Серега мотнул головой, продолжив приостановленное было движение. — Последние минут пятнадцать все более или менее ровно.

Младший разведчик как накаркал. Не успели они отойти и на сотню шагов, как ход снова пошел под уклон. Здесь он сужался настолько, что более или менее свободно в ней передвигался только тощий и жилистый Егорыч. Другим приходилось несладко — особенно Вадиму, который и так долгое время шел в согбенном состоянии, а теперь и вовсе задевал плечами стены. Воздуха стало еще меньше, а затхлости — больше. Время от времени Яне чудилась тухлятина. Но после столького времени под землей она ни в чем не была уверена — могло и показаться. Ход упорно вел дальше вниз, и девушка старалась не думать о том, какая толща земли теперь находилась у них над головами. Как и о том, куда на самом деле вела эта земляная кишка, и что ждало их в ее конце.

Обвалы попадались еще трижды. Два раза земляные осыпи кое-как можно было обойти. Третий выдался настоящим испытанием — очередная гора земли вперемешку с ломаным кирпичом почти полностью перекрывала проход, оставляя только небольшое отверстие под потолком. Попытка его осторожно расширить немедленно вызвала угрожающие потрескивания и, в конце концов, решено было пробираться напролом.

Егорыч пробирался первым — и, по счастью, справился максимально удачно. Прополз несколько метров по тесной, как кишка, норе с рюкзаком и фонариком в зубах, он умудрился ничего не обрушить и фатально не задеть. Последовавший за ним Серега тоже справился на ура. С Яной же возникли сложности. Она оказалась гораздо объемнее предыдущих ползунов. И, даже без рюкзака, почти сразу обвалила на себя целый пласт земли, из-за чего ей пришлось вернуться.

Некоторое время они с Вадимом тщательно изучали завал и прикидывали свои возможности не остаться здесь похороненными навсегда. Наконец, разведчик решился. Забравшись по обрушенной Яной свежей горке земли, он пополз впереди, толкая перед собой рюкзаки. Девушка старалась не отставать, крепко вцепившись в его ногу. С огромным трудом, обвалив на себя невероятное количество почвы, полуослепленные и

полузадушенные они все-таки выбрались из-под завала. Причем под конец Яну, которой доставались все последствия ползущего впереди Вадима, вытаскивали уже в шесть рук под градом летящих с потолка камней и песка. Очумелые люди едва успели отбежать подальше, когда новый обвал окончательно похоронил значительную часть коридора под собой.

Не тратя времени на то, чтобы отдышаться, они пошли дальше. Чернота вокруг как будто сгущалась, хотя на деле происходило наоборот — это фонарь Сереги садился, делаясь тусклее. Ощущение взгляда в спину по-прежнему не оставляло никого, несмотря на то, что они своими глазами видели завал — а значит, за их спинами точно никого не могло оставаться. Идти стало совсем тесно. Стены и потолок сдвинулись, точно желая расплющить потерявшихся в них жертв. Рюкзаки пришлось снять и нести в руках, кое-где пригибаясь и протискиваясь боком. Временами потолок делался до того низким, что потерявшимся под землей людям приходилось становиться на четвереньки и передвигаться вперед ползком.

— Да что это за проход? — не выдержал Серега, когда в очередной раз осточертевшая кирпичная кладка стиснула узкую и затхлую воздушную прослойку, а вместе с ней людей, до состояния комфорта семи-десятилетнего ребенка. — Зачем вообще потребовалось строить такой?

— «Зачем» — это не правильный вопрос, — негромко пробормотала Яна, перед глазами которой в едва разгоняемой темноте маячил тощий зад Егорыча. — Правильнее было бы спросить «кому». И... «как».

Она умолкла, и еще долго никто не говорил ни слова. Фонарь Сереги светить почти перестал, и младший разведчик заменил его Вадимовым, который передали по цепочке. К счастью, спустя несколько десятков метров коридор расширился, и дальше продолжал расширяться. Спустя еще неизвестное количество тягостного времени, идущий впереди Серега приостановился.

— В чем дело?

Младший разведчик поднял руку, указывая вперед. Там, на фоне черноты, едва заметно синело некое пятно.

— Воздух понюхайте.

Егорыч был прав — после энного количество часов тухлой затхлости подземелья, воздух в этой его части стоил того, чтобы его нюхать. Он был необычным, прогоркло-соленым, и при этом — свежим. Такой воздух мог быть только возле...

— Выход!

... Туннель заканчивался так же неожиданно и нелепо, как начинался — только на этой стороне он не был закрыт дверью. Выбравшиеся по одному измученные до полного отупения люди замирали от зрелища, которое открывалось их глазам.

Выход из норы выводил на пригорок одного из череды островков в протянувшемся на многие километры огромном соленом озере. О том, что они видят перед собой именно соль, стало понятно не сразу.

Рассвет едва-едва начал раскрашивать небо в невообразимые тона. И в свете красно-желто-фиолетового гладь соленого озера, которая идеально отражала небесные оттенки, с выступавшими из-под воды камнями и остовами древних деревьев, покрытых плотными, словно пенными, соляными наростами показалась поверхностью другой планеты.

Озеро окружали холмы, но в неясном свете зарождавшегося дня и на таком расстоянии они едва были видны.

— Слава Тебе, Господи, — выбрались, — Вадим, который едва протиснулся в узкую щель выхода, встал рядом с замороженными зрелищем товарищами. — А куда нас...

Он умолк. Некоторое время разведчик вглядывался в горизонт. Потом отобрал у Егорыча бинокль, который тот наотрез отказался оставлять, и умудрился сохранить, ползая по подземелью. И тщательно осмотрел близлежащие холмы.

— Не может быть, — он передал бинокль брату. — На, полюбуйся.

Сергеа махнул рукой, но бинокль взял.

— Я и так вижу, — обозревая то же, что и Вадим, медленно проговорил он. — Я знаю это место. Оно всегда поражало меня... Но этого реально, по-настоящему не может быть. Даже здесь...

Яна, которая стояла между Егорычем и Серегой, полуопустив белые ресницы и подставляя лицо свежему пахучему ветру, бросила на младшего разведчика быстрый взгляд.

— О чем вы говорите?

Тот вздохнул и опустил бинокль.

— Видишь ли, Снежок, — он почесал затылок, потом зачем-то оглянулся на темневшую за их спинами дыру. — Мы хорошо знаем этот участок. Здесь происходит слияние трех кластеров — трех разноцветных озер. Видишь островки соли? Здесь они прозрачные, и по поверхности озера можно ходить. Глубина по щиколотку. Но к северу и к западу дно уходит вниз. Севернее вода зеленовато-желтая. К западу она красная, как кровь. И соляные острова как будто покрыты брызгами крови. Есть мнение, что воды, которые западнее — и есть знаменитое чилийское Озеро Дьявола, место скопления множества земных аномалий...

Яна подняла брови.

— И что? Хочешь сказать, что это, — она кивнула за спину, — как-то связано с озерами?

— Нет. То есть да... Скорее всего. Но я не это хочу сказать, — Сергеа бросил взгляд в сторону Вадима, но тот разглядывал остров, который темнел в нескольких сотнях метров к северо-востоку. — Я хочу сказать... Давай лучше покажу.

Он вытащил из кармана навигатор и включил его. К невероятному облегчению, экран мгновенно засветился ровным светом, показывая карту мира.

— Вот, то где мы сейчас, — разведчик ткнул пальцем в желтую область, которая

пятнышком выделалась на по большей части зеленом фоне. — А вот то место, где предположительно вошли в тоннель.

Некоторое время Яна и Егорыч сосредоточенно изучали электронную карту, которую братья упорно именовали навигатором. Потом девушка подняла брови.

— Судя по масштабу...

— По верху от кластера Луоры до этих озер идти примерно полторы недели, — вмешался Вадим, который тоже разглядывал карту. — Мы просто не могли преодолеть такое расстояние за такое время.

Миг или два Яна и Егорыч соображали. Потом снова синхронно обернулись на загадочную дыру.

— Аномалия. Отмечай, — Вадим потряс свой навигатор, и тот неожиданно замигал, включаясь и являя такую же карту. Разведчик, до конца не веря, бросил взгляд на свои ожившие электронные часы. — Ого. И это работает.

— Похоже, мы все-таки вернемся в штаб не с пустыми руками.

Старый слесарь хмыкнул.

— Ну проход да. Со странностями. А, стало быть, тварь та из леса — не аномалия, ребят?

Кваз усмехнулся в ответ и качнул головой, аккуратно клацая когтем по поверхности своей карты.

— Аномалия. Но ненужная. От Луоры толку никакого. А вот от тоннеля...

Яна зябко потерла плечи.

— А от тоннеля какая польза? — рискнула уточнить она. — По нему толком не пройдешь. Да и завалы...

— От тоннеля есть польза, — Серега закончил делать пометки и, еще раз оценивающе оглядев карту, погасил устройство, пряча его обратно в карман. — Мы не знаем, его принесло с Земли или это что-то местное... или симбиоз того и другого, который сможет рассказать больше о механизмах Улья. С завалами просто — после перезагрузки их, по идее, не будет. И Луора... опять заснет. Если в следующий раз ее вообще принесет в эту реальность.

— Чего ж не принести, — напомнил Егорыч. — Ежели уроды о ней знали. Ну которые за нами гнались, когда мы животы квасили в лесной яме. Они не стали нас искать — значит, знали, что можно на эту с... сухопарую нарваться.

Никто ему не возразил. Вадим все еще занимался навигатором. Серега спорить и не собирався — похоже, аргументы Егорыча показались ему абсолютно убедительными.

— Ребята, — Яна поморщилась, поводя плечами, гудевшими под тяжестью автомата и походной сумки. Выждав, сколько могла, она решила поднять наиболее интересовавший ее в данный момент вопрос. — Это все хорошо и интересно... Но, может быть, пока отойдем куда-то и сделаем привал? Не знаю, сколько мы шли по этому тоннелю. А по факту — на ногах уже целые сутки...

Несмотря на чудовищную усталость, которая на свежем воздухе и в лучах поднявшегося солнца навалилась конкретно, до помутнения в глазах — привал получился не сразу. Сначала все, не исключая Яны, решили оставить как можно большее расстояние между собой и загадочным тоннелем. Откуда им по-прежнему чудилось всякое и разное, включая тот самый взгляд в спину, от ощущения которого люди не могли избавиться даже стоя

снаружи. Поэтому, напрягая последние силы, они не поленились пройти еще не меньше километра, и остановились, когда до ближайшего берега оставалось всего ничего.

Здесь, как на атолле, подножие которого обросло многолетней могучей солью, они кое-как выкопали себе выемку, со всех сторон окруженную камнем для маскировки. И, уже ни с чем не сообразуясь, повалились спать, даже не успев толком расстелить с таким трудом волоочимые одеяла.

Спали до самого вечера, и все без исключения — даже всегда настороженный Вадим. Проснулись поздно — когда закатное солнце уже коснулось своим краем вершины одного из окружающих озеро холмов.

К тому моменту, когда мятая, заспанная и нечесаная Яна кое-как сумела продрать глаза и ощутить все последствия нескольких прошедших суток, а после и отдыха на камнях, остальные уже расползлись из ямы и по мере возможности приводили себя в порядок.

Возможностей, впрочем, было не много. Несмотря на окружающую остров воду, пить или хотя бы умыться ею не представлялось возможным ввиду убойного состава растворенных солей. После утреннего перехода по щиколотку в этой жидкости, ботинки Яны и Егорыча пришли в полную негодность. Даже специализированная обувь братьев выглядела так, будто ее долго и злонамеренно вымачивали в щелочи.

— Вот жешь, — вертя в руках армейские ботинки, сплошь покрытые соляными разводами, поражался Серега. — Ты смотри, что делается. Подошва вот-вот того... И портянки — до дырок! Это вообще как?

— Да не мельтеши ты ими здесь, своими портянками, — Вадим с досадой отодвинул его руку. И, примерившись, одним круговым движением вскрыл когтем кильку в томате. — Как — придется идти на новой обуви. Как же еще.

Егорыч прицыкнул щекой и отставил свои резиновые сапоги с проеденными в них дырками и поникшими декоративными шнурками.

— А что, есть поблизости какой магазин? — мрачно поинтересовался он.

Братья переглянулись.

— Нужно проверить, — после паузы проговорил Серега, судя по всему, так толком и не вспомнив. — Я когда-то проходил здесь... года, может, три назад. Тут, прямо за холмами, обитаемый кластер. Ну, как обитаемый... подгружается кусок какого-то ПГТ, вместе с жителями. Всего пару улиц, но есть ли там именно магазины — в упор не помню...

— Проверим.

Вадим посмотрел на вяло жующего Егорыча, потом — на Яну, которая давно уже воевала с волосами, и неслышно вздохнул.

— Давайте ко мне поближе. Нужно уточнить положение, в котором мы оказались.

Он подобрал с камня подзаряженный на солнце навигатор и активировал его, подгрузив нужную область.

— Вот, — дождавшись всех взглядов, разведчик ткнул когтем в помеченный желтым район. — Наш солончак, у самой границы Пустыря. Здесь, ближе к западу, безлюдные территории постепенно переходят в те, которые подгружаются вместе с городами и населением. Соответственно, плотность зараженных и исходящая от них опасность усиливаются.

Послушно не отрывая глаз от указующего когтя, Яна кое-как доплела подобие косы.

— Желтым помечены опасные зоны? — уточнила она, вытирая лоб рукавом.

— Да. Сами видите — почти весь Пустырь — зеленый, из-за отсутствия тварей. К слову,

Сергея, — Вадим повернулся к брату, который, как и остальные, следил за картой. — Кластер Луоры следует озаглавить. Выставишь пометку с вложенным комментарием.

Младший разведчик кивнул.

— Я сам об этом думал. Хотя границы кластера мы можем прикинуть только очень приблизительно. Надо будет все хорошо посчитать... Сделаем.

— Желтым помечены зоны средней опасности. Красным — высокой, — продолжил лекцию кваз, увеличивая приближение. — Поскольку мы оказались совсем в другом районе, на другом маршруте, линия поведения меняется. Теперь...

— Погодь. Извини, что прерываю, товарищ начальник, — Егорыч поскреб щеку, потом — бороду, по-видимому, стимулируя складное собирание слов в конкретную мысль. — А что нам мешает вернуться на старый маршрут? Обратно, в зеленую зону? С чего что-то менять?

Вадим нетерпеливо дернул плечом.

— Да ничего не мешает. Мы обязательно вернемся. Но сначала сходим в этот кластер. Обувь необходимо заменить всем. Оружие... как получится. И достать еды. Это, что едим сейчас, последнее. Не считая кофе и крупы из зимовья. Даже завтракать нечем.

— Понял, — старый слесарь снова потянулся скрести бороду. — Тогда еще вопрос. Как с оружием быть? Если появятся эти... хари? С топором на них, что ли, кидаться? Да и огнестрел этот ваш... Видал я уродов — там большую тушу не всякая гаубица возьмет. Мож того... лучше все ж босиком, но при голове неоторванной?

Разведчики переглянулись еще раз.

— С оружием действительно напряг, — признал Сергей. — Мы выходили не очень богатые, а потом элитник, которого прощелкал наш покойный сенс, довершил разгром. Спасли что спасли. Но снаряжение на месте.

— Снаряжение?

— Интересно, Снежок? — Сергей подмигнул, в очередной раз являя контраст всегда нахмуренному Вадиму. — Мы, конечно, не охотники. И не самая зажиточная разведка, но кое-что припасено и у нас...

— Лучше бы ты больше говорил по делу, — старший брат неодобрительно поморщился. — Но если коротко — он прав. Война с монстрами это не только стрельба. Так....

Он полез в свой мешок и вытащил оттуда несколько разновеликих капсул.

— Короткий инструктаж, — Вадим разложил капсулы перед придвинувшимися ближе новичками. — Подробно послушаете на курсах БЖД, если сумеем добраться домой живыми. Сейчас расскажу основное и по-простому. Вот эти, — он провел когтем над лежащими одна подле одной крупными и продолговатыми коричневыми «таблетками», — дымовые. Открыть и кидать между собой и тварью. При взаимодействии с воздухом или водой начинается реакция. Воздействие на зараженных — нейропаралитическое... К сожалению, на все сто процентов действует только на мелких и слабых особей. Но отпугнет даже матерого элитника, дезориентировав на какое-то время. И, конечно, это время потребуется употребить с максимальной пользой. Перед выходом раздам по одной.

Разведчик сгреб «таблетки», отодвигая их в сторону.

— А вот эти, синие, — основное оружие против элитных зараженных, — девушка и слесарь послушно обозрели устройства, на вид мало чем отличавшиеся от стандартных боевых гранат по типу Ф-1, только имевших другой ребристый рисунок поверхности. —

Высшего зараженного вы оба уже видели. Как и его броню

— Я, ребят, обошелся бы без того, чтобы еще раз такое увидеть, — не удержался слесарь.

Вадим подцепил одну из гранат, укладывая ее в ладони.

— Пробить броню из калаша почти невозможно. Лучше не тратьте зря патронов. Но дело не столько в броне, сколько в биополе, которое существует вокруг каждой твари. Такая граната пробивает в поле бреша... при удачном броске нивелирует действие биополя на несколько секунд. За это время нужно постараться уложить монстра. Целиться в споровой мешок. Если нет возможности — в голову. Получится — под мышку, там броня высших зараженных наиболее уязвима. Но сами понимаете, что попасть в такое место — это из разряда очевидного и невероятного...

Егорыч шмыгнул носом и потер затылок.

— А от привидений вам, значит, отмахиваться нечем?

— Ты Луору, что ли, имеешь в виду? — Серега, который до того давно уже елозил задом по неудобному камню, поднялся, упираясь ладонями в поясницу. — Так это тварь уникальная. Мы уже семь лет в Улье, а никогда не приходилось видеть или хотя бы слышать ни о чем подобном. Было б такое повсеместно — придумали бы и от нее. Не сомневайся.

— Это не местное явление, — поддержал брата Вадим. — Ее, скорее всего, приносит с Земли, вместе с поляной. Как и ту тварь из тоннеля. На Пустыре подобное подгружается возле подобного. Мы думаем, в том месте как раз — сборище всевозможных аномалий.

— Наверное, там их еще больше. Аномалий, — Яна, после колебания, вытащила из рюкзака флягу с водой и сделала несколько глубоких глотков. — Просто мы не все нашли.

— Скажи лучше — не во все вляпались.

Девушка улыбнулась в ответ на улыбку младшего разведчика.

— Ну, собрали, что смогли.

— Ваще-то, ребят, я тут покумекал... У тоннеля этого, нашего, может быть объяснение, — Егорыч покосился за спину, где на горизонте едва заметно темнел остров с оставленной там дырой. — Что если это наложение одного... кластера на другой?

— И оба с тоннелями?

— Да это может быть что угодно. Как и то, что вспугнуло нас там, — Вадим махнул левой лапой. Краем сознания Яна отметила, что несмотря на выпавшие им испытания, рана на здоровенной туше кваза почти затянулась. Во всяком случае, действовал ею он все увереннее, и о свежих перевязках не просил. — Мы можем только гадать. Давайте сойдемся на том, что это что-то неизведанное, с чем мы могли столкнуться и на Земле. И перейдем к делам более насущным. А именно — как нам с вашим... боевым опытом пробраться в кластер с зараженными и выбраться оттуда без потерь.

Он помолчал.

— Слушай, а может быть, ну их, брать с собой? — Серега прошелся взад-вперед по краю острова. На фоне заката и отраженного в воде красного солнца его силуэт представлялся сидящим почти черным. — Возьмем у них по тапку, и там, сами, если найдем подходящие, примерим по подошве. А они нас тут подождут? Как считаешь?

На несколько минут повисла тишина. По лицу Егорыча трудно было догадаться, что он думает о новом неожиданном предложении. Яна хмурилась, кусая губы. Вадим, против ожиданий, не хмурился, а испытывающе переводил взгляд с одного на другую.

— Что скажете? — спросил он, наконец.

Девушка бросила на него быстрый, настороженный взгляд и неопределенно дернула щекой.

— Если вам так будет удобнее, могу остаться, — медленно проговорила она, подбирая слова. — Но я бы хотела пойти.

Егорыч едва слышно хмыкнул.

— А ты тварей не боишься?

— Боюсь, — не стала скрывать Яна, без нужды расправляя на колене полу от своей куртки. — Но мы не в первый раз должны будем с ними столкнуться. И не в последний. Но я считаю, что если здесь без таких встреч нельзя, то лучше начать привыкать к ним как можно раньше. Чтоб потом не сильно пугаться... в самый неподходящий момент.

Разведчики переглянулись в который раз. На лице Вадима промелькнуло нечто, что можно было принять за улыбку.

— А ты, дядь Паш?

Слесарь усмехнулся, пожевав небритым подбородком.

— Ну а что я? Один, что ли, буду тут сидеть, как дурак? Девка права — надо... привыкать. На зуб бы только не попасться.

Старший разведчик впервые за долгое время улыбнулся открыто, блеснув хорошими клыками.

— Будем стараться, чтобы этого не случилось.

Сергеа согласно кивнул.

— Тогда, раз с этим разобрались, давайте переходить ко второму этапу, — предложил он, подсаживаясь обратно к товарищам. — Исследуем местность по карте и подумаем, с какой стороны нам завтра лучше туда подступаться.

— По карте?

— Ага. По панорамной. Думаете, зачем разведка использует все возможности для съемки?

— Насчет возможностей. Сфотографирую-ка я этот закат, — Вадим резко поднялся, зашарив между сваленных рюкзаков. — Наверняка в навигаторе нет ракурса с этого острова.

Сергеа максимально приблизил карту, которая покрылась фиолетовыми нитями. Кое-где нити утолщались до пятен. Кое-где пятна красовались по-отдельности от нитей.

— Фиолетовым помечены те области, где производилась съемка. Каждый раз очередная группа, возвращаясь из экспедиции, предоставляет материалы съемки новых маршрутов. Так как информация постоянно пополняется, мы периодически сдаем навигаторы для обновлений. Вот, смотрите, здесь мы. А вот здесь — нужный нам кластер.

«Обувной» кластер обнаружился действительно недалеко — для того, чтобы туда попасть, нужно было обойти озеро с северо-запада и перевалить через холмы. Сергеа тронул пересекавшую его фиолетовую нить, и та внезапно раскрылась на весь экран, демонстрируя неширокую улицу, характерную для типичных поселков средней полосы.

— Вот, — разведчик, тыча в направляющие стрелки, «повел» наблюдателей по улице, которая местами выглядела так, будто по ней били из артиллерии. — С той стороны поселок обрывается в никуда, и упирается в наши холмы. С другой ведет к небольшой площади, на которой стоит... Ну, точно стоял парк аттракционов. Там вокруг магазины. Это я точно помню. Может быть, среди них есть и обувной. Если сможем разглядеть... Дядь Паш, ты чего?

Яна тоже заглянула в застывшее лицо слесаря с некоторой тревогой. И, переглянувшись

с Серегой, осторожно тронула его плечо.

— Павел Егорович, что-то случилось?

Слесарь поморгал глазами и с видимым усилием потрянул головой.

— Да. Случилось, — отрывисто проговорил он, к удивлению остальных. — Это ж... етить твою, это ж райцентр! Наш райцентр, ёпт... Точно, наш! Вон она, остановка! — он ткнул пальцем в экран навигатора, на котором в данный момент красовалась облезлая лавка под красным навесом. Рядом с лавкой можно было разглядеть еще перевернутую урну и длинный кровавый след по земле. — Да, уверен. Я ж к ней сорок лет из нашего захолустья на работу катался!

— ...проход вон там, между церковью и моим заводом. Площадь на улицу дальше. На ней все лето карусели расставлены. Магазины — вокруг площади, и еще по чуть-чуть вдоль улиц. Есть несколько торговых точек по району. Но они продуктовые. Если за каким барахлом, то на площадь надо идти, однозначно.

Вид с холма открывался великолепный. Он мог быть еще лучше, если бы не буйная зелень произрастающих то тут, то там деревьев. Еще на подходах к застывшему в низине поселку разведчики обнаружили несколько яблонь с вполне съедобными яблоками. И, несмотря на серьезность предстоящей операции и голодные желудки, с удовольствием их обнесли.

— Эх, сюда бы бригаду, — с вожделием оглядывая кренившиеся под тяжестью спелых яблок древесные кроны, посетовал Серега, тем не менее, не теряя бдительности. — Набрали бы несколько контейнеров сразу.

— Дороговато обойдется, — Вадим не отрывал взгляда от дороги и примыкавших к ней проулков. Но пока сумел разглядеть только двух «бегунов», ритмично раскачивавшихся один подле другого, как два болванчика. Бегуны торчали в стороне, под сенью березы, и особо на нервы не действовали. — По земле не особо подъедешь. А по воздуху — овчинка не стоит выделки.

— Ну да, тут нет ничего, кроме яблок. Зато каких!

В кустах впереди, на расстоянии метров пятнадцати, зашуршало. Очевидно, разбуженный или привлеченный их голосами, оттуда поднялся грязный дед с всклокоченными слипшимися патлами, свисавшими по обе стороны от безумной морды. Гуркнув, дед потоптался на месте — и вдруг рванулся в их сторону, ломая бурьяны и молодые побеги дикой яблони.

— Дядь Паш, он твой.

Стоявшие плечом к плечу люди дернулись в разные стороны, пропуская безумную тварь, которая раньше была человеком. Грязный дед, по инерции пробежавшись дальше, притормозил. Развернувшись, он миг или два постоял в растерянности. После чего опять бросился вперед — на оказавшегося ближе всех Вадима.

— Нет, ну ты посмотри на него — совсем тупой! На самого сильного кидается!

Зараженный и впрямь оказался лишен даже намеков на самосохранение. Он дернулся вслед за ускользнувшим от его объятий квазом, и тут же снова пошел на Вадима. Урчание, которое издавал при этом не то он сам, не то его утроба, казалось почти умоляющим.

Егорыч решил. Перехватив топор поудобнее, он подскочил к зараженному сзади — и треснул того по башке. В последний миг тварь обернулась, но этим только сильнее навредила себе. Хряснувшее лезвие топора скользнуло по затылку и вспороло пузырившийся на нем бугор.

Зараженный взуркнул — и мешком свалился под ноги слесаря.

— С почином, дядь Паш.

Голос Сереги звучал без обычной веселости. Егорыч отвернулся в сторону, кусая губы.

— Понимаю, отец, — лапа Вадима на миг стиснула его плечо. — В первый раз всегда так. Слишком они на людей похожи. Но если их не бить — ты видел сам, во что это может вырасти.

Слесарь, продолжая молчать, кивнул и, присев, дрожащими руками тщательно вытер топор о траву. Яна, взяв протянутый ей нож, углубила разрез в пузыре зараженного, и без особой брезгливости залезла туда рукой.

— Есть.

Она вытащила знакомую мелкую горошину. Серега тщательно вытер добычу и отправил во внутренний карман.

— Да ты счастливчик, дядь Паш.

Девушка вытащила еще один кругляш. И резко вскочила, вскидывая руку в немом указующем жесте.

По дороге, не особо торопясь, но и не медленно, к ним приближалась новая тварь. Ростом почти на голову выше Вадима, она имела сильно удлиненные, толстые верхние лапы, которые заканчивались когтистыми, корявыми пальцами. Колоннообразные ноги твари были необъятными и такими, что нечего было думать пытаться одолеть такое топором. Монстр чем-то напоминал гориллу, разве что был гораздо страшнее. Вокруг него — по дороге и кустам, шастало еще с полдюжину тварей поменьше.

— Допрыгались, — одними губами пробормотал кваз. — Кусач со свитой пожаловали. Ну-ка все ко мне. Медленно и спокойно. Возьмите меня за руки.

Яна очутилась рядом еще до того, как осознала суть приказа. Миг спустя знакомое головокружение возвестило о «включении» аномальной маскировки старшего разведчика.

Монстры, до того двигавшиеся уверенно и неторопливо, зарыскали на месте, дергая во все стороны уродливыми мордами, и принюхиваясь. Гориллообразный вожак издал раздраженный уркающий рев.

— Так, — продолжая отступать к деревьям, и облепленный со всех сторон взволнованными спутниками, Вадим бросил несколько быстрых взглядов по сторонам и остановился на торчавшей чуть стороне от дороги могучей акации. — Слушайте сюда внимательно...

... Вожак, матерый кусач, на глазах у которого только что исчезла вожаденная добыча, внезапно снова увидел ее. Добыча была уже не первой свежести, жилистой и тощей, но активно карабкалась по дереву вверх, стремясь подняться как можно выше от земли.

Рыкнув, он рванулся с места. Пятеро сопровождавших его бегунов неслись рядом, не решаясь, однако, обгонять вожака. Не обращая внимания на свиту, кусач в несколько мгновений оказался возле дерева и с разбегу долбанул в него грудью и головой.

Дерево сотряслось с вершины до основания. Однако, жертву это не свалило. Наоборот, перепуганная добыча вцепилась в ствол руками и ногами, наотрез отказываясь падать на землю. Кусач ударил еще раз — и снова громко и раздраженно взревел. Он напряжился, собираясь подпрыгнуть и содрать на землю кусок неуступчивого мяса.

Но не успел.

Сзади под лапы топтавшейся стаи зараженных мягко перекатился подброшенный кем-то небольшой ребристый кругляш. Миг спустя он взорвался, опутав всех шестерых монстров бело-голубыми короткими злыми молниями.

Сразу вслед за этим затрещали выстрелы. Неизвестно откуда появившиеся далеко в стороне еще два куска добычи уже всю поливали незадачливых охотников свинцом. Всхаркнув от ярости, кусач бросился на обидчиков — и вдруг с ходу завалился набок, по инерции прокувыркнувшись еще на несколько десятков шагов.

Возникшая рядом с ним огромная и самая могучая добыча с длинным острым когтем в

руке, единым резким движением свернула шею оставшемуся на ногах бегуну из свиты. И, обозрев поле боя, довольно хмыкнула.

— Молодцы, сработали, как по учебнику. Давайте, бегом собираем урожай. Настреляли порядком. Сейчас, скорее всего, попрут еще.

Прогнозы Вадима оправдались. Привлеченные звуками выстрелов, к новым гостям кластера стеклись еще полтора десятка монстров, в основном представителей низших ступеней зараженных. Отсутствие крупняка, по-видимому, объяснялось сильной удаленностью кластера от обитаемых регионов. Но в этом конкретном случае людям это было на руку.

Выманив и изничтожив всех, кого только было можно на ближайших подступах к поселку, а заодно поднатаскав новичков в почти идеальных для этого условиях, к обеду разведчики добрались вдоль главной улицы до той самой остановки, которую накануне обозревали на картинке навигатора.

— Фух, — присев на ту самую скамью, Серега прислонил рядом с собой верный СГК и протер взопревший лоб. Отвинтив крышку у фляги, он с трудом попал подрагивавшей рукой в пересохшие губы и сделал большой глоток. — Не знаю, кто как, а я жутко есть хочу. Слона бы съел.

— Не каркай, — Вадим, дождавшись, пока брат напьется, отобрал у него флягу и в несколько могучих глотков высосал все до конца. — Приманишь еще... какого-нибудь слона.

— Да ну, брось. Водись тут элита, мы бы увидели ее с холма. Или сама бы давно прибежала на шум.

Серега поймал взгляд Яны и улыбнулся.

— Ну, что скажешь, Снежок? Как тебе первая охота?

Девушка тяжело и устало опустилась рядом на скрипнувшую под ней скамейку.

— Ничего охота, — к удивлению обоих разведчиков отозвалась она, приваливаясь спиной к задней стенке навеса. — Было даже азартно. Только... боезапас сильно истреляли. И так, наверное, бывает не всегда. Чтобы не очень опасно.

Серега ухмыльнулся. Подвинувшись, он освободил больше места для слесаря.

— Да, будь в этом захолустье... дядь Паш, не смотри на меня так, я расположение кластера имею в виду. Короче, будь здесь хоть один элитник, или хотя бы рубер, он бы задал нам жару. А так, считайте, на халяву разжились кошельком споранов. Даже четыре горошины добыли.

Он потянулся, приваливаясь затылком к стенке и прикрывая глаза.

— Эх, сейчас бы в какой-нибудь стаб. Помыться по-человечески, поесть в кафе. Поспать на чистом, в кино сходить...

— Ну, размечтался, — Вадим, единственный, кто оставался на ногах, с неослабевающим вниманием изучал окрестности. Несмотря на изрядно прореженную популяцию зараженных и отсутствие у Яны позывов на опасность, кваз, как командир их невеликого отряда, не мог позволить себе ослабить бдительности.

— А что? Норму по споранам мы уже, считай, выполнили. Спасибо тому элитнику. Тем более, и жемчуг есть. А излишками чего себя не побаловать? Если не сильно увлекаться?

— Погодите, — Яна привстала, с некоторым недоумением уловив какие-то новые для себя, но явно чужие ощущения. — Ребята, смотрите. Что это там?

Предчувствие не обмануло девушку — за деревьями что-то действительно двигалось,

стремительно приближаясь к остановке со стороны предполагаемой площади. Несколько мгновений спустя вниманию людей представилось зрелище, которое на первый взгляд могло показаться даже комичным.

Вдоль по улице, поджав хвост, скачками неслась большая старая овчарка. Загнанная псина тяжело дышала и, судя по всему, выжимала из себя последние силы. Рыча и уркая, ее преследовали двое зараженных. Чуть поодаль, в большом отрыве трусил еще один. Этот был послабее прочих и на рожон не лез, а может быть, просто не мог двигаться быстрее.

— Ты смотри, как чешет!

Мигом позже Серега забыл про ухмылки и резво вскочил на ноги, поскольку обреченная собака круто сменила маршрут. Очевидно, унюхав настоящих людей, она в отчаянии вообразила с этой стороны последнюю надежду на спасение. И теперь, выпучив глаза и прижав уши, стремглав летела прямо на них.

Отчего-то Яне некстати вспомнилась Вика — та несчастная тоже бежала что есть мочи, волоча на хвосте погоню. С которой потом пришлось разбираться за Янин счет.

Меж тем овчарка, наконец, достигла зоны комфорта потенциальных защитников и — недолго думая, забилась под лавку.

Вадим, досадливо сплюнув, сбросил рюкзак и выдвинулся навстречу тварям, на ходу пропадая из виду. Еще несколько мгновений спустя один из зараженных, вскрикнув почти по-человечески, завалился в траву обочины. Второй приостановился, завертев башкой — и рухнул ничком, пропахав носом асфальт.

Последний из группы, тот, который держался позади, сделал несколько неуверенных шагов вперед, и остановился. Очевидно, голод и жадность боролись в разуме твари с зачатками самосохранения.

Пока зараженный решал немаловажный для себя вопрос — идти вперед, или благоразумно удалиться, судьба решила за него. С хрустом свернув поганую шею, Вадим наконец-то появился в обозримой видимости. И, вытащив нож, вспорол зачатки пузыря на затылке убитой твари.

— Пустой.

Овчарка выбралась из-под лавки. Она выглядела действительно изможденной и очень старой. Но на удивление деятельной. Прямой наводкой вынюхав среди прочих Егорыча, она ткнулась мордой ему до руку, виляя хвостом и преданно заглядывая в глаза. Впалые собачьи бока, в такт молотившему воздух хвосту, ходили ходуном.

— Них... чтоб мне... етить... Найда! Слышите, ребят, это Найда! Найда, чтоб тебя!

Ничего не понимающий Егорыч с недоумением и даже суеверным ужасом пялился на четвероногую подругу, которую несколько дней назад собственноручно зарубил топором. Тем не менее, факт оставался фактом — живая и относительно здоровая псина явно признавала хозяина, тычась в него мокрым носом и норовя вылизать руки.

— Как? К-к...

— Да не бойся, дядь Паш, — сжалившийся Серега подтянул к себе овчарку и бегло прощупал ее туловище от ушей до хвоста. — Это твоя собака. Только из параллельного мира. Одного из. Видишь, в этой загрузке она иммунная.

Яна присела перед овчаркой. Собак она любила с детства, но по разным причинам реализовать мечту о собственном четвероногом друге так и не пришлось. Девушка потрепала взволнованную Найду по голове и потерла за ушами.

— Хорошая девочка. Хорошая!

Собака, видя такое внимание, переключилась на нового человека. Однако, попыток убедить в чем-то слесаря не оставила. Несмотря на явное отчуждение Егорыча, овчарка, словно безумная, продолжала вертеться вокруг него, наскакивать и лаять. Обступившие ее люди с некоторым недоумением наблюдали за поведением зверюги. Найда подтанцовывала задними лапами, попеременно заглядывая в глаза то хозяину, то Яне, то по ситуации — каждому из разведчиков, который попадался на пути ее рывков. Старую собаку явно что-то беспокоило, и это что-то крылось даже не в волнении от внезапно заново обретенного хозяина.

— Чего это с ней?

— Может, ей плохо? Ломка? Сколько, интересно, прошло времени после последней перезагрузки?

Вадим тоже присел, но поймать морду собаки в свои ладони не смог. Внезапно Найда цапнула зубами — но не укусила а, подцепив кваза за рукав, уперлась всеми четырьмя лапами в землю, куда-то его энергично потянув.

— Ей определенно что-то от нас нужно.

Егорыч, преодолев себя, потянулся рукой к собачьей морде. Найда тут же бросила рукав и с утроенной энергией забила хвостом, несколько раз тревожно гавкнув.

— Она куда-то нас зовет.

— Павел Егорович, — Яна, которая в таких ситуациях соображала быстро, прищурилась на волновавшуюся собаку — а потом подняла голову, посмотрев в ту сторону, откуда она появилась. — Вы же говорили, что живете не здесь, а в соседнем поселке.

Слесарь озадаченно кивнул.

— Работаю я здесь. А что? К чему ты...

— А до поселка вашего... до дома, отсюда далеко?

Егорыч пожал плечами, поморщившись на вновь принявшуюся тревожно лаять собаку.

— Километров двадцать пять будет, — он отдернул обслюнявленную руку. — Да тихо ты, холера! А чего спрашиваешь-то?

— Если вы живете не здесь, тогда откуда тут ваша собака?

Егорыч взялся чесать затылок.

— Не знаю, — после паузы выдавил он, наблюдая, как Найда почти умоляюще прижимает уши, пружинисто припадая к земле, чтобы миг спустя прыгнуть и сделать круг вокруг корпуса, не сводя взгляда с людей. — Сбежать она не могла. Не дура. Федька, сын, ее иногда с собой брал — когда они с Машкой и малыши до райцентра катались. Проветриться...

Он запнулся, посмотрев на овчарку уже другими глазами. Вадим, в отличие от слесаря, гораздо раньше сообразивший, к чему клонит девушка, в несколько резких движений вернул на плечи рюкзак.

— Пошли, посмотрим, — кваз цокнул языком. Правильно истолковав этот звук, овчаркаобрадованно рванула по улице в направлении площади.

Отбежав десятка на два шагов, она приостановилась, оборачиваясь, чтобы узнать, следуют ли за ней люди.

— Давайте быстрее. Отец, если там кто-то из твоих...

Вадим не договорил, но всем и так все было понятно. Утомленные люди, вновь входя в режим повышенной бдительности, без шуток заспешили за собакой. Которая, удостоверившись, что убедила двуногих с ружьями следовать за собой, уже целенаправленно

и без лая, неслась в сторону площади.

К облегчению Яны, да и, похоже, не только ее, бежать пришлось недалеко и недолго. Беспокойная собака привела людей на залитое солнечным светом обширное пространство, куда сходились все улицы с пяти сторон поселка. В центре площади был разбит полузаросший сквер. Здесь среди растущих где попало деревьев и неподстриженных кустарников стояли яркие качели, карусели, билетные будки и прочие атрибуты провинциального «Луна-парка».

Точнее, того, что от него осталось. Часть аттракционов было заметно повреждена. Кое-где виднелись кровавые потеки и валялись обглоданные кости. Такое встречалось и на улицах на пути сюда. Однако, похоже, что здесь, в центре, народу было больше всего. И, соответственно, случившееся оказалось гораздо масштабнее и страшнее.

Витрины окружавших площадь магазинов в большинстве своем оказались побиты. Но их содержимое, насколько можно было разглядеть с улицы, еще годилось для использования и употребления.

По площади бесцельно бродило несколько мелких зараженных. Очевидно, учуяв их издали, а потом и увидев, овчарка резко сбавила скорость, и снова стала держаться ближе к людям.

— Следите за проулками, — приказал Вадим, вынужденно доставая верный тесак. — Патроны зря не тратьте. И меньше шума.

Он исчез. Яна отметила, что сегодня Вадим гораздо чаще и дольше задействовал свой Дар, чем у него получалось на берегу озера и в лесу. Должно быть, по аналогии с физическим состоянием, Дар Улья зависел от возможности хорошо отдохнуть, отсутствия ранений и — обилия выпитого «лекарства» которое Серега называл живчиком. Перед походом кваз проглотил несколько горошин и выпил большую часть того, что оставалось в бутылке, оставив только немного на дне. Девушка смутно догадывалась, что последнее весомее всего повлияло на его теперешние возможности.

... Их вмешательства не потребовалось. Уложив один за другим трех тварей, кваз вернулся обратно — причем не с пустыми руками. В ярком пакете он принес две упаковки сока и несколько шоколадных батончиков, взятых прямо с витрины разбитого киоска.

— Не смог удержаться, — он дождался, пока добычу разберут, и щедрой рукой отправил в пасть свою командирскую долю. — Где собака?

Найда терпеливо дожидалась возвращения вожака. Убедившись, что люди расправились с плохими, она негромко гавкнула и снова ломанулась вперед — через сквер, прямо к расставленным там качелям и аттракционам.

— Да куда ее несет, эту с... псину?

Достигнув карусели с кабинками в форме поникших лебедей, собака побежала в обход конструкции. Сверху раздавалось слабое урканье — в приподнятом над землей и замершем в таком положении лебеде кто-то копошился, судя по толчкам — кто-то небольшой. Стараясь не обращать на это внимания, тем более что зараженный, скорее всего ребенок, не мог самостоятельно даже выбраться из кабинки, люди вслед за своей четвероногой проводницей обогнули лебедей.

Их взглядам представился замусоренный задний двор карусели который одновременно служил тылами еще какого-то аттракциона. Какого — отсюда было не разглядеть из-за сплошной глухой стены. Но внимание людей привлекла не стена.

У подножия «лебединой» карусели отчего-то пузом на земле валялся еще один

зараженный. В отличие от всех прочих, с которыми пришлось иметь дело в этом кластере, этот выглядел изможденным настолько, что не мог подняться. Очевидно, из последних сил, дергаясь и взуркивая, он пытался добраться до чего-то между стальных пластин, которыми были прикрыты опоры аттракциона. Занятый своим делом, он даже не обратил внимания на появление новых действующих лиц, и вяло дернулся только, когда не пожелавшая подойти к нему ближе Найда злобно гавкнула, обнажая клыки.

— Ну и чего ради мы сюда пришли?

Вадим молча обошел зараженного и одним ударом ноги сломал тому шею. После чего той же ногой отпихнул тушу в сторону.

Сереге, присев, осветил в щель фонариком.

— Видно что-нибудь?

— Ни шиша. Только опоры и... тряпки какие-то. Мусор.

Яна бросила взгляд на собаку, которая, поскуливая, продолжала беспокойно вертеться возле дыры.

— Но что-то эта тварь там искала. Я имею в виду зараженного.

Сереге встал на четвереньки и, помедлив, сунулся в щель головой и плечом. Некоторое время он, очевидно, изучал обстановку, потом удивленно дернулся.

— Ого! Есть. Тут двое мелких. У дальней стены. Закопались в мусор так, что сразу и не разглядишь.

Егорыч хмыкнул, и впервые с того момента как увидел свою-несвою собаку, провел заскорузлой ладонью по ее голове.

— Я ж говорил — она не дура. Молодец, старая.

Яна тоже тяжело опустилась рядом, пытаясь из-за плеча Сереге заглянуть в темноту.

— Почему молчат? Боятся?

— Да кто их знает. Эй, малышня! Вы там как, живые? А ну, на выход! Эй!

Сереге подвигался в узкой щели, переменяя положение.

— Пацан! Харе притворяться — я вижу, что ты меня слышишь! Давай, ползи сюда и сестру свою тащи. Это ж сестра? Времени нету, слышишь? Монстров мы прогнали, но они скоро могут вернуться. Ну, слышал, нет?

Разведчик снова подвигался, ослабляя давление стали на грудную клетку. И — предпринял еще одну попытку.

— Пацан, ну не заставляй себя уговаривать! — Сереге сделал паузу и сменил тактику. — А знаешь что — сиди там. Пусть монстры тебя съедят. А я уже уйду. И собаку твою с собой забираю. Не хочу, чтобы ее съели. Теперь это будет моя собака. Понял? Ну, и все. Договорились. Пойдем, собачка...

— Это не ваша собака, — внезапно глухо донеслось из почти заткнутого Серегой лаза. Голос был детским и очень слабым. — Найда — наша! Вы не имеете права ее забирать!

Рука Егорыча, поглаживавшая голову овчарки, дернулась. Распихав загоразживавших дыру Яну и Серегу, он сам бухнулся на карачки, заглядывая в черноту.

— Лёха! Ты, что ли? А ну, вылазь. Вылазь сюда, сказал!

— Деда!

Несколько секунд было тихо. Потом под каруселью зашуршало. Несколько мгновений спустя из дыры показалось замурзанное лицо пацана лет семи-девяти. Пацан был сильно изможден. Его глаза лихорадочно посверкивали.

— Деда! Ты нас нашел! Деда!

Он с трудом выбрался целиком и миг спустя оказался в крепких объятиях Егорыча. Опираясь на основание качели, Серега поднялся на ноги, и помог подняться Яне.

— Ничего себе, как оно бывает. Такое вот — это один шанс на...

Старый слесарь, реальность которого совсем неожиданно для него на миг поплыла, решительно шмыгнул носом, взъерошивая волосы на детской голове.

— Лёха! Ты как вообще... Блин, а ты чего такой рыжий?

Мальчик, не разжимая судорожно стиснутых пальцев, которыми он цеплялся за куртку деда, поднял покрасневшее лицо.

— Я... что? Я же всегда...

Он умолк, с ужасом глядя поверх дедова плеча. Егорыч мельком обернулся и махнул рукой.

— Не бойсь, это дядька Вадим, не монстр. Лёха, как... тебя угораздило-то? А?

— Деда! — вспомнив о чем-то, пацан дернулся в сторону дыры. — Там Ленке плохо. Она... в обморок упала. Надо ее вытащить! Я... я сейчас...

Но лезть в дыру пацану не пришлось. Пока внимание двуногих было отвлечено на одного ребенка, старая овчарка уже выволакивала другого. Маленькая пухлая девчонка, не старше пяти лет, а то и младше, выглядела еще хуже, чем брат. Круглое детское лицо посерело. Она быстро и тяжело дышала, не открывая глаз.

Серега помог порывивующей собаке вытащить детское тельце из-под конструкций. И, взяв ребенка на руки, коснулся ее лба.

— Это не обморок.

— Нет, — Вадим, бегло осмотрев девочку, повернулся к пацану. — Сколько времени прошло после... когда это все началось? День? Больше?

Внук слесаря сделал над собой усилие и отлепился от деда. Было видно, что монстроподобный здоровенный лысый дядька с уродливой мордой и лапами-ковшами его здорово пугал. Но ответить пацан попытался нормально, и даже почти справился с голосом.

— Со вчера. Мы сидели... ее сильно тошнило. Она все время просила пить. А потом Найда смогла выскочить, а Ленка... она... ну...

— Так, — Вадим оглянулся и мотнул головой в сторону здания горадминистрации, отстоящее через улицу. — Давайте туда. Там должно быть бомбоубежище. Твари туда так просто не пробьются. Времени мало. Поэтому быстрее.

Внутри здание администрации оказалось неожиданно большим, со множеством коридоров и кабинетов. Проплутав там некоторое время и не найдя входа в бомбоубежище, зато нарвавшись еще на двух зараженных ползунов, в конце концов приросший отряд передислоцировался в подвал соседнего магазина. Здесь Серега бережно сгрузил девочку на сложенные у стены и прикрытые Яниным одеялом мешки с какими-то злаками. Ребенок продолжал потеть и метаться, не приходя в сознание.

— Перезагрузка случилась вчера, — младший разведчик бросил взгляд на хмурого, как никогда, брата. — Но этот малый и собака пока держатся. А девчонка...

Он запнулся, бросив быстрый взгляд на Егорыча, потом — на Лёху, который в этот миг гладил по голове спасшую его овчарку.

— Дай им пока живца, — Вадим пожевал широкой челюстью и оперся плечом о стену, прикрыв глаза. — Пока не началось.

Присевший на мешок Егорыч молча проследил как Лёхе, а потом и Найде выдали по несколько глотков «лекарства».

— А Ленка что ж? — он даже привстал, когда сообразил, что бутылка с живцом, пройдя мимо внучки, снова исчезает в рюкзаке. — Смотрите — ей еще хуже! Ей же первой всего надо... Может, зубы разжать — и внутрь? А?

Вадим открыл глаза и переглянулся со смущенным Серегой. Младший разведчик потер затылок.

— Видишь ли, дядь Паш... Внучка твоя... В общем, ей живца не надо.

— Это почему же?

— Дайте ей тоже этого... лекарства! — поддержал деда Лёха, уже освоившийся в компании новых взрослых. Пацана пока никто ни о чем не спрашивал, и он сам не пытался что-то рассказать, к счастью, понимая, что для разговоров не время. — Пока она спит. А то когда проснется, поднимет такой вой... Она терпеть не может всякие настойки. Да еще такие буе — вонючие.

— Я так понимаю, ей лекарство не поможет?

Все обернулись к Яне. Девушка убрала светло-рыжую прядку с мокрого детского лба.

— Что значит — не поможет? — Егорыч сдвинул косматые брови и посмотрел на братьев. — Нам же всем помогло!

Серега пожевал губами.

— Живец помогает только иммунным, дядь Паш. А твоя... Ленка, она... по всем признакам...

— Не иммунная, — тяжело закончил Вадим.

Несколько мгновений все было тихо.

— Погодите, погодите, — дед найденных внуков вскочил и прошелся перед мешками из конца в конец. Поймав непонимающий взгляд Лёхи, он снова обернулся к разведчикам. — Вы что пиз... мелете? Она что — должна превратиться в одну из этих... тварей? Вы, ять, сбрендили, что ль? Перегрузка эта ваша была? Была. Все, кто мог, обратились? Обратились! Ей просто худо, потому что малая еще. Ну, какого х... Что вы пялитесь? Помогите ей! Вы ж знаете, что тут и как, вашу мать! Это я нихрена тут не знаю, а вы знаете! Что молчите? — он сорвался на сиплый крик. — Ленка не станет тварью! Она же не стала — до сих пор, а?

— Дядь Паш, — Серега мучительно морщился, беспомощно оглянувшись на брата, потом — на Яну. — Период обращения зависит от сопротивляемости иммунитета. Кто-то обращается сразу, а кто-то — дня через три. Но обращается все равно. Это... ну просто вот так происходит.

— Это вирус? Ленка... станет... зомби?

В противовес взрослым, голос Лёхи звучал тихо, но почему-то от этого пронимало больше, чем от отчаянных криков его деда. Егорыч закончил метаться и рухнул на колени рядом с бессознательной девочкой. Мельком Яне подумалось, что в обычной, прошлой жизни дед едва ли столь же неистово проявлял чувства по отношению к внукам. Но теперь умерший и возродившийся в новом адском мире, одинокий, как пень, слесарь получил уникальный шанс встретить кого-то из самых близких ему людей. И когда этот же проклятый мир собирался отнять то, что было вернул, ум Егорыча явно зашел за разум.

— Она еще не обратилась, — услышала Яна собственный голос. Старый слесарь умолк, притулившись на мешках рядом с внучкой и глубоко уткнувшись пальцами в глаза. Его седая голова мелко подрагивала. — Может быть, еще не... поздно что-то сделать? Неужели от этого... заражения нет никакого средства? Вообще?

Яна понимала, что мелет чушь, и что будь у девочки малейший шанс, разведчики не стали бы о нем молчать. Но пухлому, чужому ребенку, который медленно превращался в монстра у них на глазах, неоткуда было ждать помощи, кроме как от больших и сильных взрослых. Которые, как оказалось, ничем не могли помочь — несмотря на всю свою силу. И всю свою взрослость...

— Средство есть.

Внезапный голос Вадима звучал глухо — но решительно и спокойно. Все взгляды невольно обратились теперь уже на него. Вздогнувший Егорыч отнял руку от лица.

Серега сдвинул брови. Вид младшего разведчика вдруг сделался растерянным — и каким-то несчастным.

— Ты же не собираешься... — едва слышно пробормотал он.

Старший брат бросил на него самый тяжелый из всех своих взглядов.

— Предложишь другое?

Подождав и так и не дождавшись ответа, Вадим кивнул.

— Так я и думал.

После чего решительно полез за воротник и вытащил наружу то, что Яна всегда принимала за ладанку. Однако, при ближайшем рассмотрении «ладанка» оказалась небольшой капсулой из нержавеющей стали. Кваз снял стальной же шнур, на котором висела капсула, и протянул Сереге.

— Открой. Мне неудобно.

Металлическая горошина раскололась на две половины. Из нее в ладонь разведчика выпал небольшой кругляш белого перламутра.

— Это что — таблетка?

Лёха вытянул шею. Вадим усмехнулся.

— Можно сказать. Посмотри на нее внимательно. Такие нечасто встречаются.

— Это очень редкая таблетка, — сдавленно пробормотал балагур-Серега, не глядя на лежавший у него на ладони кругляш. — И очень ценная...

— Красивая.

— Красивая, — кваз улыбнулся пацану, но почти сразу как-то сник. — Нужно сделать

так, чтобы девочка ее проглотила. Это единственный способ остановить заражение.

Егорыч дернулся к «таблетке», но перехватившая его Яна по праву врача взяла инициативу в свои руки. Она аккуратно приподняла головку девочки. Сжимая ее щеки пальцами, положила таблетку как можно глубже и, приняв из рук Сереги бутылку с водой, в несколько глотков заставила ребенка проглотить белый перламутровый кругляш. Убедившись, что таблетка пошла вовнутрь, снова аккуратно уложила голову внучки Егорыча на одеяло.

— Теперь ждать. Если все пойдет как надо... она поправится. Может быть даже, получит Дар.

— Если повезет.

— Да, — тяжело кивнул Вадим.

— А чего ж раньше не сказал о лекарстве, раз оно было?

Кваз окинул Егорыча долгим взглядом.

— Потому что трус, — веско и непонятно пояснил он. — Эгоист и сволочь. Да... ну его. Он резко отлепился от стены и, проверив висевший у бедра тесак, кивнул в сторону выхода.

— Пойду осмотрюсь по магазинам. До завтра здесь точно придется задержаться. Нужно пополнить припасы.

Серега дернулся вскочить.

— Я с тобой.

— Сиди, — кваз еще раз оглядел ошарашенных спутников и кивнул на дверь. — Кто-нибудь закройте за мной.

Дыхание бессознательного ребенка постепенно выровнялось. Яна, которая не отходила от девочки, заметила, что температура упала до нормальной, хотя без сопутствовавшей этому потливости. Похоже, что непонятное драгоценное лекарство все-таки подействовало. Теперь внучка Егорыча просто спала, как любой нормальный ребенок, чтобы к утру наверняка проснуться пусть шокированной и очень изможденной, но относительно здоровой. Отчего-то Яна была уверена — таблетка подействовала как надо, и девочке уже не грозило превратиться в чудовище.

Куда больше ее беспокоил Вадим.

После того, как кваз ушел на улицу, прошло уже больше трех часов. Два раза он возвращался, но внутрь не заходил, оставляя добычу под дверью. Отдав загадочную таблетку, он словно сам лишился чего-то важного, и теперь всю пытался развеяться — чтобы переварить непонятную потерю наедине с собой.

О спутниках, впрочем, Вадим не забывал. Помимо значительных и разнообразных запасов продовольствия и даже деликатесов вроде нарезки и копченой семги в вакуумной упаковке и нескольких упаковок вод и молока, старший разведчик принес несколько новых одеял и подушек из соседнего магазина, ворох журналов и даже ноутбук с не до конца посаженным зарядом. В результате люди устроились в подвале с максимальным комфортом, что после нескольких дней походной жизни показалось чем-то средним между гостиницей с максимум звезд и попаданием в райские кущи.

Следуя врожденному стремлению наводить гигиену, Яна даже сумела выдоить из раковины в дальнем углу подвала нужное количество воды и помыть все максимально возможное на себе, а также побудить умыться и вымыть руки пацана. Однако больше ее ни

на что не хватило. Вслед за хорошим обедом, плавно перетекшим в ужин, она устроилась на одеяле неподалеку от девочки и вяло перелистывала журналы, наслаждаясь редким в их походе многочасовым отдыхом.

На расстоянии вытянутой руки, используя поставленные один на другой ящики как стол, расположились Серега и Лёха. Серега подсоединил ноутбук к полной солнечной батарее, которую братья использовали для подзарядки важных путеводительных приборов, и уже больше часа вовсю гасил каких-то монстров. Похоже, тех, которые достались сегодня в реале, ему явно не хватило. Лёха наблюдал за игрой дядьки с довольно внятным энтузиазмом.

— Из-за угла сейчас, — время от времени подсказывал пацан, подпрыгивая от возбуждения и забывая про чипсы. — Точно, вот...

— Можно подумать, ты уже играл в эту игру, — отстраненно ворчал Серега, отбивая очередную атаку. — Вообще шел бы ты спать, малый. Ты столько видел монстров за последние два дня, что боюсь — еще и не уснешь...

— Да эти-то что. Они ж не настоящие... Вон там, под трубой!

— Где?

— Там, слева. Я видел — шевельнулось...

— Ну, нифига себе — наблюдательность, — Серега забросил зажигательную гранату, на миг высветив залегшую в засаде тварь. — А ты молоток. Подрастешь — и будем брать тебя с собой в разведку. Пойдешь с нами в разведку?

— Не, — Лёха, вспомнив про чипсы, запустил пальцы в пакет. — Я лучше в охотники пойду. Монстров стрелять...

... О том, что мир переменялся, Лёха понял не сразу. Папка отправился в хозяйственный через дорогу, а мама отошла к лотку купить пирожков. И уже оттуда бежала обратно, к детям, который поджидали ее у ограды, чтобы встать в очередь на карусель. А за ней — и не только за ней, неслась стая каких-то зомбяков во главе с гориллоподобным уродом.

И самое страшное, некоторые из посетителей парка, дичая на глазах, присоединялись к охотящимся за людьми монстрам.

... Лёха не помнил, как оказался под каруселью, и затащил туда сестренку. Кажется, это даже не он сделал, а крутившаяся поблизости старая Найда, которая немислимым образом оказалась рядом с ними среди тех же стальных опор. Лёха только все время ощущал ладонью мокрое из-за того, что долго зажимал Ленкин рот, подсознательно опасаясь, что ее рев их выдаст. И тот в конце концов их действительно выдал...

В дверь постучали. Яна, оценив невозможность Сереги оторваться от монитора прямо сейчас, с неохотой придала себе вертикаль и спустя несколько мгновений с затаенным облегчением впускала в подвал нагулявшегося Вадима. Впрочем, судя по лицу последнего, ее облегчение могло быть сильно преждевременным. Если кваза и одолевали какие-то мрачные мысли в начале прогулки, то теперь они, судя по всему, усилились десятикратно.

Вадим прошел мимо Яны и, добравшись до мешков, вытащил из-за пазухи и положил рядом со спящей девочкой великолепный покрытый ленточками и блестяшками набор Барбиных радостей во главе с самой Барби с полдесятком ее нарядов. Яна вспомнила — когда-то она на многое была готова, чтобы получить похожую игрушку. Только, как и водится, не будучи дочкой денежного папки, так ее и не получила.

— А это тебе. Держи.

Лёха с изумлением и восхищением принял от страшного дядьки красивый охотничий нож, футляр которого был приторочен к поясной портупее.

— В этом мире без оружия никак. Приучайся.

Пока пацан воевал с ремнями, пожелав перепоясаться прямо здесь и сейчас, Вадим обошел ящики, свалил мешок — судя по всему, с горохом, и уселся сверху.

Сергеа поставил на паузу и, обернувшись, вопросительно посмотрел на брата.

— Уходить надо, — Вадим помассировал свои чудовищные ладони. — Я обошел весь этот кластер. Не такой он большой. На весь поселок — ни одной зрелой твари. За исключением кусача, которого мы пришибли утром.

Младший разведчик непонимающе хлопнул глазами.

— Стой, я не понял...

— А я, мне кажется, поняла, — Яна, послюнив палец, перевернула страницу журнала, а потом прикрыла его, кидая в стопку к остальным. — Сама об этом думаю. Вы говорили, здесь не появляются пришлые... элитники, потому что до кормных мест далеко. А из местных вызреть не успевают. Наверное, кластер перезагружается очень быстро. И ночью придется бежать отсюда в парах кисляка.

— Да. По моим догадкам, кластер подгружается быстро, — Вадим потянулся к упаковке, вытащил из нее полторалитровый пакет молока и надорвал его по краю. — Но я не это хотел сказать. Подгружайся он хоть каждый день, кое-кто из зараженных все равно смог бы выжить и развиваться.

Он присосался к отверстию и долго пил. Выпив не менее половины упаковки, выдохнул и сумел, наконец, закончить мысль.

— То, что их здесь нет, говорит об одном. Их отсюда вычищают.

Сергеа и Яна посмотрели друг на друга.

— Поблизости сильных стабов нет, — не дожидаясь вопроса, уточнил младший брат и на всякий случай потянулся за навигатором. — Только Светлое. Но до него отсюда километров триста пятьдесят. И, к тому же, там расквартированы наши. У местных и так проблем хватает. Едва ли они катаются сюда, да еще на постоянной основе.

— Светлое, — Яна невольно улыбнулась. — Красивое название.

— Это сельхозстаб, — непонятно информировал Сергеа, но тут же пояснил. — Там вокруг подгружаются поля... по большей части с разнообразными культурами. Но поскольку урожай — на поле, а не в магазине, его приходится убирать специальной техникой.

Он потрепал по голове Лёху, который незаметно прислушивался к разговорам старших, продолжая воевать с ремнем.

— Мы нашли пару комбайнов, и трактор — подогнали им на транспортнике. С персоналом и солдатами — для защиты. У нас со Светлым союз. Они держат у себя на стабе и обслуживают технику и наших спецов. За это мы отваливаем им часть урожая и предоставляем какие-то соцльготы. Кажется, они могут лечиться у нас и торговать без пошлин... Что-то такое.

— Это не Светлое, — возвращая собеседников в прежнее русло разговора, проронил Вадим и забрал себе пакет теперь уже с круассанами. — Внешники. Больше некому.

Больше некому. Другим — слишком дорого. Да и навар не тот.

Он замолчал, зажевывая круассан, и запивая тот из пакета.

— Ты думаешь, они скоро вернуться?

— Думаю, нет, — невнятно поделился выкладками старший разведчик. — Судя по

составу зараженных, охотники были здесь недавно, и в следующий раз появятся через две-три загрузки. Чтоб оставшаяся мелочь успела подрасти. Но утверждать наверняка нельзя. И оставаться здесь — тоже. Завтра уходим.

Сергея бросил быстрый взгляд на сопевшего под одеялом ребенка.

— Куда?

— Куда... — Вадим проглотил последний круассан и допил молоко. Подумав, он потянулся к связке сухих колбас. — Думаю, нужно идти в Светлое. Это почти в два с половиной раза ближе, чем самый ближайший к нам стаб Архипелага. Кроме того, из Светлого через Отважный постоянные рейсовые перелеты туда-сюда, с урожаем и горючкой. Попробуем попроситься на один из рейсов. В крайнем случае — отправим малых с дедом. А сами вернемся на маршрут... Хотя по дороге от Светлого в этом нет особого смысла.

— Ну да, там уже хожено-перехожено. Но до самого Светлого добираться пешком — триста пятьдесят километров. Может, того... на машине? Машин вокруг хватает.

На этот раз Вадим думал особенно долго. Яна напряженно ждала его решения. Она не совсем понимала опасности путешествия именно на машине, даже при отсутствии дороги. К тому же ей жутко не хотелось топтать все эти километры своими ногами, при наличии отягочающего фактора в виде детей.

— Нет, — наконец, решил старший разведчик после продолжительного молчания. — Будь у нас оружие и не будь детей — можно было бы попробовать. А так, если привлечем... Чем будем отмахиваться? Идем пешком. Медленнее, зато больше шансов дойти в том же составе.

Речка была не чета той, по которой вечность назад Яна и два тогда еще незнакомых разведчика сплавились на бревне. Эта скорее напоминала проточный, но сильно замусоренный ручей, несущий в своих водах песок, глину, ветки и кто знает, что еще. Шириной эта естественная водная преграда достигала максимум шагов двадцати пяти, однако глубина ее все равно оставалась под вопросом. А даже если бы там было гарантировано по щиколотку, лезть в эту мутную грязь тяжело грузным людям не хотелось. Поэтому приросший отряд предпочёл прогуляться вдоль берегов. И, все-таки, найти ржавый металлический настил на сваях, должно быть, предполагавший, что по нему на ту сторону могли бы переправляться автомобили.

День постепенно приближался к своей середине. Этот день стал третьим с того памятного утра, когда разведчики вместе с подопечными выступили в поход в сторону некоего загадочного аграрного стаба Светлое. Где, по уверениям братьев, при везении можно сесть в вертолет и уже м комфортом добраться до безопасного места.

Впрочем, привлекательность Архипелага оставалась для Яны той информацией, которая подспудно вызывала смутные подозрения. Яна не могла взять в толк, в чем тут дело. Но, несмотря на то, что разведчики явно не врали, они чего-то и не договаривали, девушка чувствовала это на интуитивном уровне.

Логически тоже можно было найти несостыковки. Братья утверждали, что, в общем, на всех «островах» их стабного объединения проживало несколько десятков тысяч человек, включая женщин и детей. Однако прирост населения осуществлялся исключительно за счет редких новорожденных и тех иммунных, которых отлавливали и приводили разведчики. Добровольные переселенцы в стабы Архипелага не рвались, и Яна не была уверена, что причина этому заключалась только в тяжелой дороге и жестких порядках.

Впрочем, особенного выбора у нее не было тоже. Ее дорога вела в Архипелаг, и со всем сопутствующим можно было начать разбираться уже на месте.

Последние несколько часов пути разведчики заметно нервничали. Вместо лесов вокруг тянулись степные кластеры, которые просматривались, насколько хватало глаз. В какой-то степени это было удобно — зараженных удавалось разглядеть на большом расстоянии. Однако зараженные тоже хорошо видели потенциальную добычу. И могли среагировать до нее гораздо быстрее, чем люди — на них.

Зараженных, по сравнению с Пустырем, здесь действительно шастало больше. Огромных чудищ пока не попадалось, очевидно, из-за отсутствия кормежки. Но среднеразвитых пришлось положить четверых, причем последний едва не добрался до нектати завизжавшей маленькой Лены. Вадим осторожничал, как мог. Но с тем оружием, которым они располагали, и при наличии двух детей и собаки, люди постоянно ходили по краю пропасти. Это понимали все, даже не по-детски серьезный Лёха. Время от времени бросавшей на него взгляды Яне невольно думалось о том, что парень, если ему удастся добраться до безопасного места и там подрасти, действительно обещал стать хорошим охотником. Все задатки для этого у него были видны уже сейчас.

А вот внучка Егорыча являлась полной противоположностью брату. Маленькая девочка оказалась плаксивой и капризной. Очнувшись на утро следующего дня, первое, что она сделала — закатила истерику. И с тех пор ныла почти непрерывно. Серега, на плечах

которого она ехала большую часть дороги, проявлял чудеса выдержки и терпения в обращении с беспокойной пассажиркой. Наблюдая за ними, Яна понимала, что на его месте давно бы уже устроила ребенку разбор полетов, не делая скидки даже на то, что на глазах у этой девочки совсем недавно разорвали на части ее мать.

... Меж тем Вадим осторожно ступил на край настила, и тот угрожающе закрипел, прогибаясь под его весом. Выдержал. Квас осторожно, шаг за шагом, перешел по ненадежному, шаткому мосту и добрался до противоположного берега.

С высоты своего роста он некоторое время напряженно обозревал степь и кучковавшиеся то там, то тут редкие заросли. Потом призывно махнул рукой.

Найда, порыскав, первой перебежала вслед за тем, кого безоговорочно в первый же день назначила для себя вожаком стаи. За ней, подтянув шлейки рюкзака, и придерживая округлые детские колени напротив своих ушей, двинулся Серега.

Егорыч, уже давно выглядевший то хмурым, то потерянным, кивнул внуку, который замер возле Яны, словно к чему-то прислушиваясь.

— Ну? Идешь?

— Деда, — Лёха, наконец, определившись, обернулся в сторону пройденной степи. Несколько секунд он напряженно всматривался в горизонт, который из-за расстояния или чего другого казался теперь размытым. — И вы, дядь Вадик... Вы ничего не слышите?

Взрослые прислушались. Егорыч, подняв бинокль, недоверчиво оглядел заросли бурьяна, мимо которых они сегодня прошагали столько часов. Так ничего и не увидев, он уже хотел было высказать внуку всю глубину его заблуждений, когда в последний миг оптика выхватила на горизонте несколько стремительно приближавшихся с запада темных точек.

— Тю ты... Вадим, там машины! Колонна! Едут прям сюда!

Мигом позже слуха действительно достиг пока еще едва слышный гул двигателей. Оставшиеся на «этом» берегу люди переглянулись.

— Давайте быстрее! — резко скомандовал квас, хватая за ошейник овчарку. — Переходите и вон туда, в сторону, под куст. Серега, смотри чтоб девчонка — ни звука!

— Ну да, — еле слышно пробормотал младший разведчик, бегом перебегая по загрохотавшему железом настилу. — А то я ее сильно контролирую...

Они едва успели скрыться, когда уже хорошо слышимые транспортные средства показались в зоне видимости. Крепко прижавшиеся друг к другу, укрытые «маскировкой» люди и собака рассматривали стремительно подъезжавшие к переправе легковые машины.

Напрягшись, Яна узнала марку — внедорожники Субару «Форестеры», матово-серые и, с учетом реалий Улья, на удивление легковые. Девушка хорошо помнила тяжелые, неповоротливые машины-крепости работарговцев. В противоположность им легкие, лишенные всяческой дополнительной брони и обвесов «Форестеры» изрядно удивляли.

Судя по лицам разведчиков — те тоже были озадачены. Очевидно, вся колонна состояла из новичков, которые только недавно чудом вырвались из какого-нибудь перезагруженного кластера. И знать не знали, что такой разбег способен разве только привлечь излишнее внимание стремительных монстров...

Подъезжавшие по одной машины тормозили перед переправой, но все водители оставались за рулем. Только из двух внедорожников — переднего и замыкающего, выбралось по вооруженному мужику. Перекинувшись о чем-то парой слов, мужики двинулись к мосту, внимательно оглядывая окрестности. Яне показалось, что дольше всего они задерживали

внимание именно на тех кустах, под которыми залегли разведчики и их команда.

Осматривали небыстро и по очереди — пока смотрел один, другой страховал товарища с оружием в руках. Мужиков можно было понять — переправа едва выдержала пеших, а провезти тут четыре машины, пусть даже не грузовые, мог кто-то совсем отчаянный. Очевидно, мужики в этом плане являли полную солидарность со здравым смыслом. Закончив осмотр, они вновь принялись совещаться.

Противоположный берег ручья находился совсем близко к кустам, поэтому с их места мужики просматривались совсем хорошо. Внешность обоих не отличалась особыми приметами или выразительностью. Но зато теперь было видно абсолютно точно — начинающими эти двое не выглядели.

Причем дело было даже не в одежде. Как раз их одежда могла сбить с толку всех, как старожиллов притаившегося под кустом отряда, так и самых зеленых, включая Лёху, который уже имел представление о том, что нужно носить, чтобы меньше попадаться на глаза.

Пришлые же мужики полностью игнорировали суровые преимущества камуфляжа, бывшего негласной модой аборигенов Улья. Один из них, невысокий, темноволосый и худощавый, носил почти новый джинсовый костюм. Второй, белобрысый и долговязый — и вовсе выдавший виды светлый «адидаас», делавший его похожим на выбравшегося на пробежку ботаника. Но что-то неуловимое в их манере держаться, в том, как они сжимали оружие — без излишней нервозности, и уверенно, говорило о профессионализме. Пусть и довольно необычном, с учетом реалий этого мира.

— ... не знаю, — донеслось тем временем с противоположного берега. Мужики разговаривали негромко, но сильный степной ветер, который дул от них в сторону кустов, играл залегшим разведчикам на руку, донося обрывки фраз. — Не пойму. Вроде и есть. А вроде и нет.

Бросив взгляд на машины, Яна вдруг осознала, отчего эти двое с кажущейся беспечностью стоят у переправы и ведут разговор в отдалении от своего отряда.

Те, кто оставался в салонах, не просто ждали возвращения товарищей. Обитатели «Форестеров» тщательно страховали авангард из довольно внушительного вида стволов. Причем хорошо видимые дула смотрели аккуратно в сторону прибрежных кустов.

— Элита?

— Элитник... такой, — долговязый выделил это слово, — элитник давно бы уже напал. Сам знаешь. Да и... вот не знаю, честно. Я не уверен.

«Джинсовый» на миг отвлекся от сканирования окрестностей, бросив на долговязого короткий взгляд.

— Не смешно.

— Не смешно, — подтвердил собеседник. — Давно такого со мной не случилось. Но я действительно не уверен. Если кто-то и засел с той стороны — он матерый... Блокирует даже эманации сознания. Даже эмоции. Всё.

Он запнулся.

— Ну, или там никого нет. И мне померещилось. Такое тоже может быть.

«Джинсовый» прицыкнул щекой и досадливо потер прическу.

— Ладно, — он обернулся к своим людям и приглашающе махнул рукой. — Давайте потихоньку.

Водила первого внедорожника кивнул и убрался из окна, вновь берясь за баранку.

Однако за миг до того, как мотор машины взревел, анонсируя начало опасной

переправы, с противоположного берега ручья донесся громкий и абсолютно отчетливый не то женский, не то детский взвизг.

Темноволосый и худощавый мужик резко вскинул руку. Его напарник прицелился в подозрительные кусты. Окна «Форестеров» снова оцетинились стволами, целясь в сторону, откуда пришел звук. Тот было довольно громким, и слышали его все.

— Эй! Кто там! А ну, выходи!

Ответом худощавому, понятное дело, было молчание. Выждав миг или два тот переглянулся с «адидасом» и выдвинул новый расклад ситуации. Голос его звучал уверенно — и зло.

— Как хочешь. Тогда ты, наверное, не против, если мы перепашем кусты из АГСа. До трех считаю... Раз... два...

— Стойте! На надо лупить! Я... выхожу!

Кусты, довольно жидкие, просматривались довольно хорошо, и спрятаться под ними мог разве что какой-нибудь голливудский ниндзя, мастер игры теней и света. Тем более появление невысокой, но объемной молодой женщины, с собранными в хвост абсолютно белыми волосами и тяжелым рюкзаком на первый взгляд вызвало у застывших на другом берегу мужиков настоящую оторопь. Впрочем, зависали они недолго.

— Нда, старик, — не глядя на «адидаса», пробормотал худощавый, едва заметно расслабляя лицо. — Тоже мне, сенс нашелся. Расти тебе еще и расти... на гороховой диете.

— Эй, — он обратился уже к женщине, которая выбралась из-под кустов, и теперь стояла у края переправы. Сама поза плотной белесой незнакомки выдавала заметную и вполне объяснимую напряженность, но оружия при ней заметно не было. — Это ты кричала? Зачем?

Та, насколько это было видно, смерила его взглядом и сложила едва заметно подрагивающие руки на плотной груди.

— Лежала носом в траве, — медленно, словно нехотя пояснила белесая. И нельзя было толком понять то ли она боится, то ли зачем-то тянет время. — А тут лягушка возьми и прыгни. Прямо на глаза. Ну, я и взвизгнула. А ты бы смолчал?

— Голос был детский, — не отставал худощавый. Оружия он не опускал, хотя смотрело оно теперь не на женщину, а немного в сторону. Тем не менее, вернуть его обратно было делом доли секунды.

Собеседница в ответ дернула плечами.

— Я очень сильно напугалась.

— Ну ладно, — худощавый выступил вперед, опуская оружие. — Давай прямо, потому что нам ехать надо. Кричала не ты. Кричал ребенок. И маскировку наводила не ты. Кто-то другой. И этот кто-то остался в кустах, и держит сейчас меня на прицеле. Угадал?

Женщина переступила с ноги на ногу — и усмехнулась.

— Чего вы хотите?

— Того же, чего и вы, — собеседница мотнула головой в сторону дороги. — Разъехаться без лишних неприятностей. Хотя...

Она помедлила.

— С нами действительно двое детей. Мы ведем их в Светлое. Вы сами не туда, случайно, направляетесь? Может быть, подбросите нас?

Худощавый и «адидас» обменялись короткими взглядами. Последний вопрос поставил их в явный тупик.

— Показывайтесь, — после долгой паузы приказал худощавый. — Сколько вас всего?

Белесая собеседница приобернула голову.

— Вадим, — негромко позвала она.

Секунды две-три ничего не происходило. Потом у края моста, очевидно, чтобы при перестрелке можно было сразу нырнуть под железный настил, как из неоткуда возникла самая разношерстая группа людей, которых только доводилось видеть изумленно приподнявшему брови худощавому.

Двое из группы — высокий, крепкий молодой мужик и жилистый дед, действительно держали в руках оружие, из которого целились в переговорщиков. Присевший рядом рыжий пацан со злым лицом решительно зажимал рот заплаканной девочке лет четырех — по всем признакам, сестре. У их ног вывалила из пасти язык старая, линялая овчарка.

И над всеми больше, чем на голову возвышался навьюченный огромным рюкзаком здоровенный кваз — уродливый, как все его собратья. Впрочем, наметанным чутьем худощавый сходу безошибочно определил именно этого последнего кадра за главного. Значит, с мозгами у урода пока все оставалось в порядке.

— День добрый, — не стал разочаровывать кваз, и сходу взял быка за рога. — Уберите оружие. Поговорим нормально.

Худощавый смерил нового собеседника взглядом. Потом, видимо, прикинув за и против, обернулся к машинам и едва заметно кивнул.

Дождавшись, когда оружие с обеих сторон будет убрано, кваз пересек мост и остановился напротив худощавого.

— Хоробрый, — протянув лапу, представился он. — Разведка РССС. Подобрали гражданских, ведем их в стаб. А о вашей группе я слышал. Правда, не очень верил, пока не увидел сам. Вы больше похожи на байку.

Худощавый усмехнулся, пожимая протянутую лапу.

— Канат, — он оглядел разведчика и мотнул головой в сторону его отряда. — Давно ведете?

— Наши третьего дня в кластере у озера, — Вадим обернулся тоже. — Уже задолбались с малой. Так что, подбросите в сторону Светлого? Если вам по пути?

Тот, кто назвался Канатом, переглянулся со своим напарником. Потом оценивающе посмотрел на замурзанных детей и их собаку.

— Мы не собирались сразу в Светлое, — взвешивая каждое слово, проронил он, наконец. — У нас дела километрах в тридцати в стороне. Но потом было в планах нагреть и туда.

Он пожевал губами, что-то прикидывая.

— Подбросим, — к немалому облегчению собеседника, решил он, наконец. — Малых вы спасли. Но шансов у вас с ними немного, даже здесь, на Пустыре. Нам не принципиально, куда ехать в первую очередь. Можно сначала в стаб.

— Спасибо.

Худощавый Канат, обернувшись, сделал знак своим.

— Только все в одну машину не влезете. Рассажу вас, как сам посчитаю нужным.

— Не вопрос, — Вадим, не скрывая радости, еще раз пожал человеческую, в два раза меньше его собственной, крепкую ладонь. — Командуй. Ты здесь начальник.

Яне досталось оказаться с Вадимом в одной машине, которую специально освободили для крупногабаритного разведчика. К счастью, в одном из «Форестеров» не доставало заднего сидения — на его месте располагался пулеметчик со своим агрегатом. Туда и втиснулся кваз, кое-как рассредоточившись по задней части салона, при этом выжив прежнего пассажира и сильно подвинув его пулемет.

Девушка с максимальным разместила на переднем сидении рядом с Канатом, который вел головную машину сам. С трудом и не без помощи Вадима и еще нескольких умельцев из группы «Форестеров», которые владели нужными подвидами Дара, худо-бедно все внедорожники были переправлены на другую сторону, после чего выдвинулись напрямиком к Светлому.

Здесь пригодилась карта разведчиков. Несмотря на то, что группа Каната уже несколько раз каталась в этих местах, братья из РССС лучше владели информацией о состоянии дорог и кратчайших и наиболее удобных способах проезда. Благодаря их услугам проводников, машины шли на хорошей скорости по асфальту, и на приемлемой — по бездорожью. Тем более, пока вокруг мелькала одна только степь, и выискивать объездные пути между холмов и деревьев не приходилось.

Канат оказался не особо разговорчивым, но Яну это не напрягало. Глядя в окно, она искренне наслаждалась нежданно свалившимся на них подарком судьбы, прикидывая, что при такой скорости, если не попадетс никакое приключение — к вечеру они должны были быть уже в пресловутом стабе...

Приключение все-таки случилось.

Уже начало вечереть, когда колонна свернула с трассы к отстоявшей в стороне автозаправке. Успевшие перезнакомиться экипажи машин, и подобранные пассажиры выбрались наружу, чтобы размять ноги — так как весь путь большинству пришлось преодолеть в тесноте. Убедившись, что стоянка заброшена, но не разграблена, часть экипажей занялась проверкой и заправкой внедорожников, а большинство — поиском, чем бы поживиться.

Яна не принимала участия в обнесении призаправочного магазинчика. Еще на подъездах к этому месту она заметила нечто, привлекшее ее внимание больше газводы и шоколадок.

Сотнях в двух метров от заправки чернело нечто, что поначалу девушка приняла не то за очень темный лес, не то за какое-то мрачное здание. Как и у многих альбиносов, зрение Яны никогда не было идеальным, поэтому ей потребовалось внимательно присмотреться прежде, чем она сумела понять, что видит.

— Серега!

Разведчик, временно перепоручивший заботы о капризном ребенке ее собственному деду, явился на зов быстро. Он и так направлялся к Яне, жуя на ходу.

— Ты чего, Снежок? — протягивая ей длинный «сникерс», уточнил младший брат Вадима, которого при чужих звали Балагуром. — Приведение увидела?

Яна мотнула головой, словно пытаясь прогнать назойливую галлюцинацию.

— Вот там. Ты видишь? Что это?

Серега прищурился.

— Ты черноту, что ли, имеешь в виду?

— Да! Что это такое?

Разведчик махнул рукой и вытащил из кармана пакет с арахисом.

— Это ничего. Черный кластер. Их еще называют пустыми.

Он захрустел и приглашающе протянул пакет и Яне, но орехи ее теперь интересовали в последнюю очередь.

— Пустые? А почему они... такие черные? Они не опасны?

Сергея пожал плечами и закинул в рот еще горсть арахиса.

— Ну, как сказать... Если туда не входить, то не опасно.

— А если войти? Что случится?

Младший разведчик подмигнул.

— Хочешь увидеть сама?

Яна недоверчиво прищурилась.

— Ты же говорил — это опасно?

— Если недолго там побыть, то не опасно, — он обернулся, ища глазами кого-то. Отиравшийся рядом «адидаас» поднял голову, почувствовав на себе взгляд.

— Мы еще долго будем стоять? — без излишнего стеснения уточнил у него Сергей. — Подруга в Улье без году неделя, и не видела черноты. Я успею сводить ее на экскурсию?

«Адидаас» чему-то невнятно поморщился.

— Еще минут двадцать точно, — нехотя проговорил он. — Хотите идти — идите. Без вас не уедем.

Вблизи «чернота» выглядела так же, как издалека. С той только разницей, что в ней хорошо просматривались трава и деревья — тоже черные, будто из антрацита. Края черноты представляли собой отличное наглядное пособие о границах кластеров. Если в других местах переходы из куска в кусок реальности почти не замечались, то здесь о выдающиеся грани черного кластера, казалось, можно было порезаться.

Тем более дико смотрелась эта многоугольная черная трапеция, что рядом с ней безо всякого перехода мир играл обычными красками, в силу своих возможностей пыльной степи. Как будто в эту самую степь кто-то поставил огромный полупрозрачный кусок черного угля с идеально стесанными краями.

Стоя в десятке шагов от кромки, Яна взирала на эту «пустую клетку» с подозрением. Конечно, вряд ли разведчик бы стал ее сюда вести, если бы чернота могла убивать. Но некий поганый сюрприз в ней имелся. Это можно было прочесть по роже Сергея, который изо всех сил старался оставаться спокойным и серьезным.

— Ну, что там? — хмуро спросила Яна, просозерцав черноту некоторое время, и так и не обнаружив в ней ничего для себя привлекательного или хотя бы загадочного. — Колись уже.

Младший разведчик сделал приглашающий жест.

— Зайди, посмотри сама. Зря, что ли, мы сюда пришли?

Яна приподняла бровь.

— Нет, ну правда. Что там внутри? Это все, конечно, интересно. Но я уже и отсюда все хорошо разглядела. Зачем ты хочешь, чтобы я туда вошла?

Сергей хмыкнул.

— Ну ладно, Снежок. Ты меня раскусила. Там, внутри, может находиться только

органика. Аномалия такая. Все неорганическое мгновенно исчезает. Оружие, одежда...

Яна приподняла бровь.

— А серьезно?

— А серьезно, зайди и увидишь, — брат кваза махнул рукой, видимо, утомившись от шуток. — Я тебя зачем привел — чтобы ты больше узнала об этом мире. Тебе повезло, Янка, появиться на Пустыре и изучить Улей в... можно сказать, тепличных условиях. Там, откуда приехали эти ребята, — он кивнул назад, на копошившихся возле машин людей Каната. — Все гораздо жестче и страшнее. Дальше на Запад. А здесь, возле Внешки, жизнь почти нормальная... если не считать самих внешников. Неизвестно, что там будет дальше, и как все сложится конкретно у тебя. Поэтому давай, постигай, пока есть возможность. Вперед.

В словах разведчика был резон. Яна вздохнула. Зачем-то одернув полы куртки, она сделала несколько шагов к монолитно-неподвижной границе кластера. На миг-два замерев у самой черной стены, решительно и поспешно шагнула вперед.

Мир вокруг нее мгновенно померк, но не перевернулся и не схлопнулся. Девушка огляделась. Чернота выглядела ожидаемо — унылой и черной. Ломкая черная трава хрустела под ногами, как сухой снег, только глуше и как-то неприятнее. Свет солнца то ли был, то ли нет. Должно быть, дальше в темень он становился слабее. Однако, помимо общего глобального депресняка, который навевало это место, и подспудного ощущения, что окружающая действительность как-то губительно действовала на все живое, что попадало вовнутрь нее, больше ничего особенно страшного Яна не ощущала.

— Ну, как ощущения, Снежок?

Девушка обвела глазами мир вокруг себя и дернула плечами.

— Да как обычно. А что?

Остававшийся на свету Серега казался слегка озадаченным.

— Как это что? Ты ничего не чувствуешь?

Яна еще раз честно прислушалась. Потом подрыгала ногами, руками, повела шеей и даже для верности подпрыгнула на месте.

— Ну? — она оглянулась и снова выжидательно посмотрела на незадачливого «экскурсовода». — Что должно случиться?

— Ты что, правда совсем ничего не ощущаешь? Точно?

— Точно! — не сдержалась Яна, которой все это начало надоедать. — Ничего. А что должно случиться?

Вместо ответа разведчик приблизился к краю «мертвой зоны».

— Может, это не черный, а странный кластер? Шляются везде... от них всего можно ожидать...

Помедлив, он с шумом вдохнул и сам перешагнул разделяющую границы между осколками мира черту.

— Ох, блин...

Едва оказавшись внутри зыбкого мрака, Серега пошатнулся, схватившись за голову. Яна с изумлением и недоверием смотрела за тем, как он со стоном сгибается, хватаясь уже за живот. Похоже, что из последних сил рванувшись назад, к свету, разведчик вывалился на зеленую траву. И, сотрясаясь, словно в судорогах, с усилием подтянул остававшуюся внутри «черноты» ногу.

— Серый! Ну хватит уже, кончай придуриваться!

Яна выпрыгнула вслед за ним. Однако, склонившись над разведчиком, с изумлением

обнаружила, что тот совсем не притворяется. Серегу действительно трясло как в лихорадке. На его лбу выступил крупный пот.

— Н-на меня эта шт-тука всегда д-действует х... характерно п-почти сразу, — содрогаясь, выдавил он. — Другие по несколько ч-часов могут т-там просидеть. А я...

— Чем вы тут занимаетесь?

Вадим шел от заправки быстро и с недовольным видом. Обернувшиеся Серега и Яна обнаружили, что новые знакомые уже почти все расселись по машинам. Похоже, люди Каната ожидали только их.

— Вадька, — игнорируя неудовольствие старшего брата, младший кое-как поднялся на трясущиеся конечности и с силой потер лоб. — Мы тут обнаружили. Оказывается, Яна не чувствует черноту. Вообще никак.

Кваз подошел вплотную. Смерив взглядом продолжавшего трястись младшего разведчика, он посмотрел на Яну.

— Как не действует? — хмуро уточнил он. — Совсем?

Девушка и младший разведчик переглянулись. Потом альбиноска пожалала плечами, и для сокращения объяснений шагнула обратно в черноту.

Кваз нырнул следом.

Оказавшись внутри, он почти сразу поморщился, прикладывая к виску тыльную сторону чудовищной ладони.

— Обычный мертвый кластер, — голос его звучал здесь глуше, чем обычно. — Как всегда. А ты? Не чувствуешь головной боли? Тошноты? Головокружения? Внутренности не давит? Кости не ломит? Что, совсем ничего?

— Да говорю же, ничего, — Яна повела плечами, еще раз подпрыгнула и хотела глубоко вздохнуть, но раздумала. Дышать мертвым воздухом даже при том, что на нее он якобы не воздействовал, девушку особо не тянуло. — Но, может, это из-за веса? Например, лекарств на мою массу нужно больше. И алкоголь не сразу берет... Хотя, конечно, с точки зрения медицины это полный...

— Все, не могу больше, — кваз сплюнул и выскочил обратно.

Яна вышла неспешно, больше для демонстрации своей ненормальной способности, так как оставаться внутри ей не хотелось тоже.

— Может быть, это ее Дар?

Вадим обернулся.

— Что?

— Ну, способность выживать в мертвых кластерах, — Серега мотнул подбородком на черноту. — Это Дар Уля для Снежка.

— Она сенс, — кваз продолжал хмуриться, придерживая голову. Очевидно, чернота влияла на него разве что немногим легче, чем на младшего брата, хотя он изо всех сил старался этого не показывать. — Улей не дает по два дара одновременно... Без жемчужины. А она жемчуг не ела. Значит, не то.

— Способность чувствовать опасность у меня была до того, как я сюда попала, — напомнила Яна, которую пребывание рядом с убивающей темнотой начало тоже морально напрягать. — Может быть, я все-таки не сенс? Ну, или не такой сенс... не из-за Уля?

Со стороны заправки посигналили. Там явно желали продолжить движение.

— Всё это очень странно, — Вадим опустил лапы и тут же поймал плечо споткнувшегося и едва не полетевшего головой вперед Сереги. — Если это действительно

Дар, то это очень редкая способность. Не знаю никого, кто владел бы ею.

Он потер затылок.

— Нужно будет протестировать еще. С другим кластером, — предложил Серега. — Для чистоты эксперимента.

Кваз согласно кивнул.

— Обязательно. Но позже. Сейчас нужно добраться домой.

— И довести детей, — снова подсказал младший брат, который, несмотря на все сопутствующее, в последнее время научился находить общий язык с вверенной ему капризной четырехлетней Егорыча. И похоже, что даже умудрился каким-то родом к ней привязаться.

— Да, — согласился Вадим. — Нужно довести детей. Все остальное — потом.

— Остальное... — мечтательно протянул Серега, едва успевая за шагавшим неуверенно, но быстро братом и бежавшей следом Яной. — Горячая ванна, чистая постель, домашняя еда и Надька... Эх, Надька... Да харе уже бибикать, идем, мы, идем! Не видят они, что ли, чтс мы идем??

Уже почти стемнело, когда впереди показались огни обширного поселения. Накатанное асфальтовое шоссе к нему вело вдоль береговой линии какого-то озера. Между озером и дорогой были навалены кучи гравия и песка. Ближе к поселку воду от суши стали отделять большие бетонные блоки и какие-то металлоконструкции.

По всей видимости, в дневное время суток здесь вовсю шла некая долгая стройка чего-то среднего между дамбой и фортификационными сооружениями.

— Похоже, местные расширяют территорию.

Эта фраза стала пятой по счету из тех, которые Канат проронил за всю многочасовую дорогу. Впрочем, Яна, которая устала даже сидеть, была не против царившего в салоне «Форестера» молчания.

Сзади пошевелился Вадим. Судя по позе и издаваемым шорохам, у него затекло все тело, причем довольно давно.

— Я что-то слышал про то, что они огораживают всю территорию стаба, потому что собрались разводить скот. Народу прибывает. Вокруг, конечно, поля, и они часто перезагружаются. Но мяса маловато. Будут выращивать — для себя и для поставок в РССС.

Канат неопределенно дернул плечами. Дорога сюда выдалась спокойной, и его руки расслабленно лежали на руле.

— Светлое хочет стать частью вашего содружества? — как бы невзначай проронил он.

Несмотря на усталость, Яна невольно заинтересовалась. До сих пор существование политики казалось ей чем-то малореальным в условиях всеобщего бардака этого мира.

Со стороны кваза донесся осторожный, но все равно могучий вздох.

— Вроде бы был разговор, — подбирая слова, как можно равнодушнее проговорил Вадим. Едва ли то, о чем он говорил, являло собой секрет. Однако, по-видимому разведчику все равно не хотелось особенно трепать языком на эту тему. — Но Светлое территориально слишком далеко от РССС. Между нами налажена поставка грузов — транспортными вертолетами по воздуху. Опять же, здесь стоит наш гарнизон. Но полноценный союз со Светлым означает полное внедрение в этом стабе стандартов РССС. В том числе социального обеспечения и защиты.

— Это все дорого и непросто. Я понял.

— Это выполнимо, — Вадим выделил последнее слово. — Но решает руководство.

— Разумеется.

Канат снова замолчал, давая Яне возможность отвлечься от разговора и внимательнее рассмотреть окрестности. Несмотря на то, что время было позднее, и в небе догорали последние лучи заката, осмотреться все же стоило. Тем более, что Светлое было первым стабом, который девушке довелось увидеть здесь.

Поселение вполне оправдало ее ожидания. Последние несколько сотен метров дороги шли между укреплений, нарытых то тут, то там рвов и минных полей. Все это хозяйство располагалось вокруг огромной, в четыре, а то и пять человеческих ростов, бетонной стены, которая окружала, как видно, сам поселок. Виденные издали огни горели именно на стене, и еще — на расположенных кое-где вышках. Яне показалось даже, что она заметила торчащие в небо дула каких-то орудий, но точнее в темноте и движении рассмотреть было сложно. Словом, первое увиденное ею поселение Улья в полной степени оправдывало все

стереотипы о жизни в условиях постапокалиптики.

К удивлению, большие, сваренные из некоего неизвестного, но наверняка крепкого и могучего сплава ворота оказались открыты. Перед ними, словно поджидая приближавшиеся с включенными фарами автомобили, выстроилось несколько вооруженных людей.

Впрочем, появления поздних гостей не могли не заметить издалека. Значит, местные не придерживались варварской средневековой традиции никого не пускать после заката. Что, конечно, не могло не радовать.

Канат сбавил скорость и оставшиеся несколько десятков метров почти прополз, остановившись перед головным встречающим. Яна догадалась, что автоматы на плечах явившихся навстречу мужиков — далеко не самый крупный калибр из того, что было нацелено на машины сейчас. Поэтому осторожность Каната совсем не казалась излишней.

— Вечер добрый.

— Здравствуйте, — худощавый предводитель автомобильной колонны открыл дверь, выходя наружу. Однако, мотора он не заглушил. — Просим разрешения на въезд в ваш стаб.

Собеседник Каната, среднерослый, широкоплечий мужик в камуфляже с погонами — какими, не разглядеть — нагнулся, заглядывая в машину.

— Цель? — скользнув взглядом по Яне и задержавшись на Вадиме, уточнил он.

— Транзит. Планируем остаться на день-два. Потом поедem дальше.

Мужик еще раз смерил взглядом распластанного по салону кваза и выпрямился, опустив упертую в раму «Форестера» руку.

— До нарушений машины проверять не будем. Вам разрешается ходить где угодно, с оружием. Но применять его кроме как против зараженных — если прорвутся, запрещено. Разборки даже на кулаках запрещены. Вход на территорию военной части и аэродрома тоже запрещен. Неповиновение карается...

— Мне как раз нужно на территорию части.

Вадим тяжело заворочался, пытаясь принять прямосидячее положение, отчего внедорожник несколько раз чувствительно качнуло. Встречающий снова нагнулся, заглядывая в салон. Кваз без лишних слов отогнул куртку, демонстрируя скрытую под ней нашивку.

— Разведка РССС. Доложите обо мне дежурному части. Я назову ему свой код.

Тон мужика едва заметно изменился. Но, к удивлению Яны, спорить и уточнять детали он не стал. Очевидно не то будучи каким-нибудь ментантом, не то зная что-то, чего не знала девушка и сходу умея отличать настоящие нашивки РССС от фальшивых.

— Вы направляетесь туда прямо сейчас?

— Нет, — после короткой паузы, решил Вадим. — Сначала расположу на ночь свою группу. Часа через полтора.

— Я доложу, — мужик махнул рукой, отходя от машины. — Ладно, порядок. Проезжайте.

Город Светлое частично оправдывал свое название — несмотря на темное время суток, в нем оказалось достаточно светло из-за натянутых фонарей и горевших перед некоторыми домами железных бочек. Как пояснил разговорившийся Канат, этими бочками местные решали сразу три задачи — одну основную и две побочных. А именно, бочки хорошо освещали темные углы улиц, неся свет в царство мрака. И, помимо этого, непрерывно работали подручными утилизаторами бытового мусора. Правда, мусор в них уничтожался,

понятное дело, не весь. Да ещё при этом так усердно выделял продукты горения, что дух на улице стоял тяжелый, и от него нельзя было спрятаться даже в салоне «Форестера».

И, наконец, возле горящих бочек можно было погреться, так как этот кластер, хоть и стабильный, похоже, был еще стабильно прохладным. Девушка пока не чувствовала особенного холода сидя в машине, да еще в куртке. Но она уже догадывалась, что без верхней одежды в Светлом некомфортно. Оставалось удивляться, как по соседству с таким продроглым стабом могли подгружаться летние кластеры с самым разнообразным урожаем.

Дома здесь разительно отличались от ожидаемых Яной постапокалиптических развалин. Но все равно соответствовали представлениям о том, каким должна быть архитектура поселка в таком мире. Приземистые, явно перестроенные, или наоборот — высокие, с заложенными первыми этажами и толстыми стенами, дома словно готовились в любой миг отразить нападение — и по большей части имели на это все шансы.

Большинство окон было маленькими и узкими, с непременно толстыми решетками. Кое-где на крышах виднелись навесы, под которыми в характерных чехлах стояли, как видно, малопонятные для непросвещённых оборонительные приспособления.

— Здесь многое изменилось с тех пор, как мы проезжали в последний раз.

Вадим отвлекся от разглядывания проплывавших за стеклами улиц.

— Уже приходилось бывать? — с некоторым удивлением уточнил он.

— Да, — продолжая придерживать самую малую скорости, Канат аккуратно свернул с широкой главной улицы на боковую. — Лет пять назад. Тогда еще не было стены.

Старший разведчик хмыкнул.

— Местным приходилось туговато. Кроме самого стаба и полей с урожаем, больше тут ловить нечего. Вокруг на многие сотни километров даже не лес — степь.

Он поморщился, пытаясь переменить положение намертво затекшего организма.

— Мы им начали транспортниками доставлять стройматериалы. Даже сельхоз техника добиралась сюда по воздуху. Кое-что подвозили торговцы. В общем, работали потихоньку.

Вадим снова умолк, опираясь на локоть и садясь почти прямо.

— Вложения были колоссальные. Зато теперь, при рейсовом сообщении между Светлым и Южнокраем, у нас стабильный товарооборот. Благодаря ему в самом Архипелаге не так остро стоит вопрос со свежими продуктами, а в Светлом — с оружием и горючим. Если надо, люди всегда найдут, как поладить между собой... к взаимному интересу.

Канат помолчал.

— Жаль, что ваше содружество — так далеко на Востоке. Западнее тоже есть стабы, с которыми вы бы могли... поладить.

Кваз подумал и кивнул.

— Может быть, когда-нибудь и поладим.

Меж тем Канат уверенно подрулил к невысокой, в два этажа, но длинной, как барак, гостинице. Рядом с ней под навесом стояло несколько самых разнообразных транспортных средств, владельцы которых, по-видимому, местными не являлись и пережидали ночь внутри.

Последняя машина из колонны «Форестеров» притормозила у края некоего подобия тротуара. Из нее, покряхтывая, вывалился Егорыч. Лёха выпрыгнул следом. Серега выбрался из внедорожника, который шел за головной машиной. Четырехлетнюю Лену он держал на руках — разморенная долгой дорогой, девочка крепко спала.

Канат тоже вышел из машины. Вдвоем с прихрамывавшим Вадимом они выгрузили

багаж — оружие и четыре рюкзака.

— Вы внутрь не пойдете?

Канат оглянулся на свою колонну. Два-три человека из его команды высунулись наружу, но от внедорожников никто не отходил.

— Мы не пойдём, — немногословно пояснил он. — Нам есть, где переночевать.

Вадим не стал выяснять подробности.

— Дело ваше. Спасибо.

Канат пожал протянутую лапищу.

— Без спасибо. Мелких надо было подбросить. Удачи.

— Удачи.

Помахавшие на прощание фореcтоводы нырнули обратно в свои внедорожники. Колонна тронулась, и спустя несколько мгновений, исчезла за темневшими домами.

— Идем, — Вадим подхватил сразу оба рюкзака. — Надо вас устроить на ночевку. Места, надеюсь, здесь есть. Потом нам с Серегой нужно успеть наведаться к аэродрому. Пока время не совсем ещё позднее.

— Снежок, эй! Вставай! Бегом!

Яна вскинулась, продирая глаза. В узкое зарешеченное окно виднелся кусок сине-серого неба. Судя по всему, было еще чудовищно рано — и довольно холодно.

Немилосердно трясший ее Серега убедился, что его усилия не прошли даром, и метнулся к Егорычу. Бодрее всех ситуацию воспринял Лёха — пока девушка и слесарь кое-как выползали из гостиничных постелей, куда завалились накануне, не найдя в себе силы даже поужинать, он уже бодро носился по комнате, помогая собирать то небольшое, что с вечера было здесь разбросано.

— В чем дело? — морщась, уточнила Яна. Вытащив вынесенную из кластера с магазинами расческу, она пыталась в темпе привести себя в порядок, насколько это было возможно. — Чего ты мечешься? Что за спешка?

— Сколько сейчас времени?

— Половина шестого, дядь Паш, — Серега бросился к сваленному у порога объемному мешку и, подтянув его, вывалил посреди комнаты содержимое. — Вот, разбирайте, примерьте. Мы с Вадькой вчера торопились, не было времени смотреть и прилаживать. Всем годится размер?

Яна с изумлением обзрела гору верхней зимней одежды и обуви. Судя по лицу Егорыча — тот тоже готов был задать вполне закономерный вопрос.

— Что смотрите? Примеряйте, живее! Мы вчера договорились, места нам будут. Только вылет назначен сегодня, на семь. Если опоздаем, следующий рейс до Южнокрая, это нужный нам стаб на Архипелаге — через десять дней. Когда перезагрузится поле с кукурузой и ее соизволят убрать... Хотите торчать здесь больше недели? Нет? Тогда давайте, живенько, живенько, бегом!

— А шубы-то зачем? — все-таки успел уточнить слесарь, поддаваясь шебутному настроению младшего разведчика, и спешно натягивая отороченные мехом сапоги. — Тут не так холодно. Или мы что, собрались на Северный полюс?

— Почти, — Серега, с помощью Яны, кое-как впихнул хныкающую девчонку в толстую дубленку и натянул на нее пышную меховую ушанку. — Класс. Как влитое. Так, — он вскочил с кровати, хватая с пола мешок. — Снимайте пока зимнее, сейчас вы в этом спаритесь. Натяните потом. Уже в вертолете. Давайте, быстрее, я сказал! Время идет!

Лёха покрутил стриженной головой.

— А где рюкзаки наши, дядь Серёж? Украли?

— Да какой там украли, — разведчик принял на руки и не складывая впихнул Янину куртку обратно в мешок, и сразу следом за ней — сапоги. Похоже, он действительно очень торопился. — Вещи уже унес дядя Вадим, чтобы нам было легче и быстрее идти.

Яна выпрямилась и сунула расческу в карман.

— Далеко отсюда до аэродрома?

Серега на миг замер, прикидывая.

— Отсюда вашим ходом — минут сорок. Так что желательно уже выходить, — он огляделся. — Ну что, все готовы? Ничего не забыли, вспоминайте. Нет? Настроение как — боевое? Вижу, Лёха, что у тебя-то точно боевое. На дорожку посидели? Молодцы. Дядь Паша, в вертолете успеешь доспать. Все, погнажи, погнажи, вперед!

Яна давно привыкла к тому, что в этом мире часто приходилось передвигаться бегом. Улицы более или менее безопасного человеческого поселения не стали исключением. К тому моменту, когда вся их честная компания, пыхтя и отдуваясь, добралась до широких ворот местной военной части, пот лил градом даже с Сереги, который тащил на себе мешок.

— Еще полчаса, — мельком сверившись с наручными часами, младший разведчик отер лоб рукавом и махнул в сторону взлетно-посадочной полосы. Там, чуть в стороне у не то складов, не то ангаров, стояло четыре огромных вертолета и около десятка — поменьше. Рядом с каждым из пропеллерных гигантов находилось по стяжке из скрепленных друг с другом металлических контейнеров.

— Ого. Ничего себе — вертолеты!

— Это Ми-26, самый большой в мире... и в том, и в этом, — Серега кивнул в сторону винтовых машин и поддернул мешок. — Во всяком случае, до сих пор у внешников никогда не замечали чего-то больше. А кроме них... и нас здесь никто больше и не летает. Ну, все, идем.

Они направились к крайнему вертолету. Здесь шли последние приготовления — техники еще раз проверяли состояние машины и крепления груза. Чуть в стороне двое — худой усатый мужик и его напарник — высокий и смуглый представитель азиатской части необъятной и уже недоступной Родины, в плотных сине-серых комбинезонах и накинутых поверх комбинезонов одинаковых куртках, о чем-то негромко переговаривались, наблюдая за работой.

— Пилоты?

— Угу, — Серега еще раз поддернул мешок. — Командир Рахимов Ильяс Кирымжанович. Второй пилот... Степан Алексеевич... Блин, фамилию не запомнил.

Яна не сдержалась и хмыкнула.

— Что?

— Было бы естественнее не запомнить первую.

Серега усмехнулся и поддернул сползавший мешок в третий раз.

— Ну, идем в кабину. Или как там это у них называется...

Никто не удивился их появлению — очевидно, все действительно были предупреждены. Коротко поздоровавшись с пилотами, Яна, Егорыч и его внуки вслед за своим проводником вошли в кабину огромного и, несомненно, самого могучего вертолета во всех известных им мирах.

Кабина впечатляла — но не из-за ее исполинских размеров, и даже не из-за обалденной приборной панели, разделенной не для двух, а для четырех пилотирующих — судя по числу пилотских кресел. Просто все пространство внутри огромного вертолета было заставлено большими деревянными ящиками, из которых несло запахом свежесорванной кукурузы, помидоров, огурцов и прочей зеленой снеди. Среди всей этой поклажи Яна не сразу заметила Вадима. Квас кое-как разместил рюкзаки, частично сложив их едва не под ноги «задним» пилотам, частично — закинув сверху на крытые ящики. Сам он восседал у борта, заняв целых два откидных сидения. Судя по его позе, из-за заставленного пространства кабины, здесь ему было не намного удобнее, чем в салоне «Форестера».

Увидев появившихся в дверях членов своей группы, явно нервничавший старший разведчик просветлел лицом.

— Слава Богу. Я уже боялся, что вы не успеете.

— Вылет еще через двенадцать минут, — Серега бухнул мешок на колени брату и присел рядом, забирая на колени внучку Егорыча. Четырехлетняя Лена, против обыкновения, не ныла и не капризничала, а с интересом оглядывалась вокруг. — Было бы чего волноваться...

— О, а вот и наши пассажиры!

Голос донесся откуда-то из глубины грузового отсека. Пробираясь между ящиков, оттуда просочился стройный светловолосый мужик лет двадцати семи-тридцати. Продемонстрировав немалый опыт передвижений в условиях повышенной тесноты, светловолосый ловко проскочил между еще не успевшими рассестись людьми. Но у самой приборной панели все-таки споткнулся о выставленный здесь багаж и влетел головой в спинку одного из задних кресел.

— Бре!

— Я виноват, — Вадим притянул рюкзак к себе, но свободнее из-за этого не стало. — Набросал.

Светловолосый махнул рукой, проворачиваясь в кресле.

— Ерунда, тут и так не пройти. Бортинженер Грачанин. Деян, — он протянул руку.

Яна, которая оказалась ближе всех, волей-неволей протянула свою, так как обращались именно к ней. Но бортинженер, вместо того, чтобы пожать, вдруг несильно стиснул ее пальцы и неувлимо-изящным жестом коснулся запястья губами.

— Здраво, лепа незнакомка. Новенькая, да? Я бы обязательно запомнил такую женщину. Будешь жить у нас, в Южнокрае?

Яна смущенно кашлянула и высвободила руку.

— Я... еще не знаю...

— Нет, ну ты смотри. Братушка уже подкатывает к очередной невесте!

Еще один мужик, в том же серовато-синем комбезе с малопонятными нашивками появился сразу вслед за бортинженером. Протиснувшись между ящиков, он грузно шлепнулся во второе кресло рядом с Грачаниным и с облегчением выдохнул. Этот член экипажа оказался гораздо старше, с объемным пузом и залысынами.

— Почему бы нет? — Грачанин подмигнул Яне и отвернулся к приборам. — Человек должен иметь жену. Собака ты есть нехорошая, Петрович. Сам давно окольцован, а мне заводить знакомства мешаешь.

Петрович, который, по логике, мог быть только штурманом, усмехнулся и покачал круглой головой.

— В нерабочее время — сколько угодно.

Грачанин придал лицу скорбное выражение и еще раз переглянулся с Яной. Девушка вежливо улыбнулась — задевать кого-то невниманием при том, что их любезно взяли на борт, ей не хотелось. Меж тем в кабину поднялись давешние командир со вторым пилотом, и с ними высокий, стриженный молодой парень. Комбез последнего имел не серо-синий, а бежевый оттенок.

— Денис, наш оператор грузовой кабины, — командир Рахимов кивнул на бежевого и, протиснувшись между кресел, занял свое место. — Ну что, пассажиры, как настроение? Если кого-то укачивает — идите сразу к аптечке, берите пакеты.

Яна со вздохом поднялась. За свой вестибулярный аппарат она оставалась спокойна, но насчет малой Ленки уверенности не было.

Пока девушка продвигалась к аптечке туда, а потом обратно, гул тяжелых винтов

знаменовал начало взлета. Яна едва успела плюхнуться на жесткое сидение между Лёхой и Егорычем, когда пол под ногами дрогнул.

— Группа сопровождения уже в воздухе. Начинаем отставать.

— Успеем... — голоса переговаривавшихся членов экипажа начинали тонуть в шуме и грохоте заработавшей машины, которые в кабине звучали довольно чувствительно. Не летавшей Яне до того казалось, что все должно было проходить тише.

Земля еще раз дернулась под ногами — и медленно, раскачиваясь поползла вниз. Любопытные пассажиры невольно изо всех сил вытягивали шеи, пытаясь рассмотреть за стеклом потрясающий момент взлета исполинской машины.

— Поехали, — воспользовавшись тем, что всеобщее внимание было отвлечено, едва слышно сам себе пробормотал суеверный старший разведчик.

И незаметно перекрестился.

Несмотря на тесноту, грохот и тот факт, что капризной Лене все-таки потребовался пакет, за несколько часов полета Яна получала ни с чем не сравнимое удовольствие. Военную технику, в особенности отечественного производства, она всегда уважала, и живо интересовалась наиболее яркими ее образцами. Однако одно дело — любоваться творением инженерного гения на чьих-то разрешенных фото и видео, и совсем другое — сидеть за спиной одного из членов экипажа, который управлял самым большим и могучим транспортным вертолетом из всех существующих.

Полет не был гладким. Приборная панель часто и синхронно мигала всеми датчиками. Стрелки на табло дергались так же синхронно — и тогда огромная машина проваливалась в чудовищные воздушные ямы. Как видно, это происходило, когда они пересекали очередную границу нового кластера. Пассажирам, которые более или менее отошли где-то к пятнадцатому такому разу, оставалось только восхищаться мастерством экипажа, который выравнивал и как ни в чем не бывало продолжал полет исполинской машины.

— Мы не сразу в Южнокрай, — спохватился уточнить Серега спустя несколько часов, когда сначала сопровождавшие транспортник «Аллигаторы», которые можно было видеть в иллюминаторы впереди и сбоку, а потом и сам Ми-26 пошли на снижение. Говорил разведчик громко, и на ухо Яне, так как орать рядом с пилотами было неудобно. — Сейчас сядем для частичной разгрузки и дозаправки в Отважном. Отважный — это самый крайний юго-западный стаб Архипелага, и один из старейших стабов в регионе. Командир предупреждал, что стоянка — почти час. Если захочешь размять ноги, одевайся теплее.

... Стаб Отважный стоил того, чтобы «размять там ноги». Затерянная высоко среди гор живописная долина была обширной, и одновременно с тем — компактной. Окруженная со всех сторон величественными заснеженными вершинами, она выглядела нарочными декорациями к какому-нибудь Властелину Колец. Фэнтезийное впечатление от этой картины усиливалось за счет большой природной каменной чаши с чистейшим синим озером на одном из склонов.

Поселок этого стаба кардинально отличался от того, который Яне довелось увидеть в Светлом. Здесь не было ни укреплений, ни стены. В них не было нужды — тропа из внешнего мира существовала всего одна, и она тщательно охранялась. Хотя девушка уже знала, что рядом с «Внешкой» помимо зараженных могли нападать другие враги — те, которые появлялись с неба, вооруженные до зубов и охочие до человеческих внутренностей.

Однако, она догадывалась, что таким здесь тоже умели давать отпор. Отчего-то не верилось, что люди, которые могли позволить себе в условиях постапокалиптики рейсово летать от стаба к стабу и перетаскивать многотонные грузы, при этом обеспечивая свою безопасность ударной группой боевых вертолетов, не подумали бы об обеспечении средствами ПВО беззащитного поселка.

Тем временем вертолетная группа, состоявшая из двух тяжелых транспортных Ми-26, четырех разведывательно-ударных Ка-52 «Аллигаторов» и одного Ка-52 «Катрана» села на обширную площадку, разбитую на плато.

Отсюда открывался великолепный вид на долину. От плато к стабу вела наезженная дорога, явно проложенная здесь недавно — асфальт на ней выглядел темнее, чем мог бы после долгих лет службы. Дорога убегала к хвойно-лиственной роще, которая произрастала в

долине, местами уступая пространство кучковавшимся домам. По большей части дома были деревянными. Из многих труб шел дым — несмотря на наличие буйной растительности, разреженный горный воздух был довольно прохладным, разве что только не морозным.

И все это вместе — уютные, деревянные домики, вековые деревья, синева высокого неба, которая отражалась в водах озера-чаши, и величественные горные вершины — только усиливало впечатление будто бы фэнтезийной сказки. Все в этом стабе дышало каким-то неуловимым покоем. При этом грязь и уродство этого мира оставались где-то так далеко, что они казались почти неправдой...

Яна долго стояла у края площадки, куда отошла, чтобы не мешать стартовавшим почти сразу же разгрузочным работам. К ее удивлению, тот груз, который перевозился внутри транспортников, не тронули, зато внешние контейнеры, которые могучие вертолеты тащили на тросах, были освобождены почти полностью. Несколько груженых пикапов неизвестной марки, очень похожих на сборную солянку из всего, что подошло одно к другому, уже уехали в сторону поселка. После их отъезда разгрузочные работы почти прекратились. Зато начался обратный процесс — в контейнеры грузили нечто, сокрытое в контейнерах поменьше, но — из свинца. Свинцовые контейнеры доставляли из здания склада, которое стояло тут же. Что находилось в новых закрытых контейнерах можно было только догадываться. Но Яна, которой не нужны были чужие секреты, догадываться не хотела. Она просто стояла, вдыхая чистый воздух, и наслаждаясь открывавшимся ей редким зрелищем прекрасной долины...

— Вам нравится наш стаб?

Девушка обернулась. Грузный мужчина средних лет подошел неслышно — впрочем, неудивительно из-за доносившегося из-за их спин шума. В отличие от разнорабочих склада, неожиданный собеседник не носил форменного комбинезона — должно быть, это был просто житель долины, который решил прогуляться до аэропорта и посмотреть на пришлых.

Тон, с которым к ней обращались, был приветливым и ровным. Яна кивнула, снова обратившись взглядом к долине.

— Здесь очень красиво.

— А будет еще и удобно, когда мы через сезон запустим новую котельную, — абориген сложил руки на груди, тоже оглядывая свою «малую землю».

Девушка еще раз кивнула, соглашаясь — котельная едва ли могла помешать этому месту. Было бы еще, чем топить, не вырубая здешних лесов — но наверняка, было.

— Вы местный, да? — Яна указала на насыпной холм, который возвышался посреди поселка. Холм занимал немалое место. И, насколько можно было судить на таком расстоянии, являл собой целый мемориал, вершину которого венчала высокая фигура как будто бы солдата. — Не подскажите, что это за памятник? Он уже был, когда люди сюда пришли? Или вы не знаете?

Местный усмехнулся и опустил руки.

— Этот памятник установили самые первые поселенцы, — он полез в карман и вытащил папиросу и зажигалку. Однако, посмотрев на них со всех сторон, убрал обратно. — Вам, наверное, не рассказывали историю этого места. Отважный — старейший стаб из открытых в этой части Улья. На него наткнулся партизанский отряд, который тайком переправлял через линию фронта найденного в лесу раненого летчика с раздробленными ногами. Правда, во время этой операции партизаны сами попали в окружение, и вынуждены были долго отбивать атаки врага, удерживая позицию на брошенном хуторе... И они отбивались — до тех пор, пока не спустился туман, и не забрал их всех сюда.

Он помолчал.

— Только гораздо позже до них дошла информация о том, что война закончилась победой. Знали бы вы, какой... поддержкой она тогда оказалась.

Яна выслушала эту короткую и скупую историю о бесконечном человеческом мужестве с немалым изумлением. Она уже догадалась, что стоявший рядом с ней мужчина находился в составе того самого партизанского отряда, хотя, как видно, из скромности не хотел теперь в этом признаваться. И испытала глубокое уважение к собеседнику.

— А памятник? — осторожно напомнила она.

Собеседник, словно помнившись от мимолетных прошлых воспоминаний, без нужды прокашлялся.

— Этот памятник... Ну, во-первых, в честь всех защитников нашей Родины. Его установили после той самой вести о нашей победе.

Он помолчал еще.

— Но для многих здесь он — больше, чем просто память о прошлом мире. Тогда, оказавшись на новом месте, с его... новыми законами люди были в растерянности. Вы здесь сами недавно, и можете понять. Врагом партизанам был нанесен серьезный урон. К тому же у них по-прежнему оставался раненый, которого они не собирались бросать несмотря ни на что... Несмотря на неоднократные просьбы самого раненого, который долгое время был для них обузой.

Рассказчик все-таки вытащил папиросу, но не зажег ее, просто удерживая между пальцев.

— Этот памятник — символ Победы. Победы в старой войне, которая была без нас. Но и еще — новой Победы, когда поселенцы шли с далекого запада, изыскивая и отвоевывая у тварей каждую пядь стабильной земли. Для того, чтобы дать людям надежду на нормальную и спокойную жизнь. Пусть и не в нашем мире, а в этом. Мемориал — напоминание всем живущим... и тем, кто еще будет жить о том, что в конце концов это получилось.

Он окончательно убрал так и не выкуренную папиросу.

— А то, что получилось у одних, получится и у других. Значит, дело человека даже здесь не так безнадежно, как считаете?

Собеседник улыбнулся девушке — в первый раз за разговор. Улыбка солдата, которого отделяла от Яны разница почти в целый век, и который при этом выглядел не старше сорока, оказалась неожиданно жесткой и твердой — но человеческой.

— Здесь действительно красиво, — не дожидаясь ответа он, не глядя, мотнул головой в сторону долины. — И безопасно. Прилетайте в гости. А еще лучше — оставайтесь у нас навсегда. Незамужних девчонок здесь мало. Вам будут рады.

Он еще раз улыбнулся уголками губ и отошел к почти завершившим погрузку операторам. Со стороны поселка вновь показались пока еще далекие пикапы. Яна смотрела, как они медленно и осторожно ползут по крутому склону и переваривала новый кусок реальности, который ей выпало здесь увидеть. Вопреки очевидным законам жуткого мира, это оказался не самый плохой кусок.

Однако, как следует додумать все ее мысли девушке не дали. Вдоволь наобщавшийся с грузчиками и пилотами Серега подошел почти сразу же, как ее прежний собеседник удалился на достаточное расстояние, чтобы их не слышать.

— Баки заправлены, перезагрузка закончена, — бодро отрапортовал он. — Пора двигаться дальше. Идем, а то улетят еще без нас.

Яна вздохнула. Оставшийся ей неизвестным старый партизан был прав — здешние места не отпускали своей неприкрытой, тихой, почти сказочной красотой. Улетать отсюда совсем не хотелось.

Впрочем, выбор у нее если и был, то не теперь. Подавив еще один вздох, вслед за Серегой она направилась обратно к вертолету.

По дороге младший разведчик мялся, что обычно на него не было похоже. Наконец, он все-таки не выдержал, когда до трапа оставалось считанных несколько десятков шагов.

— Слышь, Снежок... Это, конечно, не мое дело... Но о чем вы с ним говорили?

Девушка бросила на разведчика удивленный взгляд.

— С кем? — с некоторым недоумением переспросила она.

— С Алексеем Петровичем, — Серега еще раз оглянулся на грузную фигуру темноволосого собеседника Яны, который уже скрылся в здании складов аэропорта. — Человек, с которым ты общалась. Он военный летчик, ветеран Великой Отечественной. С отрядом партизан прорывался сюда от самой границы Пекла, причем он сам — почти без ног, раздробило при падении самолета. Этот человек — легенда, как и все из его отряда. И ещё — бессменный глава администрации в Отважном... последние пятьдесят пять лет.

Еще на подлетах к Южнокраю Яна, наконец, получила возможность собственными глазами увидеть причину, которая отпугивала потенциальных поселенцев в РССС, несмотря на то, что это объединение располагалось на огромных участках абсолютно стабильной и защищенной земли.

Впрочем, не только она. Егорыч и его старший внук — первый со скрытым волнением, а второй — с нескрываемым восторгом смотрели на сверкавшие в лучах заходящего солнца белоснежные глыбы многокилометрового льда, которые то тут, то там вырастали на пути следования группы, и которые пилотам приходилось тщательно огибать. Пустырь являл здесь себя по всей красе. Кластеры из Антарктиды, подтаявшие и целые, причудливо обрезанные с разных краев, усердно грузились «подобное к подобному». И на этом участке географии Улья делали это так кучно, что не оставалось вопросов, отчего Архипелаг РССС не пользовался миграционной популярностью среди обитателей Улья.

Впрочем, территория стаба, вопреки крепнувшему опасению Яны, лежала не на леднике. Ледник лишь высился с нескольких сторон — могучий и здоровенный, упирившийся сверкающими вершинами прямо в небо. Он закономерно выглядел как причудливые, белые горы.

И от него даже визуально веяло нешуточным холодом.

Однако, земля Южнокрая, которая сразу после ледника потянулась под брюхом вертолета, хотя и укрытая снегом, оставалась именно землей. Об этом свидетельствовали заросли тех же осточертевших сосен и елей, перемежаемых руслами замерзших ручьев и рек.

Впрочем, по мере удаления от ледника, снежный пласт становился все тоньше, деревья — выше и пышнее, а вода пребывала уже в более удобном человеку жидком состоянии. Возле водоемов стали попадаться небольшие поселки — возле каждого они ненадолго зависали, спуская контейнеры с продовольствием. Яне оставалось только удивляться величине этого стабильного кластера — рядом с ним даже здоровенный кластер Луоры не казался таким уж здоровенным.

— Южнокрай — второй по величине стаб Архипелага, — охотно пояснил Серега в ответ на ее напряженный вопрос. Вадим не отвечал ни на какие вопросы — он потерялся где-то в хвосте, где до того помогал оператору Денису вручную страховать выгрузку контейнеров. Сейчас они уже ничего не выгружали, но по-видимому разведчик решил посидеть на освободившемся месте, устав от тесноты. — Около ста семидесяти квадратных километров. Крупнее только Центральный — почти двести пятьдесят. Центральный дальше от ледника, там гораздо теплее. Но климат тоже... своеобразный.

Серега умолк, прикидывая, о чем еще стоило сей же момент проинструктировать напряженно слушающую его девушку и подсевшего ближе Егорыча.

— Центральный хоть и называется Центральным, но это относительно других стабов Архипелага он центральный. А относительно территории Улья — самый крайний, — закончив прикидывать, тезисно продолжил он. — Центральный с востока омывается здоровенным таким пресным озером, которое водами уходит в черноту. Мы обозвали его Черным морем, хотя какое из него море. Но у Центрального вообще вся восточная граница — черная.

Он потер ухо.

— Хотя сама по себе чернота не опасна, если в нее не соваться, народ это все равно нервирует. Селиться стараются дальше на запад. Тем более, что из-за Черного моря постоянные циклоны, туманы, ливни и перемещения воздушных масс — короче, жизнь, как на Туманном Альбионе. А почему так, никто толком объяснить не может, в других местах севернее и южнее все по-другому. Но там — обычные кластеры, а не стабы. А в восточной части Центрального то горячий дождь, то холодный прилив — как будто есть в черноте что-то такое, что воду будоражит. А что — пойди разбери. Поехать посмотреть невозможно. В черноте электроника глохнет, а людей крочит до смерти. Пытались туда отправлять экспедиции, да только на веслах далеко не заплывешь. Поэтому загадка все еще остается загадкой.

— Такая погода — только на восточном побережье?

Сергеа кивнул.

— Да. Дальше на запад — суше и без аномалий. И теплее, но все рано прохладно. Средняя температура — плюс двенадцать-пятнадцать. Почва — гов... плохая. Наши пытаются выращивать хоть что-то, но в таких условиях только самое стойкое и растет. Впрочем, есть в нашем расположении и плюсы.

Егорыч мрачно кивнул.

— Ни одна сволочь в такой дубак не сунется.

Младший разведчик замялся, потирая теперь уже затылок. Уже было подуспокоившиеся Яна и старый слесарь снова насторожились.

— Что? Ты же говорил, что на востоке тварей выкашиваете вы и эти... внешники?

— Все так, дядь Паш. Обычных зараженных возле нас действительно почти нет. Приходится выдвигаться и вылетать на запад, чтобы на них охотиться. Но...

— Но?

— Но есть зараженные необычные, — Сергеа кашлянул, и в очередной раз поймал все норовившую вывернуться из его рук внучку Егорыча. — Их называют скребберы. В Улье считается, что это мистические существа, и поминать их всуе не стоит — это навлекает несчастья. Но лично я никаких несчастий, кроме стандартных, у поминающих не замечал. Ленка, да сиди ты спокойно!

Он снова подтянул сползавшую девчонку.

— О чем это я... А, ну так вот, эти самые скребберы — действительно загадка. Они не обычные зараженные. Мы даже не уверены, что они вообще — зараженные, а не... коренные аборигены самого Улья. Любая такая тварь во много раз сильнее, страшнее и опаснее самого матерого элитника. Бывали случаи, когда один скреббер уничтожал целые колонны охотников — не только у нас, но и у внешников. Но бывает и так что при встрече скреббер не тронет, даже если заметит. Пока сам не нарвешься. В этом их отличия от зараженных. Те нападают всегда. Скребберы — часто. Но... возможны варианты.

Он помолчал.

— Многие полагают, что эти твари разумны. И наделены Дарами Улья — подогнанными под их нечеловеческое сознание. Поэтому убить такую тварь — большая сложность, чудовищный риск и просто невероятная удача.

Яна дернула щекой.

— Дай я угадаю — эти твари кишмя кишат в этом регионе?

Сергеа кивнул.

— Эти твари любят черноту. Их постоянно видят возле черных кластеров. Но не здесь, а

на западе. Там, где подгружаются огромные куски больших городов, все жрут всех и творится настоящий ад. На востоке скреббер это редкость... Везде, кроме конкретно нашего региона.

Девушка подняла брови и, не сдержавшись, фыркнула.

— И почему я не удивляюсь. Значит, помимо льда, мороза, погодных аномалий и черноты здесь еще и рассадник самых опасных тварей?

— Ну да, — младший разведчик кивнул с самой простецкой улыбкой. — А вы думали, чего так мало желающих селиться на Архипелаге? Скребберов часто видят в северной части Центрального стаба, возле границы с чернотой. Как раз там, где теплее всего и можно было бы раскатывать огороды. Жалко, конечно, что такая благодатная земля пропадает. Но в любом случае это удобно — они появляются только в одном месте, и там их и приловчились накрывать. У нашего расположения, как я уже пытался сказать, есть и плюсы.

— Вертолеты, — догадалась Яна, бросая невольный взгляд в сторону пилотов и понижая голос. — И средства ПВО...

— И оружие. Много, — Серега тоже оглянулся на пилотов. — Кроме льда и сугробов как раз между Южнокраем и Центральным, грузятся две военные базы. Одна из них ВВС, с нее мы и снимаем нужную технику. И их склады, в том числе огромные запасы горючего. Плюс персонал и личный состав, который обращается далеко не весь. При таком подспорье мы можем держать на расстоянии внешников. И на скребберов охотимся... почти всегда удачно. А мертвый скреббер — это не только нивелирование исходящей от него опасности. Это еще и единственный источник белого жемчуга...

— Эй, пассажиры, хорош трепаться, — Грачанин обернулся, трогая Яну за плечо. Девушка вздрогнула — за важным разговором она временами забывала, что они в кабине не одни. — Уже скоро подлетаем к райцентру. Командир спрашивает — тут кто-то из вас хотел передать что-то на землю, или уже передумали?

Долгий перелет завершился приземлением в гораздо более цивилизованном аэропорту, чем те, которые довелось увидеть в других стабах. Сердечно попрощавшись с экипажем, усталые пассажиры выбрались на мигавшую огнями взлетно-посадочную полосу. И, сгибаясь под тяжестью рюкзаков, поспешили в небольшой проход между ярко освещенным зданием аэропорта и длинными корпусами складов.

Теперь подопечные сумели по достоинству оценить заботу разведчиков, заранее запасшихся теплой одеждой. Холодный, пронизывающий ветер ледяными иглами впивался во все неприкрытые участки кожи, заставляя ёжиться даже под защитой мехов. Вечернее небо было затянуто быстро бегущими, без единого просвета, облаками, из-за чего остаток дня казался темнее, чем мог бы. Яна устала, чувствовала нешуточный голод и еще — острое желание помыться.

Но хуже всего, что она понятия не имела, куда идти теперь, когда разведчики доставили своих подопечных в безопасное место, и их добровольная моральная ответственность будто бы заканчивалась.

Однако, похоже, что у самих разведчиков имелось собственное мнение на этот счет.

— Ну, и куда нам шас податься? — деловито и довольно кстати озвучил мысли девушки Егорыч. Пенсионер и бывший алкоголик, несмотря на все тяготы пути, за последнее время как-то подтянулся и даже помолодел. Теперь он к удивлению не выглядел таким дедом, как раньше. — Есть у вас какие-то гостиницы? Хотя у меня денег-то нет...

Вадим, который уже привычно нес два рюкзака — за себя и за брата, считая, что живой капризный груз куда тяжелее, поддернул съезжавшую с могучих плеч поклажу.

— Мы тут подумали, — младший разведчик покрутил носом и потер отмороженную щеку о плечо. — Первое время вам лучше будет остановиться у нас. Дом большой, места хватит. Зарегистрируетесь, встанете на учет, подадите заявку на работу... А там будет видно.

Яна и Егорыч переглянулись.

— А это будет удобно? — осторожно переспросила девушка, втягивая руки в рукава. — Ваши родственники...

— У нас здесь из родственников одна Надька. Моя жена, — Серега снял с загривка ноющую девчонку и взял ее на руки, давая обнять себя за шею. — А она сама давно просила взять в дом хоть квартирантов. Мы уходим надолго, и ей одной скучно... а иногда даже страшно. Надька почему-то боится темноты.

— Почему-то, — без выражения повторил Вадим.

Серега философски поднял брови.

— С того случая прошло много времени. Можно было бы уже и... Ладно, — он переменял руку, на которой восседала закутанная в хорошую, почти новую шубку девочка. — Не верите — спрошу у жены при вас. Надька — не конформистка. Если ее что-то не устроит — она скажет прямо.

— Это точно. Она скажет.

— Блин, и с того случая тоже прошло много времени, — Серега треснул по плечу брата, у которого были заняты обе руки, вследствие чего он никак не мог ответить тем же. — Мог бы уже не вспоминать на людях.

Вадим снова поддернул рюкзаки.

— Я ничего не вспоминал.

— Ну да, конечно. Так, и где же моя жена?

За разговором они прошли между зданий и оказались на небольшой заасфальтированной площади перед аэропортом. Здесь стояло несколько машин, и в стороне — древний автобус. К нему гуськом, ежась на ветру, направлялось с десятков человек, которые то ли только что прибыли на другом вертолете, то ли наоборот, проводили родственников, то ли вообще работали в аэропорту и теперь возвращались домой со смены. Возле машин — двух не особо дорогих иномарок и одной отечественной «Нивы», упаковывали багаж еще несколько силуэтов, которые сопровождали сборы теми звуками, которые положено издавать, когда холодно.

Далеко впереди переливался огнями большой поселок, который еще чуть-чуть- и вполне мог бы носить гордое звание города. Яна невольно засмотрелась на это зрелище. Ей еще не доводилось видеть в этом мире настолько обширного населенного пункта. В вечернем небе над ним стояло зарево от огней, и прямо теперь казалось, что никогда еще не приходилось видеть зрелища прекраснее.

Все-таки город находился достаточно далеко, однако даже с их места в нем наблюдалось движение — пусть не такое оживленное, как в городах обычного мира. Впечатление усиливалось тем, что это самое движение формировали здесь привычные машины, насколько можно было судить, без каких-либо элементов дополнительной защиты. От аэропорта к городу вела асфальтовая дорога на две полосы, вдоль которой горели фонари — правда, раза в три пореже, чем полагалось по стандартам старого мира. Зрелище это было настолько нормальным, спокойным и умиротворяющим, что на какое-то время осознание того, что она по-прежнему находится в Улье, показалось Яне порождением тягостного бреда.

— Приятно после этого дурдома, который там, за ледником, вернуться сюда, — угадал ее мысли Серега. — Каждый раз, когда там вот ходишь, думаешь — а ведь есть же место, где жизнь — просто жизнь, а не бодание со всей мерзостью и грязью этого безумного чистилища... — он с силой зажмурился и вытер свободной рукой слезящиеся глаза. — Блин, ну лирика лирикой, а все-таки где моя жена?

Егорыч кашлянул.

— Ребят, может, пока не поздно — на автобус?

Яна подышала на руки, потирая их, чтобы согреться.

— А откуда твоя... Надя могла узнать, что встречать нужно именно сейчас?

— Так ведь командир выручил — связывался с землей перед посадкой. Не слышала, как он спрашивал, что передать? — Серега вытянул шею, вглядываясь в вечернюю дорогу. — Что-то у меня с глазами какая-то ерунда. Вадька, это кто едет — не Надя?

Действительно по дороге со стороны города так стремительно, насколько это вообще было возможно для его конструкции, двигался старый, битый жизнью «уазик». Через несколько мгновений он уже влетел на площадь, едва разминувшись с выезжавшей «Нивой». И затормозил перед самой честной компанией так лихо, что будь здесь хоть один гибддэшник, он бы смог сделать на этом горе-водиле свой дневной бюджет.

Водительская дверь распахнулась, и оттуда на асфальт выпрыгнула среднерослая и коротко стриженная темноволосая молодая женщина с решительным волевым лицом и ястребиным профилем. И, ни с кем не здороваясь и не говоря ни слова, с ходу бросилась на шею Сереге.

— Ой... А... кто это у тебя на руках?

— Надюха, — младший разведчик с совершенно счастливым лицом еще раз притянул к себе супругу и с чувством чмокнул в стянутую морозом щеку. — Блин, как же я по тебе соскучился!

— А что, у тебя время было скучать? А когда ж ты работал, что так рано вернулся? И где ты ребенка нагулял, охламон?

Не дожидаясь ответов на свои вопросы, жена Сереги резко оставила в покое супруга, на морде лица которого по-прежнему читался абсолютный восторг и обратила свой взор на остальных. Яна почувствовала, что ее изучают — прямо и неприкрыто, но без неприязни. Однако, миг спустя сине-фиолетовые глаза новой знакомой мигнули, и наваждение, будто некая упругая, могучая, как таран сила бесцеремонно рвется в ее разум, у девушки пропало.

— Я Надя, — глядя на всех и никого в отдельности, представилась Серегина вторая половина, по недавнему примеру Яны потирая подмерзшие руки. — А вы...

— Надежда, это наши новые друзья, которых мы встретили на маршруте, — Вадим, видимо, решил, что теперь самое время брать все в свои руки, если они не хотят стоять на ветру дольше необходимого. — Павел Егорович и его внуки — Алексей и Лена. А это Яна. Мы намеревались пригласить их пожить у нас какое-то время, пока все не утрясется. Но они не хотят причинять тебе беспокойства.

Серегина жена усмехнулась и, потянувшись, взяла из рук мужа четырехлетнюю Лену. Вопреки ожиданиям, та пошла легко и, обняв женщину за шею, подняла к ней посерьезневшее лицо.

— Ты похожа на маму.

Надежда дернула углом рта, но тут же овладела собой, улыбнувшись ребенку.

— Правда?

Лена кивнула с самым серьезным видом. Леха переглянулся с дедом и басовито, повзрослому кашлянул.

— Вообще-то да, похожи. Ну, лицом.

Надежда улыбнулась снова — с едва заметным усилием.

— Ну какое беспокойство может причинить такая лапочка? — она отодвинула выбившиеся из-под шапки детские волосы и чмокнула ребенка в замерзшую щеку. — Да вы чего вообще? «Беспокойство», надо же, слово какое выдумали, — Серегина жена фыркнула и мотнула головой на стоявшее за ее спиной чудо отечественного автомобилестроения. — А ну, живо в машину! И утрамбуйте как-нибудь там. Стоят тут, как придур... умные на ветру. Щас же поехали домой. Эх, знала бы, что вас так много — одолжила б у соседа его «буханку».

Яне по-всякому доводилось просыпаться в Улье. Почти во всех случаях сразу после этого дела требовалось вскакивать и, сломя голову, куда-то нестись, имея на хвосте разную нечисть. И притом хорошо, если за день что-то пожевать — в основном, тоже на ходу.

В этот раз все было иначе. Первое, что увидела девушка при пробуждении — это деревянный потолок и часть окна, в которое ярко светило полуденное солнце. Постель, в которой она лежала, была мягкой и до того удобной, что похоже, Яна как упала, так и ни разу не пошевелилась за всю ночь, так как у нее затекло все тело.

Морщась и неслышно охая, девушка выбралась из кровати и поднялась на подрагивавшие ноги. Ноги, впрочем, ее радовали с самого вчерашнего дня. Как и все остальное, что она, наконец, смогла рассмотреть в душе, где сидела так долго, что вылила на себя не меньше полбака нагретой воды.

Долгий путь домой к равнодушным разведчикам, скудная кормежка и тяжелый рюкзак благотворным образом сказались как на подтянувшемся физическом здоровье Яны, так и на чисто эстетической стороне дела. Едва ли ей когда-либо светило сделаться дюймовочкой — но при нынешних реалиях в сравнении с тем, что было, девушка себе почти нравилась. Картину довершали отросшие белые волосы Яны, которые, будучи вымытыми настоящим шампунем, создавали пушистый ореол вокруг похудевшего лица и несколько меняли старый и негодный образ в целом.

Вдоволь налюбовавшись на себя в большом, до пола, зеркале, которое было вставлено в дверцу старого шифоньера, девушка завернулась в огромный — не иначе, Вадимов халат и, волоча полами по деревянному полу, отошла к окну.

Окно большого деревянного сруба братьев выходило на оживлённую улицу частного сектора, который располагался на окраине города с противоположной стороны от аэропорта.

Яна вспомнила вчерашний вечер. Тогда они, утрамбовавшись как селедки в уазик, плюс пришибленная перелетом старая Найда, ехали по освещенным городским улицам, попутно любуясь на трех-четырёхэтажные дома и стеклянные витрины магазинов. Прохожих на улицах было много, в том числе гуляющих с детьми и собаками. Все говорило о том, что ужасы приграничных территорий и одиноких стабов за ледником этого поселения не касались. А если касались — то относительно и очень давно. Люди здесь если и чувствовали, что живут в чистилище, то хорошо это скрывали.

Это место было нормальным.

И Яне здесь нравилось. Даже несмотря на суровую погоду.

Тем более, что финал их путешествия превзошел все ожидания.

Братья жили в большом деревянном срубе, который стоял в ряду похожих — очевидно, город ставил сразу улицу одинаковых домов, которые жители потом перестраивали кто во что горазд. Разведчикитоже постарались — к стандартному домику было пристроено два аппендикса, один такой же деревянный, другой — из еще не оштукатуренных обломков кирпича. Неоштукатуренный был не достроен и служил гаражом.

Коммуникации, правда, оказались локальными, как и похоже, во всей этой части города. Водопровод тянулся от шахты со скважиной, а крыша поблескивала покрывавшими ее солнечными панелями — как и все крыши на этой улице и соседних. «Удобства» оставались на улице. Но Серега клятвенно заверил, что «трубу» из дома к «кабинету»

собирались тянуть уже в этот сезон. А теперь, когда помощников прибавилось, стопудово протянут...

В целом наблюдалось, что на участке братьев еще оставалось, что делать. Но поскольку разведчики большую часть времени проводили за пределами города, осваивая новые маршруты и изыскивая приключения на свои головы, стройка имела все шансы сделаться долговечной.

Видимо, из этих соображений большей частью свободной земли завладела жена Сереги. Надя развела, где смогла, кусты смородины, малины и всего прочего, могущего произрастать в условиях крайнего севера. Все это как раз сейчас плодоносило, и Лёха с Леной еще с вечера как следует порезвились в саду «мамы-тети Нади», объев там все, что было доступно.

Яне здесь нравилось. Она привыкла не доверять реальности Улья. И осознавала, что в любой миг любое происшествие было способно отнять у нее то, что сейчас так красиво предлагалось. Но в эту реальность хотелось верить. Ради того, чтобы остаться в этом городе, девушка готова была выходить за его пределы в рейды с разведчиками, бегать от монстров, таскать тяжелый рюкзак и спать в грязи.

Серега был прав. Когда можно было куда-то вернуться, «экспедиции» за пределы ледника казались терпимыми. И даже отчасти увлекательными приключениями. Тем более, что отпуск разведчика после каждого такого рейда длился больше месяца...

— Проснулась наконец-то? Что ж ты в такую-то рань — вечер еще не наступил! И что ты будешь — овсянку с малиной или омлет?

Надя стояла в дверях такая же, как и вчера — прямолинейная и не особенно дружившая с такими понятиями как «деликатность» и «личное пространство».

Жену Сергея сложно было понять сразу даже Яне, которая хорошо умела разбираться в людях. Единственное что она знала точно — со стороны Нади ей лично не исходило никакой угрозы. Во всяком случае, пока.

Она улыбнулась.

— Если можно омлет. Ты сделаешь?

Собеседница хмыкнула.

— Ну, сделаю, раз предложила. Кстати, хорошо, что ты выбрала омлет. Малину — это я так, к слову пришлось. Ее обнесли малые, еще вчера, — она мотнула головой. — Пошли на кухню, поболтаем.

Дом разведчиков и Нади оказался на удивление тихим — если вспомнить, скольких человек он приютил со вчерашнего дня. Из большой комнаты, в которой стоял старый телевизор, доносились характерные звуки мультфильмов. В дверной проем была видна Лена, которая сидела перед экраном на коврике в обнимку с большим и не очень чистым игрушечным медведем. Больше никто не показывался — ни Егорыч со старшим внуком, ни хозяйева-братья.

— Ну так они всю ночь отчеты писали, — отвечая на невысказанный вопрос и, очевидно, имея в виду разведчиков, Надя прошла в просторную и светлую кухню, где они все только вчера сидели за наскоро собранным ужином. — А сегодня с утра умотали в свою контору — докладывать о результатах экспедиции и приведенных иммунных. Проторчат там до вечера. Информацию о вас тоже передадут, куда нужно. И потом уже вызовут в отдел кадров, чтобы пропесочить ваши Дары, у кого какой. Ну и подобрать подходящее занятие с учетом навыков, способностей и пожеланий. Короче, пару дней, пока там будет вся эта бюрократия, у вас есть. Отдыхайте. Натерпелись, небось?

Яна неопределенно пожалала плечом. «Натерпелись» было не тем словом, которым она бы охарактеризовала то, что уже произошло с ней. И то, что еще будет происходить.

Пока хозяйка гремела сковородками и хлопала дверью холодильника, Яна присела за деревянный стол. Последний, как видно, был сколочен кем-то из братьев, так как на заводской походил мало.

— А где Егорыч и Лёха?

Надя решительным жестом расколола на заскворчавшую сковороду два яйца с конкретными желтыми желтками. На секунду задумавшись, расколола и третье.

— Ушли погулять по центру. Одежды прикупить. Того, что вы принесли, конечно не хватит, чтобы жить и не позориться.

Яна с благодарностью приняла тарелку с наскоро поджаренной яичницей.

— А чем здесь нужно расплачиваться? Этими... кругляшами?

— Рублями, — Надя отошла к мойке. Набрав в миску воды, она придвинула ведро нечищенной картошки. — И копейками. Посуди сама — даже один споран вещь очень ценная. А значит, в магазине нужно каждый раз набирать товаров на большую сумму, чтобы расплатиться именно спораном. Ну и как быть, если ты зашла, чтоб купить просто булку или карандаш?

Яна задумалась.

— Записывать на счет?

Собеседница хмыкнула, тонко счищая шелуху.

— Работает только в небольших стабах с проверенными клиентами. Поэтому в РССС рублевая система. Пришлые сначала идут в обменник — или обменивают прямо в магазине на месте. И отовариваются. А местные получают зарплаты в рублях. Если собираются наружу — идут в тот же обменник.

Яна признала, что такая система вполне отвечала взаимному удобству, насколько это вообще было возможно. Поэтому, взяв из вазы кусок хлеба, уже без разговоров напрямую занялась яичницей. Она насколько отвыкла есть в чистоте, за столом, при помощи тарелки и вилки, что некоторое время полностью посвятила себя одному только этому процессу.

— Ты мне вот что скажи, — у Нади, которая чистила картошку, в отличие от Яны не имелось возможности полностью посвятить себя одному только этому процессу, так как ее рот оставался свободен. — А чего это я вчера постелила тебе в маленькой комнате?

Гостья удивленно подняла глаза.

— Ты сама выбирала, где стелить, — искренне не поняла она, разделявая последний из трех желтых «глаз». — Я бы легла, где угодно. Или что ты имеешь в виду?

Надя хмыкнула.

— Дурочкой не притворяйся, белянка. Вадя с Серегой, конечно, просидели ночь над своими картами и писульками, а потом их еще в систему вбивали. Но все равно ночь, да не всю. Я же знаю. Я своего мужика дождалась.

Яна дожевала последний кусок и принялась тщательно возюкать хлебом по тарелке, собирая остатки.

— Не знаю, что тебе почудилось. Между нами ничего нет.

Миг спустя она ощутила чудовищный нажим — Яне показалось, что вот-вот лопнет черепная коробка. Девушка вскинулась, поймав устремленный на нее взгляд синевфиолетовых Надиных глаз. И, собрав всколыхнувшееся раздражение, отшвырнула от себя зарвавшуюся ментанта. Жена Сереги дернулась на стуле, выронив нож, и влетев спиной в находившуюся там мойку.

Проморгавшись, Надя увидела стоявшую перед ней Яну. В руках та держала использованную тарелку.

— Не делай так больше, — негромко попросила она. И, обойдя хозяйку дома, склонилась к мойке с другой стороны.

Надя, потирая затылок, молча наблюдала, как гостья моет за собой посуду. Ее ровный, смуглый лоб перечеркнули две вертикальные морщины.

— Серега не говорил, что ты так можешь. Почему скрывала, что ты ментант?

Яна вытащила из подстаканника в котором стояли вилки и ложки второй нож и, пододвинув табуретку, тоже присела возле ведра.

— Я не ментант, — после паузы проговорила она. На миг взгляды двух молодых женщин пересеклись и Яна нехотя пояснила. — Бабка была ведьмой, учила... всякой ерунде. Я была еще малой совсем, думала, она со мной играет. И давно обо всем забыла. А здесь начинаю вспоминать. Обрывками, по чуть-чуть... Может, это Улей так на меня действует?

Серегина жена усмехнулась.

— Интересная была у тебя бабка, белянка. Ну, не злись. Я сама владею своим Даром чуть больше полгода. Из стаба не вылезаю, даже гороха не ем. А значит, он почти не развивается. Была бы поумелее — прощупала тебя шустро и незаметно.

Яна не сразу нашлась, что ответить.

— Ну, так что тебе все-таки понадобилось у меня в голове? — наконец спросила она, за неимением другого занятия, продолжая орудовать ножом.

Надя сдвинула красивые тонкие брови.

— Хотела узнать, правду ли ты сказала о вас с Вадькой. Похоже, что все-таки правду. Нет, ну в самом деле. Серьезно не видишь, как он на тебя смотрит?

Яна неопределенно пожала плечами.

— Не слепая. Но он же просто смотрит. Говорить ничего не говорит.

— И не скажет. Это же Вадька. Он после своей Оксаны так больше никому ничего и не сказал, — неудачливая ментант запястьем убрала со лба упавшую прядь волос. — И не

смотрел ни на кого. Целых семь лет, с тех пор как нас занесло сюда. А теперь смотрит на тебя. Я серьезно, не понимаю. Да, он молчит, как дурак, но ты-то — тебе совсем нечего ему сказать? До сих пор не разглядела, что он за человек? Он тебе что, не нравится?

Гостья бросила последнюю картофелину в миску, заляпав столешницу.

— Нравится. Спас мне жизнь не один раз. Я ему благодарна. И Сереге благодарна. Если бы не они — я бы сюда не добралась. Но...

— Что? — не удержалась Надя, поскольку Янино ноканье явно затянулось. Хозяйка дома тщательно промыла мясо, бросила его в здоровенный казан. И, прикрыв тот крышкой, обернулась к гостье. — Что не так? Вадим не человек — поэтому?

Яна качнула головой.

— Нет, не поэтому.

— Тогда что? Только не говори, что типа он этого не хочет. Я его знаю, как облупленного — хочет, только предложи. Ну?

Яна непритворно вздохнула.

— Тебе лук нарезать не надо?

— Надо, — Надя отклеилась от стола, о который опиралась задом, и полезла в мешок под холодильником. — Я нарежу. Ты пока говори.

— Да нечего тут говорить, — гостья досадливо поморщилась. Прямолинейная и назойливая собеседница ее порядком допекла. Но, хотя жена Сереги лезла конкретно не в свое дело, Яна чувствовала себя достаточно обязанной, чтобы все-таки поддерживать разговор. — Забодала ты меня своим Вадимом. Все они... сначала «ути-пути» — а потом «гав-гав-гав». Не нужно мне этого больше.

Серегина жена бросила на нее слезящийся взгляд и вытерла под носом рукавом. Не помогло — лук, который она нарезала, продолжал делать его коварное дело.

— Что, обжигалась с мужиками?

Яна не ответила. Впрочем, Наде ее ответ был и не нужен.

— Я тебе еще кое-что расскажу про Вадьку, а ты сама потом подумаешь, кого считаешь не нужным.

Гостья мотнула головой.

— Может, хватит, Надь? Я не то, чтобы люблю все эти... разговоры. Да и, прости, не твое это дело.

— Хватит так хватит, — Серегина жена ссыпала лук в казан и тщательно перемешала его с пустившим дух мясом. Унюхав этот запах, Яна вдруг поняла, что не так уж плотно и поела, и вполне готова повторить. — Только я думала, что тебе было бы интересно узнать, как Вадька стал квазом. О, кстати, и вот еще что. Подожди-ка...

Она сорвалась с места и вылетела из кухни. Однако, не успела изумленная Яна и пары раз хлопнуть глазами, как Надя уже вернулась и ткнула в Янины руки большую фотографию в рамке.

— Тебе и это не интересно?

На фотографии, обнявшись, стояли трое. Двое были Яне знакомы, хотя Серега и Надя с заметно выпиравшим животом выглядели гораздо моложе своих теперешних лет. Третьего, высокого и коротко стриженного светловолосого парня с худым серьезным лицом ей раньше видеть не доводилось.

И только миг спустя она поняла, кого именно видит на этой картинке.

— А как он... Вадим стал квазом? — негромко спросила Яна.

Надя, которая внимательно следила за ее лицом, удовлетворенно кивнула.

— Обычно квазами становятся одинаково. Жрут не то, что надо. Но Вадькин случай — другой.

Она снова помешала в казане и, прикрыв его крышкой, присела напротив гостыи, которая продолжала вглядываться в незнакомое ей раньше человеческое Вадимово лицо.

— Здесь, в Улье, все не так, как там, — Надя неопределенно мотнула головой, но Яна ее поняла. — Улей не щадит никого — ни взрослых, ни детей. И даже если ты вытянешь свой счастливый билет, и останешься человеком, это не означает, что твои дети автоматически тоже будут иммунными. И после того, как наберут вес выше пятнадцати килограмм, не превратятся в чудовищ. Можешь представить, каково это? Поэтому, как правило, детей здесь стараются не рожать.

Яна подняла брови.

— Подожди. А разве у вас нет лекарства от заразы? Вадя же дал Ленке какую-то белую таблетку...

— Вадя дал не таблетку, а белую жемчужину. Когда Серега мне сказал, я чуть не выпала в осадок. Он же берег ее для себя... когда мы поняли, что Улей не хочет моих детей. Белый жемчуг, величайшее сокровище Улья, за которое некоторые готовы мать продать, и которое добывают только из скребберов — это единственное лекарство от заражения. И единственный способ для кваза сделаться обратно человеком. Других способов не существует.

— А тогда откуда у Вадима эта... жемчужина?

Надя грустно усмехнулась.

— Дай дорассказать, белянка. Так вот, местные стараются беречься, как могут. Но понятное дело, время от времени залеты случаются. А белый жемчуг — это то, что могут позволить себя только самые-самые, и то далеко не во всех стабах. Поэтому в РССС существует соцпрограмма. Очередь на получение «детской» жемчужины от государства. Тем, кому она может понадобиться. Все-таки не все дети становятся зараженными — процент иммунных есть и среди них.

Яна начала догадываться. Но для окончательного понимания ей не хватало информации.

— А что нужно, чтобы встать в очередь?

— Ничего особенного. Просто зарегистрироваться и отдавать четвертую часть зарплаты. И так — до самого залета. Как правило, вклада одного человека не хватает, и люди, близкие родственники или друзья кооперируются — «скидываются» своими вкладами, до недостающей стоимости. Так тоже можно.

— А если не хватает вкладов? «Залетному» ребенку не дадут жемчужину?

— Дадут, — успокоила Надя, но по ее тону было понятно, что дальше последует продолжение. — Только в этом случае и родители, и ребенок лишаются возможности покидать стаб до тех пор, пока не выплатят стоимости жемчужины. Или если один из родителей не вернет саму жемчужину — например, добудет скреббера. Что абсолютно нереально. Этим тварей бьют с большого расстояния или с вертолетов. Добыть их в одиночку трудно.

Она помолчала.

— При этом родители должны отдавать не по четверти, а по половине зарплат, оба. А одного из них... как правило, отца, привлекают для особо опасных или тяжелых работ —

например, для охоты на тех же скребберов. А уровень смертности среди неквалифицированных охотников...

— Я поняла. И вы, значит...

— Угу. Я уже была беременной, когда попала сюда. Но... не получилось. Потом — через год. Тоже облом. И, наконец, на третий год пребывания в Улье. Тогда беременность держалась дольше всего, и мы были совсем уверены, что вот оно, наше счастливое попадалово... К тому времени мы уже давно стояли в очереди. Но до жемчужины, даже если соединить все три зарплаты — Вадьки, Сереги и мою, было далеко, как до неба. Поэтому Вадя решил ускорить процесс. Он записался в добровольцы для участия в каком-то эксперименте. Который якобы наделял способностью носителя Дара распространять действие своего Дара на других иммунных. Те, кто проводил эксперимент, знали, что эти исследования не проходят без последствия для подопытных. Поэтому за участие полагалась жемчужина. Будущий дядя решил, что непременно добудет ее для племянника.

Яна кашлянула.

— А почему не будущий папа принял такое решение? — негромко спросила она. Надя усмехнулась.

— Думай что угодно, но Серега первым побежал записываться в участники. Только там тоже сидят не альтруисты. У Сереги не было нужного им Дара. А у Вадьки — был. Ну : после, когда уже с помощью знахарей выяснилось, что ребенка в Улье мне не выносить, он все-таки забрал жемчуг себе. И носил при себе, все время. Не ел, потому что это нивелировало бы полученную при эксперименте способность прятать от чужих глаз целую группу. Но шанс вернуть себе человеческий вид находился у него прямо под рукой. А теперь он этим шансом выкупил жизнь Ленки. Считай, обменял свою жизнь на её. Вот такой он человек, наш Вадим.

Яна вспомнила подавленное настроение кваза, которое долго владело им после того, как они нашли и вылечили капризную Лену, и ей многое стало понятно.

Надя тем временем умолкла на полуслове, прислушиваясь. Под окнами раздался близкий рев мотора. В просветах между досками забора нарисовался подъехавший уже знакомый силуэт старого «УАЗа».

— Вернулись? Так рано? Вот странно, я не ждала их раньше восьми-девяти...

К еще большему удивлению Нади, подкативший к дому «уазик» не собирался заезжать во двор. В окно было видно, как из работавшей машины выскочил Серега. И, не глуша мотор, забежал в калитку.

— Ничего себе. Что-то случилось, белянка. А ну пошли, выясним.

Однако, младший разведчик уже было в доме. С грохотом пробежав через весь коридор, он показался в дверях кухни одновременно с тем, как хозяйка и ее гостя заспешили на выход.

— Яна! — судя по его тону и отсутствию обычного шутового настроения, произошло что-то действительно серьезное. Об этом говорил весь вид Сереги — ни Яна, ни даже собственная жена никогда не видели настолько сильного волнения на его лице. — Бегом в машину, бегом! Не собирайся — некогда. Тебя вызывают в Центральный, к Комбату. Я не знаю, зачем! Быстрее, штаны только надень — и за мной! Вертолет, чтоб его, уже ждет! Живей, живей, живей!

Яна сидела у еле тлевшего костра и не то, чтобы удивлялась. Все происходило как всегда, в её жизни по-другому бывало редко. Хотя, если подумать, то в этот раз даже её пресловутое везение превзошло самое себя.

В Ульяе редко что-то застаивается. Это девушка уже давно уяснила. Однако последние трое суток её жизни вовсе мелькали перед глазами, как калейдоскоп.

... Глава Архипелага РССС принял её в свое кабинете сразу же, как только его личный вертолет доставил Яну на площадку во внутреннем дворе местного дома правительства в стабе Центральный. Высокий и физически крепкий даже на вид бравый военный с жестким взглядом, каким он сразу показался гостю, не стал ходить вокруг да около и сразу перешел к сути.

А суть заключалась в следующем.

До появления Яны во всём содружестве Архипелага РССС было известно всего о трёх носителях Дара, который давал возможность безвредно гулять в «черноте». В рамках секретной операции под кодовым названием «Черный заповедник» эта тройка совершала рейды в черноту с целью выявления причин излучаемых ею аномалий. Про эти аномалии Яна уже успела частично услышать от Сереги ещё во время полета в Южнокрай, поэтому многое из того, о чем говорил Комбат, не стало для нее какой-то особой новостью.

Отчего именно ее и так спешно вызвали в местный «Кремль» девушка тоже догадалась задолго до того, как высокий собеседник закончил говорить. А вот о том, почему Яну доставили к самому главе РССС, а не к кому-нибудь рангом пониже, она узнала не сразу. Но в итоге узнала все равно.

Всего группа из трех нечувствительных к черноте исследователей успела совершить в плотное скопление мёртвых кластеров четыре экспедиции. Одну — по воде, к предполагаемому источнику воздушных аномалий. Правда, эта стала самой короткой из всех, так как длилась меньше двух часов — черная вода не особо приветливо встретила незваных гостей. И три по суше.

Из последней, третьей экспедиции ее участники не вернулись.

Случилось это почти две недели назад. За это время в черноту пытались ходить поисковые группы. Но ввиду почти полного отсутствия нормальных, жизнеспособных кластеров на пути предполагаемого следования экспедиции, где можно было бы передохнуть от губительного влияния мрака, спасатели раз за разом возвращались ни с чем. След экспедиции терялся в двух часах пути от последнего известного людям «островка нормальности» в черноте. И больше об ушедших во мрак исследователях ничего известно не было.

Кроме одного. По крайней мере, единственный из участников похода абсолютно точно все еще оставался жив. И ради него Комбат принял срочное решение привлечь и посвятить в детали секретной операции только-только заявившуюся в его царство Яну.

Впрочем, Комбата можно было понять. Девятнадцатилетний Руслан приходился ему сыном.

На том, что ее брат жив, настаивала сестра-близнец Руслана, Мирослава. Оба они — брат и сестра, были иммунными детьми Улья, и их связь позволяла чувствовать друг друга на расстоянии. Так, во всяком случае, утверждала Мирослава, и эти уверения — единственное,

что оставалось у Комбата. А заодно — у родственников тех двух участников экспедиции, кто уходил и пропал в проклятой черноте вместе с сыном главы Архипелага.

Мирослава, которая была рождена в Улье и прожила в нем девятнадцать полных лет, чувствовала присутствие брата даже сквозь огромную толщу мертвых кластеров. И могла бы провести группу спасателей к нему, а заодно к двум его пропавшим товарищам, как по маяку.

Если бы обладала способностью ходить в темноте.

Все это Комбат четко и спокойно раскладывал перед Яной как по полкам. Он говорил о том, что случилось и том, что предстояло сделать новой гражданке его Архипелага так, словно это давным-давно было решено, и согласие девушки требовалось только формально. Яна, поджав ноги в его кресле, с непроницаемым лицом пригубливала великолепный кофе и вид сохраняла «лихой и придурковатый, дабы разумением своим не смущать начальство». В действительности же она размышляла, тщательно и напряженно — о тех перспективах, которые ждали ее, если она бы все-таки отказалась от участия в планах Комбата. И тех вариантах, которые оставались ей при согласии...

... Ночь постепенно шла на спад. Черное небо бледнело и серело, уступая место зарождавшемуся рассвету. Становилось холоднее. Мирослава, которая лежала по другую сторону костра спиной к огню, шевельнулась в своем ультратонком и ультратеплом мешке. Хоть один несомненный плюс в их, на Янин взгляд, безнадежной экспедиции все-таки был — снаряжение. Комбат, понятное дело, не поспешил ради дочери, и неумелой, не наученной как следует пользоваться ни Даром, ни техникой его распространения альбиноски, которая ее сопровождала.

Хотя по мнению Яны, заботливый папа стал бы еще заботливее, если бы ради спасения одного ребенка не подвергал опасности другого. А высказал бы Мирославе всю правду о ее затее, и запер где-нибудь покрепче до тех пор, пока не одумается.

И тогда двум молодым женщинам не пришлось бы идти по тропе, которой часто ходили самые опасные в этом мире твари. А Яне вдобавок не пришлось давать согласие на введение в организм сыворотки «распространения Дара», которая несколькими годами ранее изувечила Вадима, и кто его знает, скольких еще добровольцев вместе с ним.

Правда, с тех пор сыворотка была доработана, а ее побочные эффекты для мужчин и женщин сильно отличались. Но толку с того, что теперь Яна могла «распространять Дар» хождения по черноте на других, все равно оказалось немного. Ввиду острой нехватки времени — так как тот кластер, где пропала экспедиция, мог перезагрузиться в любой момент — Яна получила только общие инструкции, без возможности хотя бы отчасти потренироваться в том, что ей предстояло. А ввиду отсутствия опыта, как ни тужилась, девушка не могла одновременно «покрывать» своим Даром больше одного человека. В особенности, длительное время.

Видимо, Комбат очень любил своего сына, и придавал тому большое значение, раз соглашался на подобного рода авантюру для дочери. Либо здесь крылось что-то еще. Впрочем, что именно — Яну не касалось. Ее делом было — идти за руку с Мирославой по проложенному прошлой экспедицией пути. И найти или не найти своих предшественников — но в любом случае привести обратно второго ребенка Комбата если не здоровой, то хотя бы просто живой...

— Не спишь?

В дороге дочь Комбата почти не разговаривала со своей спутницей. Во-первых,

разговоры забирали у самой Яны дополнительные резервы сил, которые альбиноска и так тратила в огромном количестве для того, чтобы Мирослава могла идти рядом с ней сквозь антрацитово-черную реальность и не умирать. Во-вторых, преданная сестра пропавшего брата сама шла не просто так — она тоже готова была в любой момент прикрыть их обеих своим Даром маскировки на случай появления скреббера или кто знает какой еще опасности. В-третьих, Мирослава была чем-то подавлена, и дело тут было не только в пропавшем брате.

Все это Яна чувствовала подспудно, но сил на обдумывание и догадки не оставалось. Неумелое и очень продолжительное использование «распространения Дара» уже вовсю проявляло на ней свой побочный эффект. И, разглядывая и ощупывая себя во время коротких передышек в нечерных микро-кластерах, которые время от времени попадались на их пути, Яна все больше убеждалась, что если следовать здравому смыслу, ей ради спасения собственной жизни прямо теперь следовало поворачивать назад.

Очевидно, дочь Комбата тоже видела то, что творилось с ее спутницей и догадывалась, какие мысли бродили в ее голове. Это подвигло Мирославу снизойти до разговора — первого за прошедшие полтора дня.

— Не сплю, — выдала очевидное Яна, протирая покрытые мелкими белыми волосками истаявшие руки. Смешно, но когда-то она готова была на что угодно, лишь бы иметь хрупкое, изящное и чрезвычайно худое сложение. Уже в который раз ей пришлось убедиться, что «бойтесь своих желаний» — это было как раз про неё.

Побочный «женский» эффект действия сыворотки проявлялся про явственнее. Неумелой трансляцией Дара Яна уже сожгла почти все свои жировые запасы подчистую. И дальше, если верить осторожным предупреждениям деликатных медиков, приходила очередь для мышечной и костной тканей.

— Не сплю, — негромко повторила она. — Уже скоро рассветет, можно будет двигаться дальше. Это же последний известный «остров» на карте?

— Да, последний. Дальше до самого Заповедника — никаких «островов».

Дочь Комбата приподнялась и села, оборачивая к Яне лицо. Альбиноска в который раз залюбовалась тонкими чертами своей спутницы — по меркам любого, даже самого придирчивого ценителя красоты, Мирослава была обворожительно красива. Ее красота могла одновременно казаться то яркой, бьющей наотмашь, то роковой, позволявшей ее обладательнице сделать своим рабом любого мужчину, то ненавязчивой, представляя носившую ее девушку самым воплощением чистоты и невинности. Из того, что Яна успела узнать на уровне слухов — дочь главы Архипелага, среди нескольких развитых Даров имела способность «нимфы» и могла как угодно затуманивать разум, подчиняя своей воле — якобы только мужчин.

Однако, за те полтора дня, что они провели бок о бок, Яна стала серьезно подозревать, что не только.

— Послушай. Теперь, когда мы уже близко, ты должна еще кое-что узнать. На случай... на всякий случай.

Яна очнулась, стряхивая оцепенение. Прозрачные глаза нимфы смотрели прямо на нее и, очевидно, ментанту уровня Мирославы не стоило больших усилий, чтобы дурить любую голову даже через разделявший их огонь.

— Не надо... так... делать, — с усилием пробормотала Яна, с трудом удерживая концентрацию сознания независимой от попыток чужого вмешательства. — Просто...

скажи, что ты хочешь. Я... тебе помогу. Если... у меня... получится.

— Прости, — нимфа подтянула полы спального мешка, кутаясь в него, как в куртку. — Мне просто нужно знать, что я могу тебе верить. Потому что одной мне туда не дойти. А дойти нужно. Обязательно.

Яна нахмурилась. После отражения металлической атаки ей стало жарко — несмотря на царивший вокруг предрассветный холод.

— Идти еще далеко?

Мирослава качнула головой.

— Нет. Не очень. До Внешнего Периметра — не больше пяти часов.

Альбиноска нахмурилась сильнее.

— Внешнего Периметра чего?

— Заповедника, — прозрачные глаза нимфы мигнули, но, спохватившись, Мирослава сама с некоторым усилием отвела взгляд. — Послушай. Я знаю, что тебя просто накачали этой дрянью и выпихнули под руку со мной сюда, в этот мрак. И ничего толком не объяснили. Но ты тоже пойми — отец не был уверен, что мы с тобой зайдем так далеко. И выдавать... определенные сведения левому бесполезному человеку — с его точки зрения было по меньшей мере недальновидно.

Яна криво усмехнулась, но промолчала. Все, что произошло с ней после того, как она села в вертолет Комбата, было настолько стремительно, поспешно и странно, что она предпочла просто воспринимать все как данность. Тем более, что вряд ли серьезные люди, которые обратили на нее свое внимание, сделали бы это, имейся у них другой выбор.

— А что это за Заповедник?

На этот раз Мирослава помолчала. То ли все-таки колеблясь, то ли раздумывая, как подойдчивее ответить на Янин вопрос.

— Во время второй экспедиции по Тропе Древних — это так Руслан маршрут обозвал, из-за шастающих тут скребберов — его группа наткнулась на некую... область. Она тоже черная, как и все другие мертвые кластеры. Но при этом все-таки отличается. Руслан не смог толком сформулировать, в чем заключалось отличие Периметра. Он просто сказал, что при приближении его можно почувствовать.

Яна неслышно вздохнула.

— Я поняла. А что там, за Периметром? Тот самый Заповедник?

Мирослава снова отвела взгляд. И, дернув плечами, глубже натянула ткань сверхлегкого мешка.

— За Периметром смерть. Для тех, кто не умеет чувствовать Улей, — она упрямо стиснула губы. — Руслан говорил о россыпи странных аномалий. Одного из его людей с такой силой ударило током в одной из них, что если бы не Дар целителя другого — из той экспедиции им бы пришлось возвращаться вдвоем. Потом они попытались обойти Периметр по касательной — но та область слишком большая. Им не хватило ресурсов, и они вернулись обратно.

— Дай я угадаю — третью экспедицию твой брат организовал, чтобы все-таки попытаться пройти через эти самые смертельные аномалии?

Дочь Комбата качнула головой.

— Нет. Во всяком случае, речь шла только о том, чтобы просто обогнуть Периметр и зафиксировать его границы — в том случае, если он кольцевой. Не заходя вовнутрь. Потому что это действительно опасно. Руслан признался, что у него сложилось впечатление — все

эти аномалии расположены хоть и беспорядочно, но не бессмысленно. Похоже, они — что-то вроде защитного устройства, которое закрывает путь вовнутрь Периметра для тех, кто попытается пройти.

Яна хмыкнула.

— Ну, а что за этими самыми аномалиями, в самом Заповеднике — вы не знаете? И у вас не имеется никаких догадок?

Собеседница хмыкнула в ответ.

— Отчего же нет, есть. Но, как ты правильно сказала, это просто догадки. Чтобы их проверить, нужно войти вовнутрь Периметра и обогнуть защитные механизмы Заповедника. А без группы ветеранов Уля со способностями следопытов и сенсов это почти невозможно.

— Ну да, — Яна понимающе покивала головой. — Тогда еще вопрос. Какова вероятность, что твой брат все-таки взялся обходить Периметр, а не отправился напрямик в этот черт... черный Заповедник, покорять тамошние аномалии? А... ваш отец? Как он, зная о такой возможности отправил сюда тебя??

— Отец ничего не знает об аномалиях.

Изумить Яну было не так-то просто, но последнее признание собеседницы на некоторое время лишило ее речи. Меж тем похоже, что это было еще не все.

— Слушай, — Мирослава на миг прищурилась, а потом заговорила решительно и жестко. — Давай совсем начистоту. Я знаю, что тебе это дается непросто. И я знаю, что мы с братом совершили ошибку, решив придержать особенность Заповедника в секрете. Мы догадывались, что если отец будет знать о том, что там есть еще опасности помимо скребберов, то он попросту никого из нас больше туда не отпустит. Поэтому пошли на обман... И теперь расплачиваемся за это... Еще честно должна тебе признаться, что я солгала. Я не могу точно знать, где мой брат. Проклятая чернота гасит нашу с ним связь, и я не знаю, куда идти. Но я знаю точно — мой брат жив. В этом я тебе не лгу. Не знаю, как его спутники, но Руслан жив, потому что будь он мертв, я бы это знала. На это нашей связи хватает. Клянусь памятью матери!

Она перевела дух.

— Там, за периметром — что-то очень важное. Что-то такое ради чего мой брат решился... возможно решился рискнуть своей жизнью. Но клянусь тебе, Яна, мне плевать. Что бы там ни было. Все, чего я хочу сейчас — это спасти моего брата. И ты — единственный человек во всем Архипелаге, кто может мне в этом помочь. Я прошу тебя — а я редко кого-то о чем-то прошу — помоги найти Руслана. Прощу тебя, помоги! А взамен... Клянусь, можешь требовать, чего захочешь. Я обещаю, что бы ты ни попросила...

Дочь Комбата резко умолкла, словно поперхнувшись последними словами. И, медленно отвернувшись от Яны, обернулась к тому, что, судя по лицу застывшей в смертельном ужасе альбиноски, вдруг стремительно и неслышно появилось за ее спиной из черноты...

Рейсовый вертолет из Центрального прибыл точно в срок. Вадим, который торчал в толпе встречающих, напряг глаза. Однако, никого, похожего на знакомую габаритную фигуру так и не разглядел. Из всех женщин, которые сходили теперь по трапу пассажирского Ми-26, на Яну походила только одна — да и то только ростом. Лиц с его места было еще толком не разглядеть, но и без лиц все, кто выгрузился теперь на взлетно-посадочную полосу определенно точно Яной не являлись.

Разведчик встревоженно прошелся взад и вперед за спинами терпеливо ожидавших встречающих и еще раз внимательно поглядел на табло. Цифры не оставляли сомнений — рейс был тот самый, о котором Котовским пришло извещение около суток назад. Едва ли в Центре связи могли шутить такими вещами. Скорее всего либо произошла ошибка, либо...

— Вадька, здравствуй.

Кваз крупно вздрогнул, оборачиваясь на поприветствовавший его голос. Та самая низкорослая пассажирка, худая и изможденная настолько, что была похожа на узников Бухенвальда, уже успела добраться до площадки встречающих, и теперь стояла перед ним, едва не падая под тяжестью туго набитого рюкзака.

При этом она разговаривала голосом Яны.

Несколько мгновений Вадим торчал, как столб, так как готов был к чему угодно, кроме такого. Потом опомнился — и без слов заграбастал стоявшую перед ним девушку в медвежьи объятия.

Ее рюкзак все-таки шлепнулся на пол. Принесенные квазом цветы тоже сильно пострадали. Тем более, что всколыхнувшийся вокруг людской поток пришел в движение — пассажиры, смешиваясь с встречающими друзьями и родственниками, торопились разойтись по автобусам и машинам. При этом их шубы, чемоданы, рюкзаки и авоськи то и дело задевали застывших в самом неудобном месте разведчика и его девушку...

— Обалдеть. Янка, это ты!

— Это еще не совсем я, — девушка, кое-как выкарабкавшись из объятий здорового кваза, быстро нагнулась и успела выхватить свой рюкзак из-под чьих-то ног.

Впрочем, с этим она запоздала — по ее вещам уже протоптались, причем не раз.

— Ты бы видел меня, когда мы все-таки выбрались из этой... чтоб ее, черноты. Если верить зеркалу, я была похожа на тень. Потом пролежала под капельницами почти две недели прежде, чем разрешили встать.

Она смущенно улыбнулась, отдавая рюкзак и принимая из лап Вадима помятые цветы.

— Видишь ли, толстяки не могут позволить себе быть слабыми. Иначе как нам таскать на себе этот вес. А после... спасательной экспедиции я даже руку не могла поднять. Чернота выела мышцы до кости. Когда еще нахожу и наем себе новые...

Вадим отстранился и еще раз, уже по-новому оглядел незнакомый для себя облик знакомой девушки.

Яна действительно выглядела сильно изможденной и постаревшей. Она сильно похудела — почти втрое против того, что было раньше. Однако, держалась девушка гораздо увереннее в себе, а в лице читалось некое вдохновение, как у человека, который занимается нужным и при этом интересным делом.

— Похоже, твоя поездка была удачной.

Яна улыбнулась и затолкала под шапку выбившиеся из-под нее белые пряди волос.

— Скорее да, чем нет, — она мотнула головой в сторону выхода. — Может быть, пойдём? Или гости вам порядком надоели? Могу тогда остановиться в гостинице...

— Не говори ерунды.

Вадим закинул объемный рюкзак девушки на плечо. Вдвоем они поторопились — точнее, поползли на выход. Совершив марш-бросок по взлетно-посадочной полосе Яна, как видно, совершенно выдохлась и теперь шла неспешно, временами останавливаясь и часто отдыхая.

— На самом деле, я приехала не просто так, — в очередной раз притормозив у здания аэропорта, Яна оперлась на руку Вадима, пережидая сковывавшую ее немочь. — Хочу предложить вам — тебе и Сереге, высокооплачиваемую работу. Ох...

Она покачнулась. Кваз, который, по-видимому, больше не в силах был терпеть такое безобразие, поправил висевший на одном плече рюкзак. После чего без слов подхватил почти невесомую — по сравнению с тем, что было раньше Яну и, не сбавляя шага, на руках донес ее до машины.

— Вот теперь можешь рассказывать дальше.

— Рассказывать придется долго, — девушка нырнула в «шибко комфортный» салон старого УАЗа, и тут же сунулась к печке — благо, Вадим подъехал недавно и выстыть полностью машина не успела. — Давай сначала домой доберемся. Серега должен услышать — его это тоже касается. А если прямо сейчас и коротко — недавно была экспедиция в черноту. В ту ее часть, куда шастают скребберы. Разведчики предполагали, что там что-то интересное — и они не ошиблись. Там действительно что-то есть. Но это что-то смертельно опасно. Чтобы как следует исследовать это загадочное нечто, нужен бывалый ветеран с Даром следопыта.

— Как у Сереги?

Яна кивнула.

— Да. И тот, кто сможет всех прикрыть, при встрече с тамошними... неведомыми зверушками тоже. Одна из таких зверушек... скреббер, застала врасплох нашу группу, когда мы искали следы пропавшей экспедиции. Хотя зверюга ничего не сделала — наоборот, она принесла одного из тех, кого мы искали прямо к нашим ногам, в следующий раз нам может так не повезти.

Вадим, который сидел, скрючившись в ожидании, когда прогретую машину можно будет трогать с места, в изумлении воззрился на невозмутимую Яну.

— Погоди, ты о чем? Хочешь сказать, что скреббер вынес к экспедиции живого человека? И никого не тронул? Ты точно ничего не путаешь?

Яна тяжело вздохнула.

— Говорю же, это произошло у меня на глазах. Скреббер вышел к нам, положил на землю тело, и ушел обратно в черноту. Тот человек жив, но сейчас он в коме, и выйдет ли из нее — неизвестно. Знахари, которые его обследовали, отмечают, что причиной комы могла быть сильная ментальная вспышка, которая пропекла ему мозги. Дело в том, что этот человек... обладал способностью «нимфы», причем запредельного уровня. Он мог подчинять чужие мысли. Очевидно, когда тварь напала на его отряд, он в отчаяние попытался докричаться до ее разума и отдать какой-то приказ — например, нести себя к людям. Это почти убило его, но в итоге приказ все-таки нашел отклик в разуме скреббера. Вадя, я не знаю, как такое могло случиться, — Яна уронила цветы на колени и потеряла

люб. — Знаю только, что командование собирается отправить туда новую экспедицию, и у меня две недели, чтобы отдохнуть и вернуться в Центральный для тренировок с группой, которая будет в нее входить. Вот я и приехала выяснить — хотите ли вы с Серегой участвовать в этом мероприятии.

Вадим молчал. Старый «уазик» давно прогрелся, однако, кваз не спешил трогаться, переваривая информацию.

— Нам с Серегой и Надей действительно нужно выслушать твой рассказ целиком, — он вздохнул и осторожно покосился на Яну. — Такие решения просто так не принимаются. Нужно взвесить за и против.

— Ну вот и я говорю — поехали, дома и поговорим. Ой, совсем забыла. Я же привезла тебе подарок.

Девушка расстегнула шубу и полезла во внутренний карман. Провозившись некоторое время, выудила оттуда и положила на недоуменно протянутую широкую ладонь кваза отливавший перламутром большой белый кругляш.

— Это... что?

— Белая жемчужина. Личная благодарность Комбата за оказанную услугу, — Яна поспешно отодвинула от себя мужскую ладонь, в которой лежало теперь настоящее сокровище. — Я специально в хранилище выбрала самую крупную. Вадя, бери. Ты... слушай, мне она не нужна. Я, если хочешь, всю жизнь мечтала о способе, который позволит мне есть и не толстеть. А после тренировок мне обещали — я сумею транслировать мою способность так, чтобы она не пожирала меня снаружи и изнутри. Ты же так умеешь. Да все умеют, если научить. Так что бери... Слушай, просто возьми и всё!

Что-то в ее тоне было такое, что Вадим так и не сказал ничего из того, что собирался. Закрыв уже было раззявленную пасть, он коротко кивнул, бережно подобрал с ладони жемчужину и сунул ее на старое место — во внутренний нагрудный карман. После чего все-таки завел мотор и вывел машину на дорогу к уже знакомому девушке райцентру.

Яна, все-таки ожидавшая взрыва возражений с его стороны, довольно расслабилась, откинувшись на жесткую спинку пассажирского сидения.

— Слушай, Вадя, а дома же найдется, что покушать?

Вадим, по морде которого гуляли самые разные выражения противоречивых эмоций, не раздумывая, кивнул.

— Конечно. У Нади вчера был выходной — она наготовила, — разведчик говорил с легкой запинкой. Неожиданный облик, а затем и подарок Яны выбили его из колеи. — Плюс на вечер Лёха добыл креветок — их как раз завезли. Почти час пацан в очереди простоял. Зато будет с чем новый ужастик посмотреть. Новые диски с последней поставки как раз размножили и выпустили в прокат.

В стороне от дороги потянулись стоящие в несколько рядов пластины огромных солнечных панелей. Они сверкали так, что глазу было больно смотреть.

Девушка и не смотрела. Приобернувшись к водителю, она оперлась плечом в спинку сидения и устремила на него взгляд.

— Я вот еще хотела кое о чем тебя спросить, если ты, конечно, не против.

Вадим, который в неудобье вел машину, не отрывая внимательного взгляда от дороги, вопросительно поднял безволосые брови.

— Спрашивай, — сдерживая улыбку, разрешил он. — О чем угодно.

Яна, впрочем, спросила не сразу. Она еще раз оценивающим взглядом окинула мощную

фигуру огромного разведчика, что-то прикидывая про себя.

— Что, раздумала?

— Нет, но мой вопрос деликатный, — девушка усмехнулась и провела пальцем вдоль стебля одного из лежавших на ее коленях полевых цветов. — Скажи, если обычной девушке ну очень сильно понравится какой-нибудь кваз. Так, чтобы прямо очень сильно. Может она надеяться на... какой-нибудь взаимный интерес с его стороны?

Очевидно, что Вадим готов был к чему угодно, кроме этого. На долгий миг его опшаршенное лицо застыло. Разведчик даже бросил на Яну быстрый настороженный взгляд, словно опасался, что над ним потешаются.

И, убедившись, что нет, вдруг невольно широко улыбнулся. Несмотря на звериные черты, это получилось у него легко и абсолютно по-человечески — как на памяти Яны никогда раньше.

— Конечно, может. Если только она не испугается.

Вадим не выдержал и улыбнулся еще шире, бросая на девушку еще один — куда более открытый и выразительный взгляд. Яна улыбнулась в ответ и снова разгладила подаренные ей цветы.

— Тогда давай попробуем начать с ужастика и креветок. А там... уже будет видно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net